

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
имени Е.М. ПРИМАКОВА
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

РОССИЯ И МИР: 2025

ЭКОНОМИКА И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

Ежегодный прогноз

МОСКВА
ИМЭМО РАН
2024

Серия «Библиотека Национального исследовательского института
мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова»

Руководители проекта: академик РАН А.А. Дынкин, академик РАН В.Г. Барановский

Рецензенты:

директор Института экономики РАН, член-корреспондент РАН,
доктор экономических наук *М.Ю. Головин*
главный редактор журнала «Мировая экономика и международные отношения»,
кандидат исторических наук *А.В. Рябов*

Авторский коллектив:

Ю.Л. Адно, С.А. Афонцев, Е.А. Белков, К.В. Богданов, А.А. Бреславцева, И.В. Вахрушин, А.Р. Войтоловская,
П.С. Галаш, А.Д. Гронский, И.А. Гужев, А.А. Давыдов, Р.Д. Дауров, Е.А. Десятки, С.С. Дмитриев,
Е.И. Добрева, С.В. Жуков, В.Ю. Журавлева, В.С. Загашвили, И.Д. Звягельская, И.Э. Ибрагимов,
Т.М. Кадырмамбетов, Е.А. Канаев, С.В. Кислицын, Н.А. Миронов, И.Я. Кобринская, Н.А. Кожанов,
И.А. Копытин, А.К. Кудрявцев, Е.М. Кузьмина, А.В. Куприянов, С.О. Лазовский, Е.Л. Леонтьева,
А.В. Ломанов, Ю.П. Лукашин, Г.Г. Макаревич, Д.Б. Малышева, Г.И. Мачавариани, И.О. Мишин,
Е.Н. Никитина, М.С. Павлова, И.А. Подколзина, Н.А. Пожилова, А.П. Поливач, В.В. Попов, И.Л. Прохоренко,
О.Б. Резникова, Л.М. Самарская, И.А. Свистунова, Э.Г. Соловьев, Н.Ю. Сурков, Н.В. Сухов, В.Ю. Татузов,
П.П. Тимофеев, Т.И. Тюкаева, А.Н. Федоровский, А.А. Филина, Б.Е. Фрумкин, Е.М. Харитонова,
М.В. Хорольская, Л.С. Худякова, М.И. Черкашин, А.С. Четверикова, В.Г. Швыдко

Ответственные редакторы: И.Я. Кобринская, Г.И. Мачавариани

Р76

Россия и мир: 2025. Экономика и внешняя политика. Ежегодный прогноз / рук. проекта:
А.А. Дынкин, В.Г. Барановский; отв. ред.: И.Я. Кобринская, Г.И. Мачавариани. – Москва: ИМЭМО РАН,
2024. – 213 с.
ISBN 978-5-9535-0633-5
DOI 10.20542/978-5-9535-0633-5

Доклад «Россия и мир: 2025» — двадцать третий в серии ежегодных публикаций ИМЭМО РАН. Доклад состоит из трех частей: глобальные тренды, экономика и внешняя политика. Главное внимание сфокусировано на проблемах, имеющих ключевое значение для обеспечения стабильного экономического и политического развития России на ближайшую (2025 г.) и более отдаленную перспективу. В подготовке доклада использован многолетний опыт прогнозных исследований, проводимых ИМЭМО РАН. Анализируются основные внешние вызовы для России и возможности ответа на них.

Russia and the World: 2025. Annual Forecast: Economy and Foreign Policy. A.A. Dynkin,
V.G. Baranovsky (project leads); I. Kobrinskaya, G. Machavariani (eds.).

The report "Russia and the World: 2025" is the twenty-third in a series of annual publications of IMEMO. The report consists of three parts: global trends, economy and foreign policy. The main focus is on issues of key importance for ensuring stable economic and political development of Russia in the immediate (2025) and longer term. The report is based on decades long IMEMO experience in forecast research. The main external challenges for Russia and options to respond them are analyzed.

УДК 338.27+339.9+327
ББК 65.5+66.4(0)

Публикации ИМЭМО РАН размещаются на сайте <https://www.imemo.ru>.

ISBN 978-5-9535-0633-5

© ИМЭМО РАН, 2024

РОССИЯ И МИР: 2025

Часть I. ГЛОБАЛЬНЫЕ ТРЕНДЫ

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ТРЕНДЫ	7
ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТРЕНДЫ	23

Часть II. ЭКОНОМИКА

РОССИЙСКАЯ ЭКОНОМИКА: СОХРАНЯЮЩИЕСЯ САНКЦИИ	37
МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА: РОСТ В УСЛОВИЯХ ТУРБУЛЕНТНОСТИ	40
МИРОВАЯ ВАЛЮТНО-ФИНАНСОВАЯ СИСТЕМА	46
ЭКОЛОГИЯ	53
ПРОГНОЗ КОНЪЮНКТУРЫ ОСНОВНЫХ РЫНКОВ РОССИЙСКОГО ЭКСПОРТА	62
Продовольствие	62
Нефть и газ	70
Металлы	75
Лесобумажные товары	84
СОСТОЯНИЕ И ПРОГНОЗ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ ОСНОВНЫХ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН	89
Страны Европы	89
Соединенные Штаты Америки	97
Япония	100
Китай	103
Индия	108
Пакистан	109
Бангладеш	109
Анализ достоверности прогноза на 2023 г.	111

Часть III. ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ АМЕРИКИ	115
ЕВРОПА.....	127
БЛИЖНИЙ ВОСТОК И АФГАНИСТАН.....	144
ПОСТСОВЕТСКОЕ ПРОСТРАНСТВО	161
ИНДО-ТИХООКЕАНСКАЯ АЗИЯ	185

ЧАСТЬ I

ГЛОБАЛЬНЫЕ ТРЕНДЫ

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ТРЕНДЫ

Динамика экономического роста. В прошедшем 2024 г. глобальная экономика продемонстрировала устойчивость к эндогенным и экзогенным шокам различной природы и силы. Распределение мировой экономической активности в географическом разрезе продолжает смещаться в сторону Азиатско-Тихоокеанского региона. Главными драйверами мирового экономического роста остаются страны БРИКС — Индия и Китай (таблица 1).

Таблица 1. Темпы роста ВВП в крупнейших экономиках мира в 2023–2025 гг.

	2023	2024, оценка	2025, прогноз
Страны БРИКС			
Бразилия	2,9	3	2,1
Индия	8	7	6,5
Китай	5,2	4,8	4,5
Россия	3,6	3,6 – 3,9	1,8–2,5
ЮАР	0,7	1	1,2
Развитые страны			
США	2,9	2,8	2,0
Германия	–0,3	–0,1	1,3
Япония	1,9	0,9	1,0
Великобритания	0,3	1	1,5
Франция	0,9	0,7	1,4
Италия	0,9	0,7	0,7
Испания	2,7	2,8	2,1
Нидерланды	0,1	0,6	1,3
Канада	1,2	1,2	2,3
Экспортеры промышленных изделий			
Мексика	3,2	2,4	1,4
Южная Корея	1,4	2,3	2,3
Тайвань	1,4	3,1	2,7
Малайзия	3,5	5	4,6
Филиппины	5,5	5,7	6
Таиланд	1,9	2,8	3
Вьетнам	5	6,3	6,1
Ближний Восток			
Турция	5	3	3
Саудовская Аравия	–0,8	2,6	6,0

Источники: Министерство экономического развития Российской Федерации, Международный валютный фонд, ЦЭИ ИМЭМО РАН.

Среди развитых стран динамично растущая американская экономика все больше отрывается от европейских экономик, которые, исключая Испанию, демонстрируют вялый

экономический рост. Подорванная в том числе излишне радикальными темпами энергетического перехода и разрывом взаимовыгодных экономических связей с Россией, экономика Германии в 2023 и 2024 гг. переживала рецессию. Темпы восстановительного роста германской экономики в 2025 г. будут невысокими, причем, учитывая продолжающуюся деиндустриализацию, возвращение на траекторию положительной экономической динамики не гарантировано и окажется чрезвычайно болезненным. Высокий экономический динамизм демонстрируют экспортеры промышленных изделий, в первую очередь в АСЕАН, которые выигрывают от экономического противостояния США и Китая.

Несмотря на замедление роста, Китай усиливает свои позиции в мировой экономике. Столкнувшись со структурным замедлением экономического роста, Китай усилил ставку на экспортный спрос, остающийся главным драйвером развития китайской экономики. Вторая по масштабам экономика мира по текущему обменному курсу национальной валюты и первая по паритету покупательной способности национальной валюты поддерживает высокое положительное сальдо во внешней торговле товарами (рисунок 1). С момента экзогенного шока COVID-19 и начала военного конфликта на Украине долгосрочная тенденция к усилению глобальной экономической экспансии Китая продолжает развиваться. Китай стал ведущей мировой торговой державой, обойдя Европу и США.

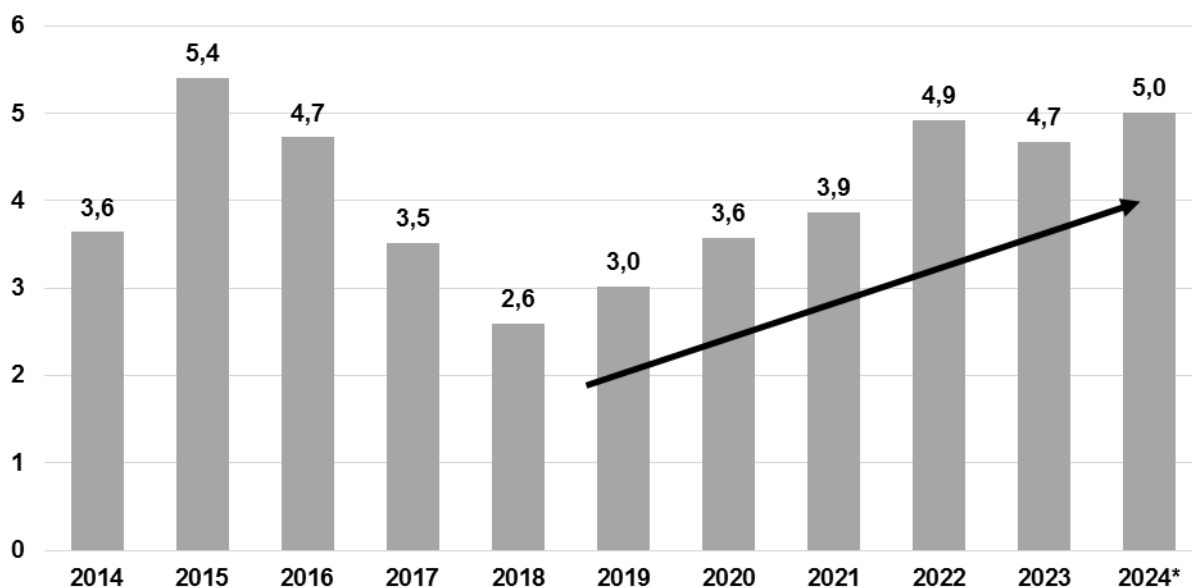

Рисунок 1. Китай: отношение сальдо внешней торговли товарами к ВВП, %.

Источники: ЦЭИ ИМЭМО РАН по данным Международного валютного фонда, International Trade Centre.

По уровню технологической сложности экономики Китай вошел в число мировых лидеров, а китайские экспортеры готовы к глобальной конкуренции по всей линейке готовых промышленных изделий. Главным экспортным рынком Китая с 2023 г. являются страны АСЕАН. Существенно возросла значимость экспорта в Россию, страны Центральной Азии, нефтеэкспортеры Залива, Индию, Мексику и Бразилию. Растущие потребности Китая в импорте сырья и доступе к экспортным рынкам стимулируют глобальную экспансию китайского капитала. В 2020 — первой половине 2024 г. Китай направил за рубеж более 220 млрд долл. инвестиций. Крупнейшими реципиентами инвестиций из Китая стали

Индонезия, Бразилия, США, Великобритания, Саудовская Аравия, Сингапур, Франция, Демократическая Республика Конго, Гайана, Венгрия, Вьетнам и Нидерланды. Кумулятивные кредиты и помощь Китая третьим странам достигают почти 1,5 трлн долл., что сделало его одним из крупнейших мировых финансовых доноров.

Снижение целевых процентных ставок центральными банками

Мировой экономический рост поддерживает политика центральных банков в ведущих экономиках мира по снижению целевых процентных ставок (рисунок 2). Добившись значительных успехов в подавлении инфляции, центробанки осторожно переходят к более мягкой монетарной политике. Снижение цены заимствований на финансовом рынке выступает мощным фактором стимулирования активности частного сектора.

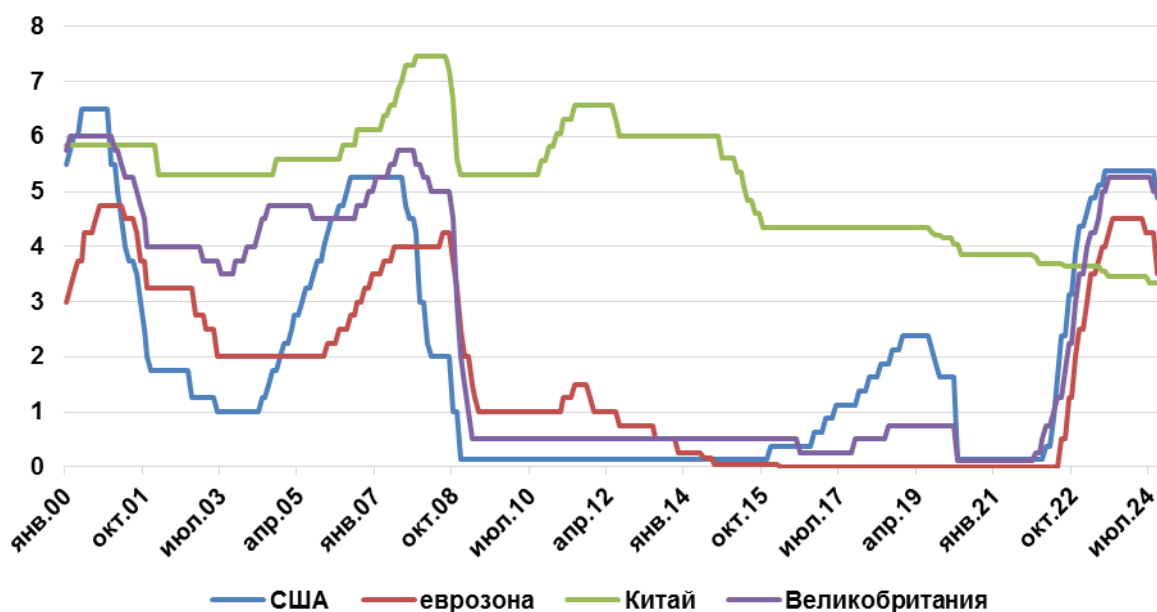

Рисунок 2. Динамика целевых процентных ставок центральных банков в январе 2000 — сентябре 2024 г., %.

Источник: Банк международных расчетов.

Государственный долг. Важнейшим фактором стимулирования экономической активности в большинстве крупных и средних экономик остается наращивание государственного долга. Лишь в Индонезии, Турции и России по разным причинам отношение долга к валовому внутреннему продукту составляет менее 50 % (рисунок 3). В Японии госдолг превосходит ВВП в 2,5 раза. В Сингапуре, Греции, Италии, США, Франции, Канаде, Бельгии, Испании и Великобритании отношение государственного долга к ВВП превышает 100 %.

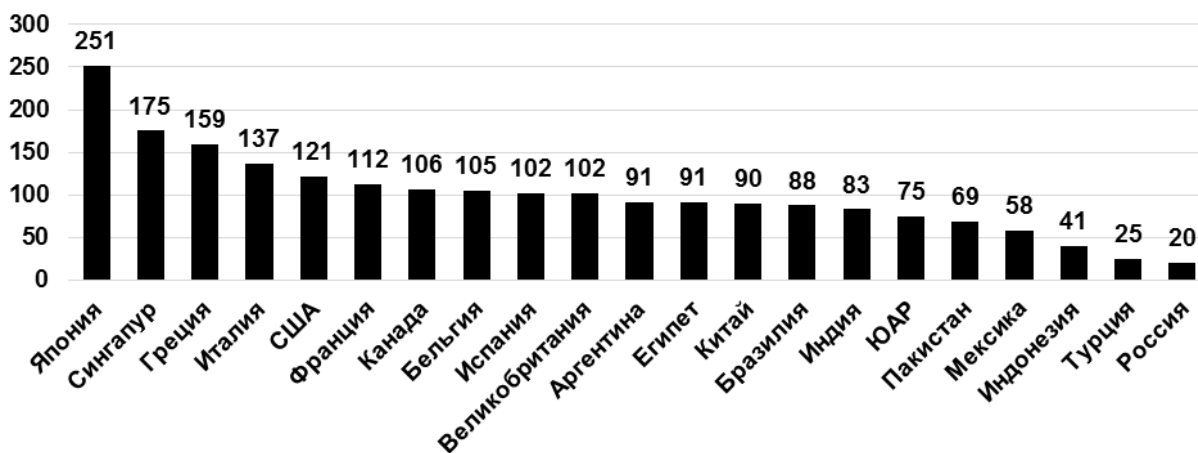

Рисунок 3. Отношение государственного долга к ВВП в 2024 г., %.

Источник: Международный валютный фонд.

По уровню государственного долга Китай быстро догоняет США (рисунок 4). Развитие в долг создает риски и повышает хрупкость всей конструкции экономического роста.

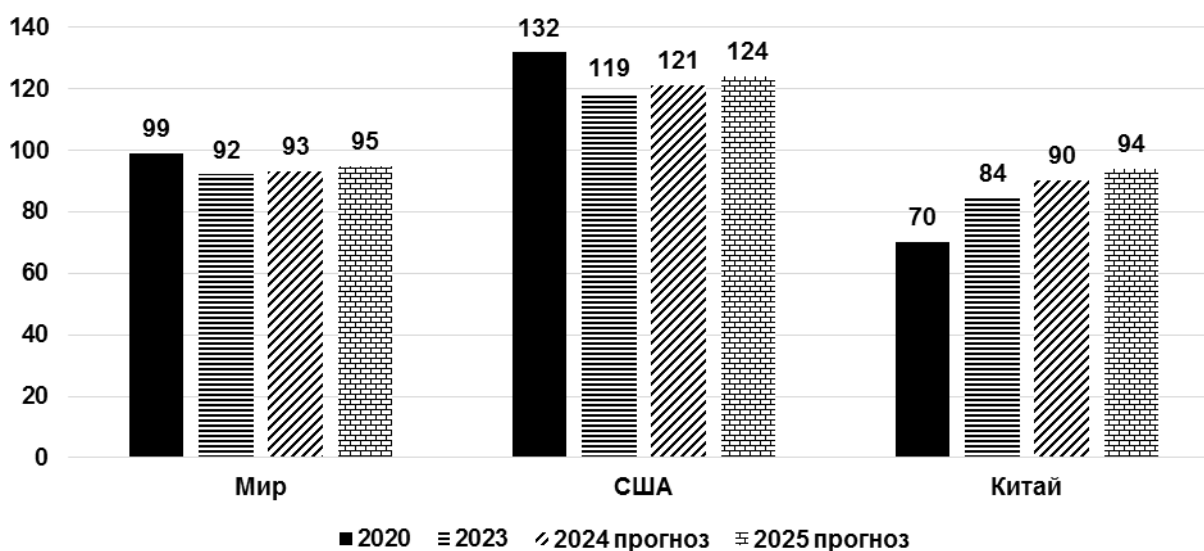

Рисунок 4. Мир, США и Китай: отношение государственного долга к ВВП в 2020–2025 гг., %.

Источник: Международный валютный фонд.

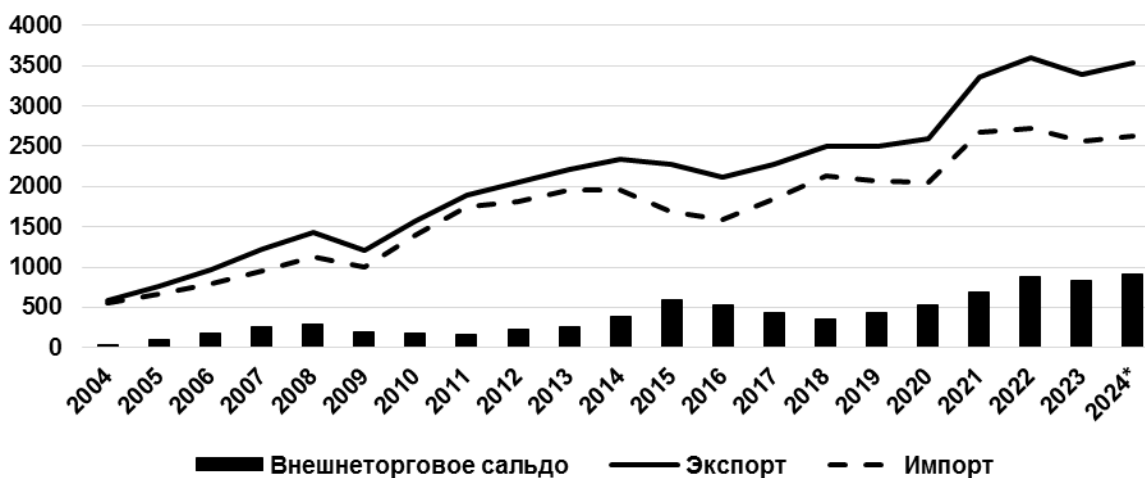
Милитаризация экономического роста. Важным структурным сдвигом в мировой экономике стала милитаризация экономического роста. По оценкам, в 2019–2024 гг. отношение военных расходов к ВВП выросло во всех европейских странах, кроме Болгарии. На 1 п. п. и выше этот показатель вырос в Польше, Эстонии, Латвии, Швеции, Дании и Финляндии. При этом в США из-за опережающего роста ВВП данное отношение снизилось на 0,1 п. п., хотя только в 2024 г. военные расходы в абсолютном выражении выросли на 7,1 % к предыдущему году¹. В период нового президентства Д. Трампа, считающего, что

¹ Все расчеты в ценах и по официальным обменным курсам 2015 г.: Defence Expenditure of NATO Countries (2014–2024) // North Atlantic Treaty Organization. 2024. 17.01. https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_226465.htm.

европейские члены НАТО должны сами финансировать обеспечение собственной безопасности, военные расходы европейских стран вырастут.

Мировая торговля товарами

Несмотря на усиление протекционистских барьеров, попытки трансформировать глобальные цепочки создания стоимости и усиление санкционных режимов, мировая товарная торговля демонстрирует высокую устойчивость к этим и другим шокам. Китай, начиная с 2021 г., переживает экспортный бум (рисунок 5). Девальвируя упрощенные аналитические парадигмы деглобализации и декаплинга (разъединения экономик США и Китая), Китай в 2024 г. экспортировал в США почти на 100 млрд долл. (или 23 %) больше, чем в предковидном 2019 г. Хотя доля США в китайском экспорте снизилась, это произошло из-за еще быстрого наращивания экспорта КНР на рынки России, Вьетнама, Малайзии, Мексики, Таиланда и Индии (таблица 2). Помимо всего, страны АСЕАН и Мексика используются китайскими промышленными компаниями для обхода протекционистских барьеров США. Значимость для Китая экспорта на Тайвань снизилась незначительно. Существенно вырос китайский промышленный экспорт в Россию и Индию. Вместе с тем значимость рынков Японии и Южной Кореи для китайского экспорта заметно снизилась. Китайские компании переросли то разделение труда в обрабатывающей промышленности, которое сложилось в АТР в 1990–2000-е гг., и сравнительно меньше участвуют в цепочках создания стоимости с японскими и южнокорейскими партнерами.

* Оценки.

Рисунок 5. Китай: динамика товарного экспорта и импорта в 2004–2024 гг., млрд долл.

Источники: International Trade Centre, ЦЭИ ИМЭМО РАН.

Вопреки парадигме декаплинга, США в 2024 г. оттянули на себя бóльшую долю в товарном импорте Китая в сравнении с 2019 г (таблица 3). Бенефициарами роста китайского импорта стали сырьевые экономики Бразилии и России, а также новые индустриальные страны Вьетнам и Малайзия, которые все больше втягиваются в разделение труда с Китаем в обрабатывающей промышленности с прицелом на последующий экспорт в США и Европу.

Таблица 2. Китай: крупнейшие экспортные товарные рынки, % от совокупного товарного экспорта.

	2019	2024*	2024 к 2019, п. п.
США	16,8	14,6	-2,2
Гонконг	11,1	8,5	-2,6
Вьетнам	3,9	4,6	0,7
Япония	5,7	4,2	-1,5
Южная Корея	4,4	4,1	-0,3
Индия	3,0	3,4	0,4
Россия	2,0	3,2	1,2
Германия	3,2	3,0	-0,2
Малайзия	2,1	2,8	0,7
Мексика	1,9	2,6	0,7
Нидерланды	3,0	2,5	-0,4
Таиланд	1,8	2,4	0,5
Сингапур	2,2	2,2	0,0
Великобритания	2,5	2,2	-0,3
Тайвань	2,2	2,1	-0,1
15 стран	65,8	62,6	-3,2

* Оценка.

Источник: ЦЭИ ИМЭМО РАН по данным International Trade Centre.

Все бóльшая часть внешней торговли Китая осуществляется в юанях. Имея значительное положительное сальдо в торговле с большим числом стран, Китай стимулирует перевод двусторонней торговли на расчеты в юанях и клиринговые схемы. Этому также способствуют санкции Запада в отношении России, которая не имеет иных альтернатив. Тем не менее юань опосредует пока менее 1/3 внешнеторгового оборота Китая, который является главным бенефициаром глобализации и продолжает поддерживать внешнеторговые операции преимущественно в долларах и евро. Использование американской и европейской валют является важнейшим фактором в поддержке глобальной экспансии китайского капитала.

Таблица 3. Крупнейшие экспортеры товаров в Китай, % от совокупного товарного импорта Китая.

	2019	2024*	2024 к 2019, п. п.
Тайвань	8,3	8,3	0
Южная Корея	8,4	6,9	-1,5
США	6	6,3	0,3
Япония	8,3	5,9	-2,4
Австралия	5,9	5,5	-0,4
Россия	3	5,0	2,0
Бразилия	3,9	4,8	0,9
Малайзия	3,5	4,3	0,8
Вьетнам	3,1	4,1	1,0
Германия	5,1	3,6	-1,5
Индонезия	1,7	2,7	1,0
Швейцария	1,3	2,3	1,0
Саудовская Аравия	2,6	2,2	-0,4
Таиланд	2,2	1,8	-0,4
Канада	1,4	1,7	0,3
15 стран	64,8	65,4	0,6

* Оценка.

Источник: ИМЭМО РАН по данным International Trade Centre.

Китай остается третьим крупнейшим рынком для товарного экспорта США после географически близких Канады и Мексики, входящих вместе с Соединенными Штатами в Североамериканское соглашение о свободной торговле (таблица 4). Доля Китая в американском товарном экспорте в 2024 г. оказалась выше, чем в 2019 г., что дополнительно подчеркивает определенную эффективность для США торгового соглашения, заключенного между двумя странами в период первого президентства Д. Трампа. Опережающими темпами вырос экспорт из США в Нидерланды, являющиеся глобальным нефтегазовым хабом по распределению на Европейском континенте в том числе растущего американского нефтяного экспорта. Доли Великобритании и Франции в американском экспорте снизились, Германии — осталась на прежнем уровне. С высокой вероятностью США в 2025 г. усилят давление на своих европейских партнеров, побуждая их нарастить импорт американских товаров.

Таблица 4. США: крупнейшие экспортные товарные рынки, % от совокупного товарного экспорта.

	2019	2024*	2024 к 2019, п. п.
Канада	17,8	16,8	-1,1
Мексика	15,6	16,2	0,6
Китай	6,5	7,1	0,6
Нидерланды	3,1	4,4	1,3
Япония	4,5	3,9	-0,7
Великобритания	4,2	3,7	-0,5
Германия	3,7	3,6	0,0
Южная Корея	3,4	3,4	-0,1
Бразилия	2,6	2,3	-0,3
Сингапур	1,9	2,3	0,4
Франция	2,3	2,2	-0,2
Тайвань	1,9	2,0	0,1
Индия	2,1	2,0	0,0
Австралия	1,6	1,7	0,1
Италия	1,4	1,7	0,2
15 стран	72,7	73,2	

* Оценка.

Источник: ИМЭМО РАН по данным International Trade Centre.

В поисках прибыли американские компании активно включают эти страны в свои глобальные цепочки создания стоимости. Страны АСЕАН становятся важной производственной площадкой и для китайских компаний. Параллельными усилиями США и Китай помогают странам АСЕАН утвердиться в качестве крупного центра обрабатывающей промышленности глобального значения.

Таблица 5. Крупнейшие экспортеры товаров в США, % от совокупного товарного импорта США.

	2019	2024*	2024 к 2019, п. п.
Мексика	14,0	15,3	1,3
Китай	18,4	13,8	-4,6
Канада	12,7	12,8	0,1
Германия	5,1	5,0	-0,1
Япония	5,7	4,7	-1,1
Вьетнам	2,7	4,2	1,5
Южная Корея	3,1	4,2	1,1
Тайвань	2,2	3,6	1,4
Ирландия	2,4	2,9	0,5
Индия	2,3	2,8	0,4
Италия	2,3	2,4	0,1
Великобритания	2,5	2,1	-0,4
Таиланд	1,4	1,9	0,6
Франция	2,3	1,8	-0,5
Малайзия	1,62	1,5	-0,1
15 стран	78,7	79,0	0

* Оценка.

Источник: ИМЭМО РАН по данным International Trade Centre.

Мировой рынок нефти — вялый рост спроса. На мировом рынке нефти продолжается период доминирования США и глобальных американских и европейских нефтегазовых компаний. В 2024 г. участники соглашения ОПЕК+ были вынуждены придерживать нефтедобычу на фоне ее увеличения в США и других странах мира (рисунок 6). Государственные бюджеты ключевых стран ОПЕК и их партнеров по ОПЕК+ критически зависят от доходов от экспорта нефти, поэтому в условиях вялого роста спроса на нефть (рисунок 7), главным образом из-за структурного замедления китайской экономики и перехода ее в фазу интенсивного развития, они вынуждены сдерживать добычу, с тем чтобы не допустить обвала нефтяных котировок.

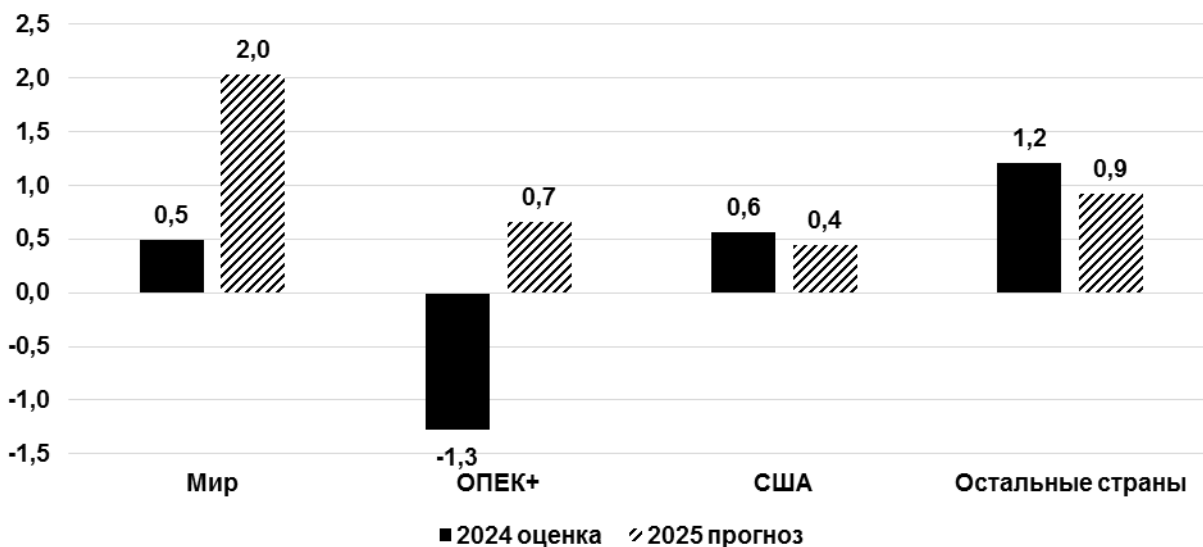

Рисунок 6. Прирост предложения на мировом рынке нефти в 2024 и 2025 гг., млн баррелей в день.

Источник: ЦЭИ ИМЭМО РАН по данным Министерства энергетики США.

В 2025 г. более активный рост глобального спроса на нефть, в принципе, открывает странам ОПЕК+ возможности для наращивания нефтедобычи, тем более что прирост добычи нефти в США и других странах мира может оказаться меньше, чем в 2024 г. Однако такой сценарий не гарантирован, в том числе потому, что новая американская администрация планирует поддержать существенное увеличение добычи нефти в США.

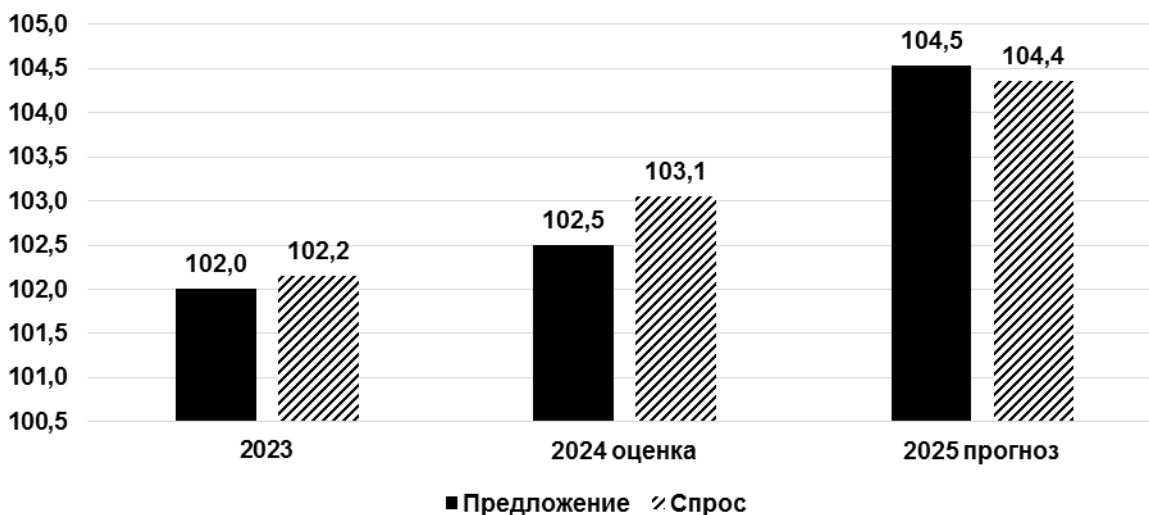

Рисунок 7. Баланс спроса и предложения на мировом рынке нефти в 2024 и 2025 гг., млн баррелей в день.

Источник: ЦЭИ ИМЭМО РАН по данным Министерства энергетики США.

В целом перспективы динамики спроса на нефть в ближайшие годы остаются высоко неопределенными. Ни одна развивающаяся страна не способна заменить Китай в качестве драйвера глобального спроса на нефть.

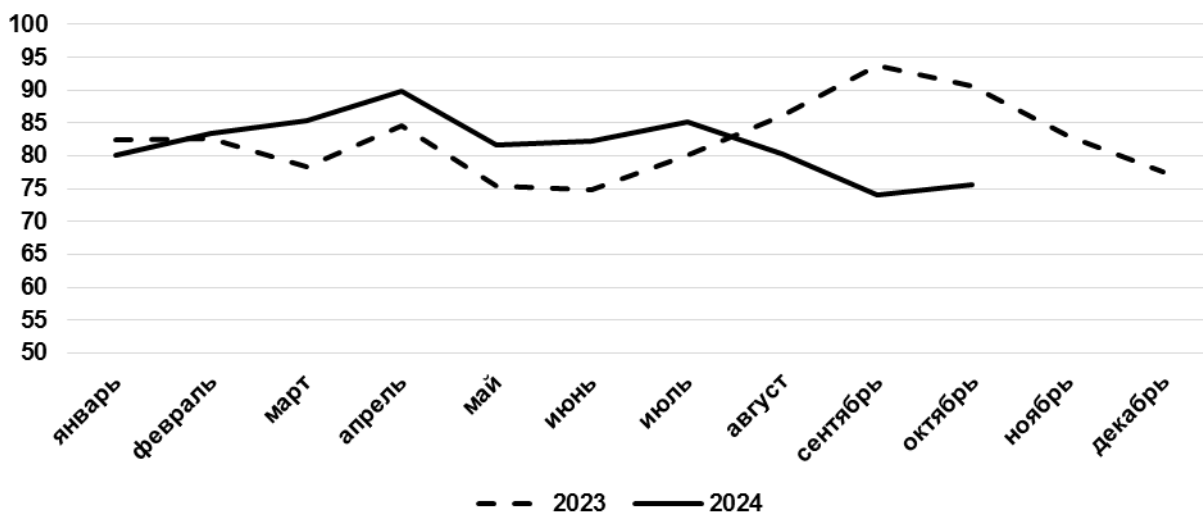
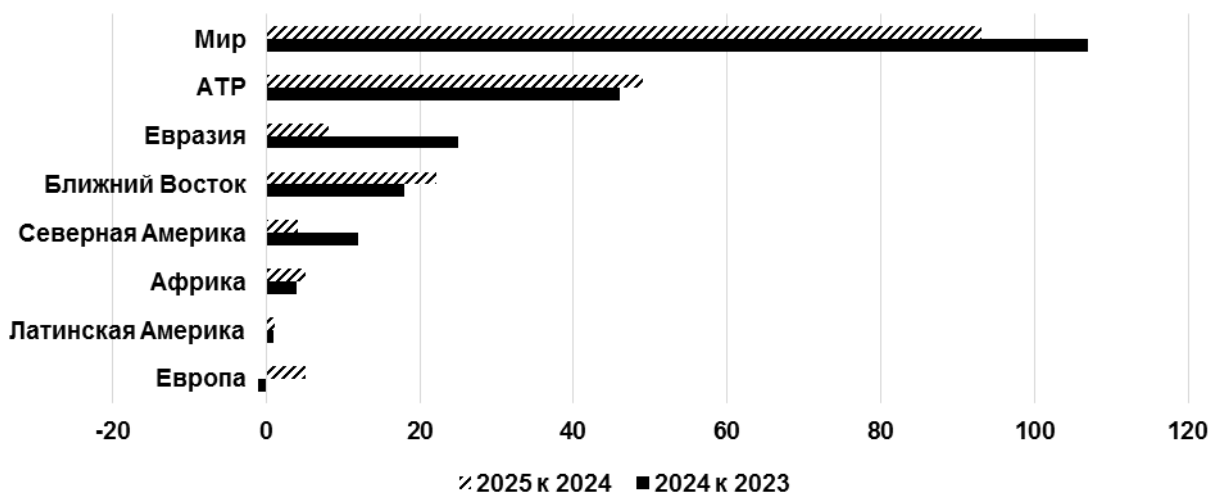

Рисунок 8. Помесячная динамика цены барреля нефти Brent в 2023 и 2024 гг., долл.

Источник: ЦЭИ ИМЭМО РАН по данным Energy Information Administration.

В случае отсутствия экзогенных геополитических шоков мировая цена нефти в 2025 г. останется в коридоре 70–90 долл. за баррель, что подтверждается спокойной динамикой месячных нефтяных котировок в январе–октябре 2024 г (рисунок 8).

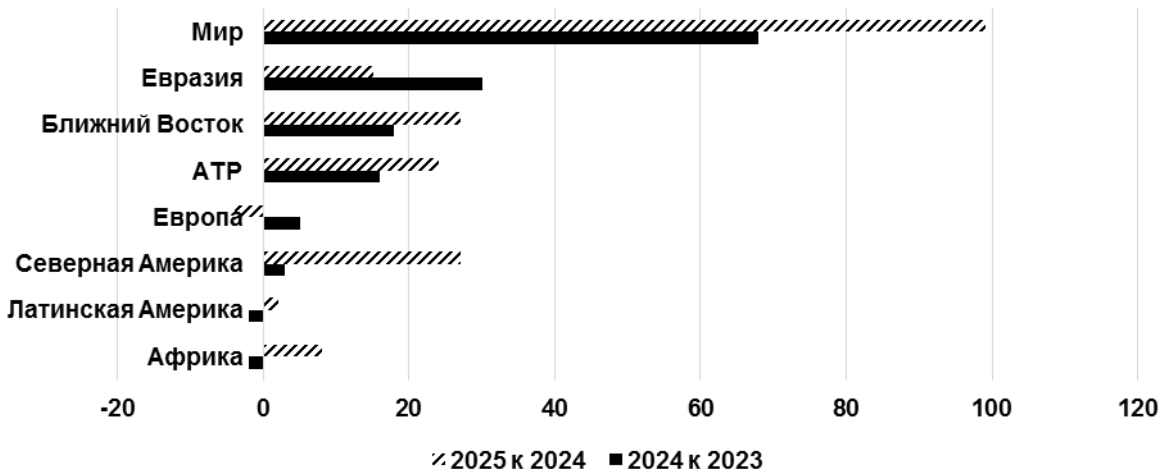

2024 г. — оценки, 2025 г. — прогноз.

Рисунок 9. Прирост/снижение спроса на природный газ в разрезе регионов мира, млрд куб. м.

Источник: Международное энергетическое агентство.

Региональные рынки природного газа — на разных ценовых уровнях. В мире в целом прирост спроса на газ в 2025 г. ожидается, по прогнозам Международного энергетического агентства (МЭА), ниже, чем в 2024 г., главным образом за счет Северной Америки и Евразии (рисунок 9). В АТР увеличение спроса на газ окажется примерно на уровне 2024 г. В Европе спрос вырастет на 5 млрд куб. м.

2024 г. — оценки, 2025 г. — прогноз.

Рисунок 10. Прирост/снижение производства природного газа в разрезе регионов мира, млрд куб. м.

Источник: Международное энергетическое агентство.

Основной вклад в прирост производства природного газа МЭА ожидает в Северной Америке и на Ближнем Востоке (рисунок 10). Из-за санкций запланированный рост производства СПГ в России сдвигается по временной шкале вправо.

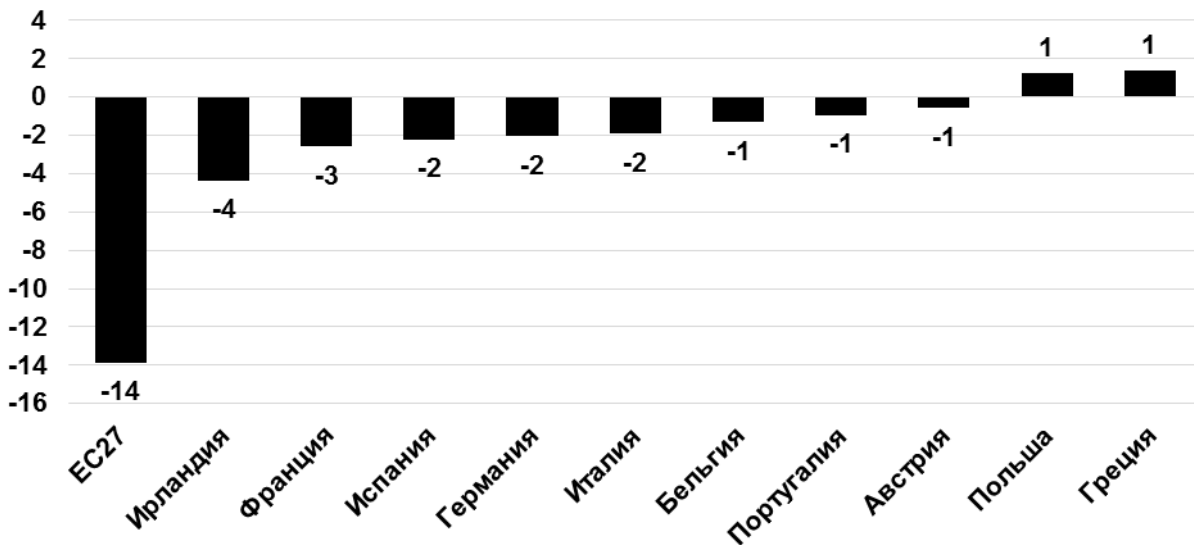

Рисунок 11. Динамика потребления природного газа в ЕС в 2024 г. к уровню 2023 г., млрд куб. м.

Источник: оценки ЦЭИ ИМЭМО РАН на основе данных Евростата.

Главными бенефициарами увеличения спроса на СПГ будут американские компании и Катар. В странах Евросоюза спрос на газ в 2024 г. снизится, по нашим оценкам, на 14 млрд куб. м, в основном за счет сокращения потребления в Ирландии, Франции, Испании, Германии и Италии (рисунок 11). Спрос на газ незначительно вырастет лишь в Польше и Греции.

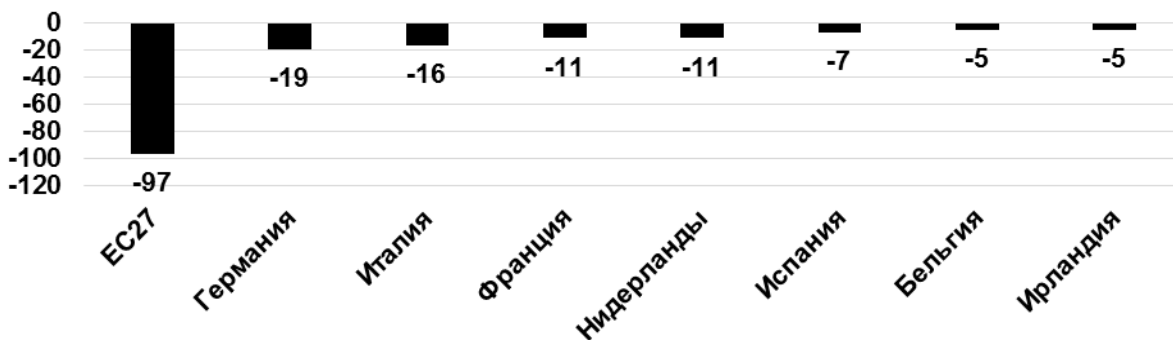

Рисунок 12. Сокращение потребления природного газа в ЕС, 2024 г. к 2021 г., млрд куб м.

Источник: оценки ЦЭИ ИМЭМО РАН на основе данных Евростата.

За период 2021–2024 гг. потребление газа в Евросоюзе сократилось почти на 100 млрд куб. м, в том числе в Германии на 19 млрд куб. м, в Италии — на 16 млрд куб. м, во Франции и Нидерландах — по 11 млрд куб. м и в Испании — на 7 млрд куб. м (рисунок 12). Значимое восстановление спроса на газ в Европе невозможно без прекращения процесса деиндустриализации, что в сложившейся политической и экономической конфигурации является трудностижимым.

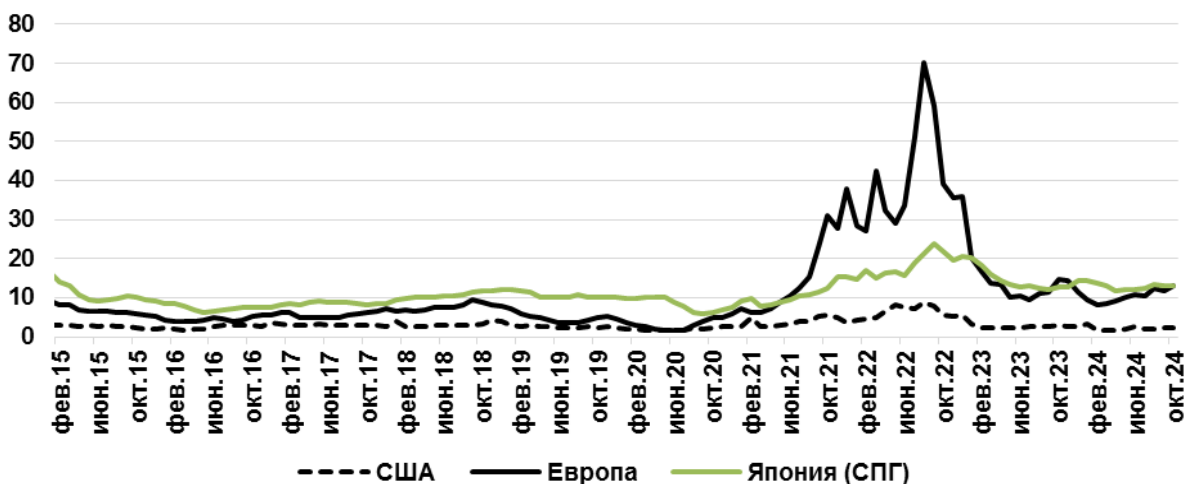

Рисунок 13. Помесячная динамика цен на природный газ в США, Европе и Японии в январе 2014 г. — октябре 2024 г., долл. за 1 млн БТЕ.

Источник: Мировой банк.

Цены на природный газ в Европе останутся на высоком уровне и будут повышенно волатильными вплоть до весны 2025 г. Низкие зимние температуры, стохастическая неопределенность относительно солнечной и ветровой генерации и политическая неопределенность относительно транзита российского газа через территорию Украины в Европу, контракт на который истекает 31 декабря 2024 г., а также введение США санкций в отношении Газпромбанка, через который проходят контракты, обеспечивающие экспорт российского газа в Турцию, создают идеальную среду для того, чтобы игроки европейского спотового рынка разгоняли цены на газ. Европейские цены на газ будут неизбежно толкать вверх и цены спотового СПГ в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Сравнительно низкие цены

на газ в США (рисунок 13) останутся важнейшим фактором обеспечения глобальной конкурентоспособности американских производителей.

Результаты Конференции сторон Рамочной конвенции ООН по изменению климата (COP29). На COP29 в Баку Азербайджан в ноябре 2024 г. существенно продвинул вперед глобальную климатическую повестку. Хотя заявка Глобального Юга на увеличение ежегодного климатического финансирования к 2030 г. до 1,3 трлн долл., из которых 600 млрд долл. должны поступать в виде грантов, удовлетворена не была, достигнут компромисс, что участники предпримут усилия, с тем чтобы к 2035 г. развивающиеся страны ежегодно получали на климатические цели как минимум 1,3 трлн долл. При этом 300 млрд долл. из этой гипотетической суммы будет поступать в виде двусторонних и многосторонних грантов и льготных кредитов, в основном от правительств развитых стран. Остальное ожидается от частного сектора. Сам процесс международного диалога по климату поддержан, в 2025 г. на COP30 можно вернуться к обсуждению объема климатического финансирования.

Главными итогами COP29 стали: во-первых, усиление акцента на вопросах адаптации; во-вторых, прорыв в поддержке международной торговли углеродными единицами; в-третьих, глобальная инициатива по воде.

Социально-экономическая адаптация признана столь же важной целью, как и митигация выбросов парниковых газов. К 2030 г. все страны должны подготовить национальные планы по адаптации. Глобальная финансовая система должна подстраиваться под потребности адаптации. Все это приближает содержательную повестку глобальной климатической политики в рамках COP к идеологии Целей устойчивого развития ООН до 2030 г., делающих упор на экономическом росте и повышении уровня жизни населения.

Важнейшим результатом COP29 стало достижение договоренностей по созданию углеродных рынков в рамках пунктов 6.2 и 6.4 статьи 6 Парижского соглашения по климату. Статья 6.2 позволяет странам обмениваться результатами предотвращения изменения климата на двусторонней основе и использовать их в рамках своих национально определенных вкладов в выбросы. Статья 6.4 формирует механизм для валидации, верификации и эмиссии высококачественных углеродных кредитов. На COP29 согласовано, каким образом страны могут создавать углеродные единицы, регистрировать их и торговать ими, избегая при этом двойного счета. Принципиально, что разблокирование статьи 6 открывает возможность участия в торговле углеродными единицами не только странам, но и компаниям. Все это открывает для всех стран возможности заложить потенциал углеродных рынков в новый раунд добровольно определяемых на национальном уровне климатических вкладов, которые должны быть представлены до февраля 2025 г. Стратегически снятие барьеров для развития рынков углерода, рынков в строгом экономическом понимании этого слова, позволяет рассчитывать на формирование эффективной глобальной альтернативы идеолого-бюрократическим рынкам торговли разрешениями на выбросы парниковых газов.

На COP29 принята декларация «Вода для климатических действий». Вода связывает климат и биоразнообразие. Чистая вода является основой для здоровья человека и развития сельского хозяйства и продовольственных систем. Декларацию поддержали более 50 стран и

ведущие международные климатические организации. В частности, декларация призывает все страны интегрировать водную политику в национально определяемые вклады по выбросам, национальные планы по адаптации и национальные стратегии по биоразнообразию. Принятие декларации открывает возможности для развития трудного глобального диалога по проблемам воды: в частности, является ли пресная вода глобальным общественным благом или рыночным ресурсом, который имеет свою цену.

Глобальная продовольственная проблема

Несмотря на продолжающееся снижение цен на продовольствие с пиковых уровней 2022 г., они остаются на повышенных уровнях (рисунок 14). Системные провалы экономического роста и повышенные цены на продовольствие ведут к росту числа голодающих и недоедающих. В 36 странах мира уровень голода оценивается как серьезный, в 6 странах (Бурунди, Чаде, Сомали, Судане, Йемене и на Мадагаскаре) как тревожный². Число голодающих в мире с 2019 г. увеличилось более чем на 150 млн чел. Можно констатировать, что задача по искоренению голода к 2030 г. решена не будет.

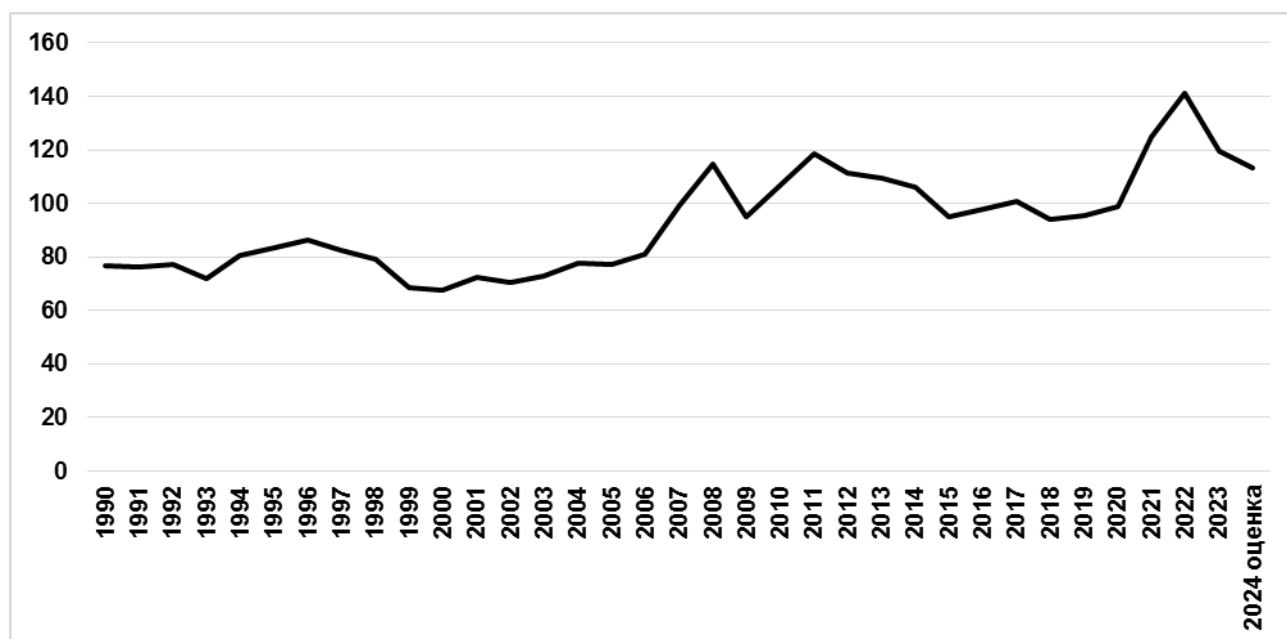

Рисунок 14. Динамика индекса реальных цен на продовольствие в 1990–2024 гг., 2014–2016 = 100.

Источник: Продовольственная и сельскохозяйственная организация Объединенных Наций (ФАО).

Главные риски 2025 г.

Главным риском для глобального экономического роста является неопределенность относительно экономической политики, которую будет проводить администрация Президента США Д. Трампа. Остается неясным, в какой мере и какие предвыборные обещания транслируются в конкретный экономический курс. Повышение импортных тарифов, снижение налогов на бизнес, повышение дефицита государственного бюджета,

² World hunger facts: What you need to know in 2024 (and 2025) // Concern Worldwide. 2024. 10.10. <https://www.concern.net/news/world-hunger-facts-figures>.

ужесточение иммиграционной политики и даже частичная реализация заявленных планов по высылке миллионов нелегальных мигрантов сформируют новую среду для развития американской экономики. Очевидно также, что более активный протекционизм США вызовет встречную реакцию как Китая, так и ЕС, что дополнительно повысит турбулентность в мировой экономике.

Для ЕС и других европейских стран главным вызовом становится поиск баланса между увеличением военных расходов, финансированием социальных обязательств и продолжением перехода к «зеленой» экономике. Даже в самом оптимистичном сценарии динамика роста европейских экономик останется слабой.

Китай продолжит попытки стимулировать экономический рост, стремясь выйти на целевой индикатор темпа роста ВВП в 5 %. Дефицит внутреннего спроса будет толкать КНР к еще более активной внешнеторговой экспансии. При этом возможное ужесточение тарифной и санкционной политики США в отношении Китая и встречные меры последнего окажут достаточно сильное понижающее давление на темпы роста не только китайской и американской экономик, но и мира в целом. Особенно сильно пострадают экспортеры сельскохозяйственного и минерального сырья и металлов.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТРЕНДЫ

В 2025 г. на мировую политику и безопасность будут продолжать воздействовать факторы, отмеченные как доминирующие в Прогнозе-2024. А именно:

- изменения в американской политике, в связи с приходом к власти в США новой республиканской администрации Д. Трампа;
- конфликты и связанная с ними военно-политическая и социально-экономическая нестабильность и неопределенность на глобальном, региональном и национальном уровнях; секьюритизация и милитаризация мировой политики;
- Глобальный Юг.

Однако «фактором-2025» станет усилившаяся к началу года *неопределенность* ближайшего будущего практически по всем направлениям мировой политики. Причем неопределенность бинарного характера. С одной стороны, неопределенность «как состояние ограниченных знаний, при котором невозможно точно описать существующее состояние, будущий результат или более одного возможного результата»³ в моменте и в ближайшем будущем обусловлена крайне слабой предсказуемостью развития теперешнего комплекса проблем и конфликтов. С другой стороны, не меньшее значение имеет «*сопутствующая неопределенность*» — порожденное кризисами нестабильное политико-психологическое состояние обществ и элит, препятствующее адекватному анализу и восприятию действительности, реакции на события и принятию релевантных решений. Неопределенность усугубляется широко распространенной тревогой, которую вызывают ожидания негативного воздействия технологических и экзогенных факторов.

Неопределенность

Причинами повышенного конфликтогенного фона в 2024 г. стали не только «горячие конфликты», но и острая борьба, в которой проходили выборы в десятках стран и организаций (Европарламент), углубившиеся внутривнутриполитические дисбалансы и расколы в ведущих странах и международных институтах (от ООН до МУС). Все это на фоне охвативших весь мир тревожных ожиданий выборов в США превратило неопределенность в самостоятельный фактор воздействия на мировую политику.

В 2025 г. в состоянии внутривнутриполитического кризиса вступают Франция, где грядет смена правительства, Германия, где предстоят досрочные выборы, Румыния, Грузия, Республика Корея. Данная ИМЭМО характеристика политического кризиса в Южной Корее в той или иной мере представляется применимой ко всем упомянутым странам. «Его основными элементами являются острые противоречия между правящими кругами и оппозиционными силами, между исполнительной и законодательной ветвями власти. Общество поляризовано, в его недрах накопился значительный заряд недовольства, а в политических кругах нет

³ Хаббард Д. У. Как измерить все, что угодно. Оценка стоимости нематериального в бизнесе. — М.: Олимп-Бизнес, 2014.

консенсуса касательно путей решения сложных социально-экономических проблем, стоящих перед страной»⁴.

«Черный лебедь» прилетел в самом конце 2024 г. В течение считанных дней неожиданно рухнул правящий режим в Сирии. Сложилась малопредсказуемая неопределенная ситуация, если принять во внимание многосоставной, в том числе этноконфессиональный характер боевых групп и не менее сложный пазл интересов вовлеченных в кризис международных игроков: Ирана, Турции, России, США, Израиля.

Сирийский конфликт, хотя его масштаб и сама локация на Ближнем Востоке, одном из наиболее взрывоопасных регионов мира, существенно превосходят происшедшее в 2023 г. на Южном Кавказе, по своему алгоритму напоминает азербайджанско-армянскую однодневную войну в Карабахе. Ослабление одного из субъектов (в 2024 г. «Хезболлы» в ходе войны с Израилем), отвлечение внимания внешних «патронов» (Ирана и в обоих случаях России) на другие конфликты создали условия для стремительного развития боевых действий. В 2025 г. цепь неопределенностей, связанных с украинским конфликтом (как, что нельзя исключать, при сценарии его эскалации, так и в ходе мирных переговоров), также чревата эксцессами, причем в центре Европы, о чем открыто говорят в Москве и чего опасаются и стремятся избежать европейцы.

Взятые вместе, указанные выше и связанные с ними события создали международную среду крайне высокой «радикальной»⁵ степени неопределенности, напряженного ожидания эксцессов, негативного развития событий.

Может сработать эффект самосбывающегося пророчества — такое состояние само по себе оказывает деструктивное влияние на мировую политику и международные отношения, препятствует поиску и принятию эффективных, тем более долгосрочных решений.

Однако неопределенность — это только отправная точка конфликтогенной динамики. Трансформация прежнего миропорядка перешла в его обрушение, что означает не «конец света», а всего лишь категорический недостаток в нем общепризнанного порядка и единых норм общежития. Прежде недопустимые силовые способы решения международных проблем стремительно легитимизируются де-факто — нарастает мировой «праздник непослушания», в котором многие постараются поймать свой шанс. По сути, на какое-то время явочным порядком утверждается норма *fait accompli* — «свершившегося факта».

Это с очевидностью будет менять и внешнеполитическое планирование основных стран мира, которые видят, на что потенциально способны их соседи, начинают воспринимать этот квазихаос как «новую нормальность» и, следовательно, будут строить уже свои проактивные стратегии с куда большим весом военно-силового фактора. Что ведет в том числе к цепному «размораживанию» конфликтов, ранее успешно задавленных инерцией прочного миропорядка, отражавшего более-менее консенсусное мнение крупных держав.

⁴ Давыдов О.В. Политический кризис в Южной Корее: что за этим стоит? // ИМЭМО РАН. 2024. 05.12. <https://www.imemo.ru/publications/policy-briefs/text/political-crisis-in-south-korea-whats-behind-it>.

⁵ Zanny Minton Beddoes. The three forces that will shape 2025 // The Economist. 2024. 18.11. <https://www.economist.com/the-world-ahead/2024/11/18/the-three-forces-that-will-shape-2025>.

На данный момент у адептов силового подхода возникает окно возможностей для решения своих задач односторонними силовыми методами, чему и стали примером кейсы Сирии, Нагорного Карабаха, а в определенной степени и израильская кампания против «Хезболлы» в Ливане. Если удастся избежать по-настоящему большой войны, то в дальнейшем, когда окно закроется, под «свершившимися фактами» будет подведена черта и подобное поведение опять станет если не наказуемым, то активно не поощряемым мировым сообществом.

Технологические и экзогенные факторы

Тревоги, чувства незащищенности, неопределенности будущего добавляют опасения негативного воздействия технологических и экзогенных факторов. С одной стороны, это условно «технологические», малопонятные для обычного обывателя, и особенно для старших поколений, но при этом агрессивные феномены, в частности банковско-финансовые (динамика биткоина), военные (гибридные атаки, массированное использование дронов, превращение примитивных пейджеров в настоящее оружие, иные нестандартные техники и решения, меняющие характер войн, информационные войны); бытовые: широкое использование ИИ и даже «наступление электромобилей», прежде всего китайского производства (с очевидными негативными и пока недостаточно просчитываемыми последствиями для торгово-экономического ландшафта ЕС — Китай, США — Китай, США — ЕС) и т. п.

С другой стороны, к 2025 г. резко оживились пятилетней давности страхи, вызванные пандемией COVID-19. Это и подогреваемое СМИ ожидание всплесков новых заболеваний, и осознание допущенных ошибок, нанеших значительный урон здоровью миллионов людей и мировой и национальным экономикам. Это и произошедшие изменения в психике, психологии, моделях поведения, трудовых отношениях, которые до сих пор требуют адаптации экономик. В развитых экономиках на фоне относительно невысоких темпов роста, социальных проблем, с которыми они входят в 2025 г. после оживления в 2021–2023 гг. на низкой постковидной базе 2020 г., возобновились дискуссии на эти темы. Резюме неутешительное: мир не готов к новым эпидемиям, не защищен перед ними. Незащищенность демонстрируют развитые страны и перед угрозой природных катаклизмов (наводнения, ураганы), учащающихся в том числе на фоне климатических изменений.

Решений, которые могли бы существенно изменить мировую политическую атмосферу, оздоровить «политико-психологический энвайронмент», в канун 2025 г. не просматривается.

Фактор США

Политика Соединенных Штатов в 2025 г. с приходом новой власти — не администрации президента, но именно власти, так как исполнительная и законодательная ветви власти при общественной поддержке оказались в руках республиканцев — может служить своего рода рамкой прогноза на 2025 г.

Однако содержание фрейма не дает большей определенности. Практически по всем ключевым направлениям мировой повестки — от Европы до Китая, от Арктики до юга Африки — в американской политике возможны «развилки». Это: эскалация vs

урегулирование конфликта (Украина), усиление vs ослабление санкций (Россия, Иран), давление на союзников vs их поддержка, многосторонние vs двусторонние форматы (в Индо-Тихоокеанском регионе и в Африке).

Условно, выбор в каждом случае будет зависеть от баланса двух противоречивых, если не взаимоисключающих постулатов Д. Трампа: «сделать Америку вновь великой», победить в жесткой торгово-экономической и геополитической схватке с Китаем, но при этом, насколько это возможно в современном мире, вернуться к традиционному американскому изоляционизму, избегать участия в «чужих» войнах и конфликтах. Эта дилемма будет лежать в основе выбора на каждой развилке.

Нельзя также исключать, что во всех перечисленных и иных случаях Д. Трамп будет руководствоваться привычным для него «транзакционным», иными словами «бизнесовым», «сделочным» подходом. Возвращаясь к южнокорейскому кейсу, озабоченность в Белом доме вызывает прежде всего то, что дестабилизация может привести к «нарушению важных экспортно-импортных поставок, а также ущербу для глобальных цепочек добавленной стоимости, важным звеном которых является Южная Корея»⁶. Решение проблем будет зависеть от эффективности такого подхода и от договороспособности партнеров. Последние по разным причинам — от экзистенциальных до идеологических и опять-таки «бизнесовых» — могут быть либо готовы к сделкам и компромиссам, либо противостоять им.

Это в первую очередь касается сторон конфликтов, в том числе украинского и ближневосточного, с которыми мир вступает в 2025 г., но не в меньшей мере относится и к выбору позиции главным соперником Вашингтона в обозримой перспективе — Китаем.

Личностный фактор

Личность и характер 47-го Президента США заслуживают особого внимания в плане прогноза развития событий в 2025 г. по ряду причин. Первая – в отсутствие сильных решительных лидеров в «демократическом лагере», ностальгирующем по М. Тэтчер и Р. Рейгану, приход к власти экстравагантного, напористого Д. Трампа действительно переключает рычаг активности на международной арене на «прямую передачу». Вторая причина – «бизнесовая натура» нового Президента США. «Транзакционный» подход, договоры в стиле «сделки» - не только понятный, но видимо, единственно приемлемый для него алгоритм, особенно учитывая его неюный возраст и второй президентский срок.

Третья причина вытекает из первых двух. Это готовность Трампа именно к быстрым решениям – основные «сделки» запланированы им на 2025 год. Помимо иных мотивов, важным рациональным обоснованием такой «гонки» является то, что в 2026 г. в Америке уже состоятся промежуточные выборы. И баланс власти может измениться, особенно в том случае, если за первый год республиканцами, опять-таки в силу характера Трампа, будут допущены серьезные ошибки.

⁶ Давыдов О.В. Политический кризис в Южной Корее: что за этим стоит? // ИМЭМО РАН. 2024. 05.12. <https://www.imemo.ru/publications/policy-briefs/text/political-crisis-in-south-korea-whats-behind-it>.

«Транзакционность»-2025

«Транзакционность» как формат международных отношений продолжит влиять на формирование нового баланса, характер многосторонности, борьбу за лидерство и за пределами 2025 г. На рубеже первой и второй четверти XXI в., во многом из-за прихода к власти в США Д. Трампа, может определиться характер международных отношений на среднесрочную перспективу.

«Абстрактные понятия вроде «общих ценностей», «интересов человечества», «мирового общественного мнения» не относятся к числу часто употребляемых, тем более не отражают приоритетов. Демонстративный транзакционализм стал закономерной реакцией на многочисленные двусмысленности, недосказанности, лицемерие и «политическую корректность» эпохи постмодернизма. Транзакционная риторика, иногда граничащая с цинизмом, вызывает сегодня куда больше доверия и поддержки у населения, чем высокопарные декларации в ретро-стиле постмодернизма»⁷.

Поэтому сделка, прагматичная, а нередко циничная, становится одним из ключевых политических трендов 2025 г. и в обозримой перспективе. Позитивным свойством этого типа международных отношений является его эвентуальная бóльшая результативность и, одновременно, определенность. То есть достижение результатов, даже отрицательных, на том или ином треке поможет снизить степень неопределенности, тревожности в мировой политике.

Если принять условие, что в ближайшем будущем, в ситуации «радикальной неопределенности», политика США будет в значительной степени определять фрейм мировой политики, то пик ее текущего этапа придется на 2025 г. То есть дальнейший ход процесса мироустройства в немалой степени находится в зависимости от результатов первого года второго президентства Д. Трампа. «Транзакционность», в определенном смысле изменение «мировой моды», переход переговоров к стилю «бизнес» взамен высокого «black tie», может сама по себе также оказать субстантивное воздействие на мировые процессы.

Мир-2025

В условиях неопределенности наметившиеся за последние годы процессы изменений в глобальной политике, которые отмечались в предыдущих «Ежегодных прогнозах» ИМЭМО, не только не замедлились, но стали еще более заметны. Мир перестал быть однополярным. Ожидания и даже надежды Запада, несмотря на опасения и даже неприязнь к фраппирующему традиционный истэблишмент Д. Трампу, на американское лидерство в урегулировании множественных конфликтов, не означают восстановления доминирующей роли США. Трамп уже артикулировал, что его стратегия будет сфокусирована на Китае. Политика на большинстве других направлений будет рассматриваться в Вашингтоне «через китайскую линзу». Параллельно неспособность к урегулированию конфликтов свидетельствует о практически полном развале послевоенной ялтинско-потсдамской системы, ее договоров и институтов.

⁷ Кортунов А.В. От постмодернизма к неомодернизму, или Воспоминания о будущем // Россия в глобальной политике. 2017. 30.01. <https://globalaffairs.ru/articles/ot-postmodernizma-k-neomodernizmu/>.

В то же время пока неопределенным и не предопределенным остается движение к полицентричной модели. В Прогнозе-2024 нами уже отмечались такие явления, как:

- неравномерно идущие процессы замедления глобализации/деглобализации и регионализации, как в торгово-экономической сфере, так и в области безопасности;
- увеличение веса и роли в мировой политике и экономике Азиатско-Тихоокеанского региона;
- усиление роли региональных держав (Турции, Индии) и обострение международной конкуренции (Турции и Китая в Центральной Азии, Китая и Индии);
- ситуативное усиление роли малых суверенных государств, использующих конкуренцию за них (между Россией и Китаем там же, в Центральной Азии) для достижения своих национальных интересов в формате многовекторной внешней политики.

Все эти и сходные феномены в обозримой перспективе свидетельствуют, скорее, о расширении многосторонности, развитии сетевого постмодернистского формата международных отношений. «Транзакционный» стиль лишь подтверждает релевантность этих процессов текущему этапу развития глобальной политики.

В мировой экономике новая модель функционирования, отмечают российские эксперты, будет связана с появлением нескольких центров силы, на которые будут замыкаться контуры товарных и финансовых потоков. Однако экономический потенциал России, подчеркивают ученые, пока недостаточен для того, чтобы стать полноценным центром силы. «Конструктивный сценарий для нашей страны связан с интенсивным научно-технологическим развитием и обеспечением технологических достижений глобального уровня. Это создаст возможность для органичного встраивания в систему производственно-технологической кооперации дружественных стран»⁸. В случае России это страны БРИКС и Глобального Юга. Все более динамичным проявлением мирового переустройства становится повышенное внимание ведущих игроков к Глобальному Югу.

Глобальный Юг

Резко оживившееся и набирающее динамику внимание Запада, а также ««развитых» развивающихся стран», прежде всего Китая, Индии, а также России к Глобальному Югу обусловлено целым рядом факторов: политических, экономических, безопасности. Вступая в процесс активного мироустройства в 2025 г., в этап, на котором страны Глобального Юга будут, с высокой вероятностью, играть важную роль — и как объекты политики и конкуренции со стороны развитых держав, и как набирающие силу субъекты международных отношений, важно иметь в виду комплекс причин, вернувших Глобальный Юг в центр мирового внимания. Это и изменения в процессах глобализации и ее замедление к середине 2010-х гг., и процессы регионализации, и усиление Азиатско-Тихоокеанского

⁸ Широ А., Порфирьев Б., Гусев М., Колпаков А. Россия в условиях регионализации мировой экономики // Мировая экономика и международные отношения. 2024. Т. 68. № 11. С. 72–83. DOI: 10.20542/0131-2227-2024-68-11-72-83.

региона, и «разворот на Восток» США, и фрагментация мировой экономики, усугубленная пандемией. В ряду базовых факторов «поворота на Юг» — бурный рост экономического и политического влияния Китая с его инициативой «Пояс и путь».

При этом Глобальный Юг долго оставался преимущественно на периферии внимания Запада, как Европы, так и США, являясь источником скорее проблем, нежели возможностей. В то же самое время интерес к Глобальному Югу начали проявлять новые институты — БРИКС, Форум сотрудничества Индии и Тихоокеанских островов, стали выдвигаться новые проекты и услуги.

Гонгом, запустившим «гонку за Глобальный Юг», стал украинский конфликт. Особую ценность получили голоса 54 государств — членов Группы африканских стран в ООН при голосованиях в Генеральной Ассамблее по соответствующим резолюциям. Не меньшее значение имеют их голоса и после обострения ближневосточного конфликта⁹.

В 2025 г. различия в позициях, интересах и целях ключевых акторов на Глобальном Юге будут становиться все более явными, а противоречия и конкуренция — все более острыми. Помимо Запада, Китая, России в игру на ГЮ активно вступили крупные экономики Юга — Индия и Бразилия, *à propos*, члены БРИКС, богатые монархии Персидского залива. Идет борьба за лидерство на Глобальном Юге, и некоторые эксперты считают шансы Индии более высокими, чем Китая¹⁰.

Стратегия США (от 2022 г.)¹¹ в отношении Африки южнее Сахары хотя и «приветствует субъектность» Африки, однако сфокусирована не столько на эвентуальных возможностях и выгодах, сколько на сдерживании на континенте соперников США, прежде всего Китая. Вряд ли в 2025 г. особую активность на Глобальном Юге будет проявлять и Европа, со своей непростой постколониальной историей, погруженная в собственные внутривнутриполитические проблемы и поиск выхода из украинского конфликта.

Возможности России на Глобальном Юге в 2025 г. окажутся, скорее, частично ограничены. Будет продолжаться ее взаимодействие со странами Глобального Юга на двусторонней основе и в формате активно развивающейся БРИКС, вызывающей у стран Глобального Юга растущий интерес, что было особенно заметно на саммите БРИКС в Казани в 2024 г. Однако в этом преимуществе кроется сложная проблема и риск — конкурентами России на Глобальном Юге становятся ее главные партнеры в мировой политике: Китай, главный внешнеэкономический игрок на Глобальном Юге, и Индия.

⁹ Богданов К., Кадырмамбетов Т., Кобринская И., Фрумкин Б. «Поворот на Юг»: вызовы и возможности для России и постсоветских республик // Россия и новые государства Евразии. 2023. № 2. С. 71–90; Bogdanov K. Flexible Coalitions: Origins and Prospects // Russia in Global Affairs. 2019. Vol. 17. No. 3. P. 132–150; Кобринская И. Россия в мировой политике: Quo vadis? В кн.: В.Г. Барановский, Э.Г. Соловьёв (ред.), Год планеты. Выпуск 2023 г.: экономика, политика, безопасность. — М.: Идея-пресс, 2024. С. 56–69; Богданов К.В., Фрумкин Б.Е., Кобринская И.Я. A Race for the Global South or a Battle for the World Majority: Russia's Prospects // Russia in Global Affairs. 2024. Vol. 22. Issue 4. P. 64–81. DOI 10.31278/1810-6374-2024-22-4-64-81.; Богданов К.В., Кобринская И.Я., Фрумкин Б.Е. Гонка на Глобальном Юге, или Битва за мировое большинство. Перспективы России // Россия в глобальной политике. 2024. Т. 22. № 5. С. 80–97. DOI 10.31278/1810-6439-2024-22-5-80-97.

¹⁰ Miller M.C. China and India Compete for Leadership of the Global South // Council on Foreign Relations. 2024. 01.02. <https://www.cfr.org/blog/china-and-india-compete-leadership-global-south>.

¹¹ U.S. Strategy Toward Sub-Saharan Africa // The White House. 2022. 08.08. <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/08/U.S.-Strategy-Toward-Sub-Saharan-Africa-FINAL.pdf>.

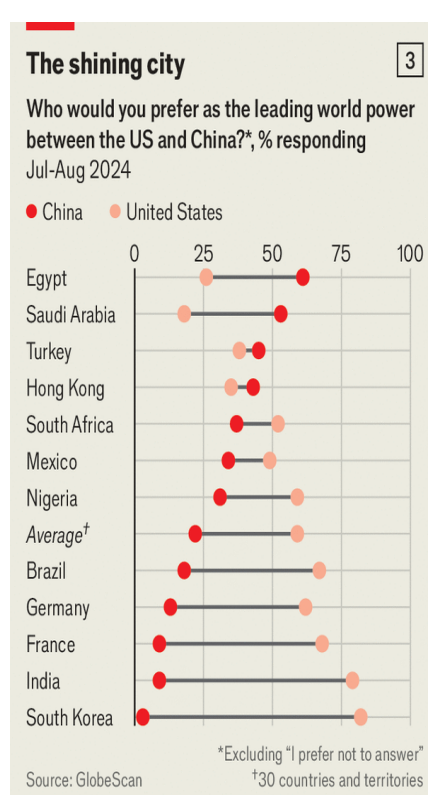
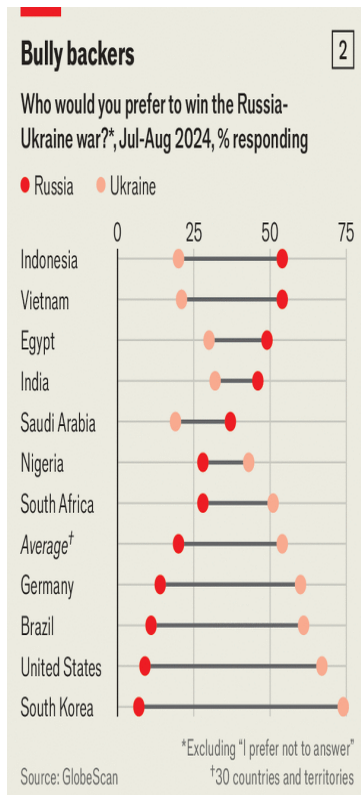
Нельзя исключать и сценария, когда в случае разрастания масштаба ближневосточного конфликта после сирийских событий Глобальный Юг станет не столько пространством интенсивного развития, сколько ареной нового военного противостояния с участием ключевых мировых игроков, включая США.

Россия в мире в 2025 году

В ситуации «радикальной неопределенности», неурегулированных конфликтов, расхождений во взглядах по ряду принципиальных вопросов даже с дружественными странами предпочтителен анализ позиций различных игроков по знаковым проблемам мирового развития. Хотя он лишь подтверждает состояние неопределенности, однако дает некоторые полезные референсные значения.

В проведенном в июле–августе 2024 г. (уже после выдвижение К. Харрис вместо Дж. Байдена кандидатом от демократов) опросе среди 30 тыс. жителей 30 стран и территорий всего мира (кроме России, Китая) «Что мир думает о Трампе, Украине и верховенстве Китая» были заданы три вопроса:

- Кандидата какой партии вы предпочли бы видеть избранным Президентом США в 2024 г.?
- Кого бы вы предпочли как победителя в конфликте России и Украины?
- Кого бы вы предпочли как лидирующую мировую силу: США или Китай?

Источник: What the world thinks of Trump, Ukraine and Chinese supremacy // The Economist. 2024. 03.11. <https://www.economist.com/international/2024/11/03/what-the-world-thinks-of-trump-ukraine-and-chinese-supremacy>.

Результаты опросов свидетельствуют, как представляется:

- об отсутствии корреляций «дружественности»: Бразилия и ЮАР (члены БРИКС) поддерживают Украину (график 2);
- о нередко превалирующем «транзакционном» подходе. Решающую роль играют торгово-экономические связи, особенно в сфере ВТС — хотя и не всегда, в случае Египта например (график 3);
- о поддержке Трампа, несмотря на широко распространенные в 2024 г. во всем мире опасения касательно его прихода к власти. Во всех возрастных группах Трамп вышел вперед в трети стран или территорий, включая Аргентину, Египет, Нигерию, Саудовскую Аравию, Турцию и Вьетнам. Возможные объяснения включают симпатию к правлению сильного человека и недовольство администрацией Байдена.

Опросы подтверждают наш вывод о доминировании неопределенности в мировой политике и международных отношениях, а также о неопределенности в смысле восприятия своих национальных интересов.

Но именно с таким «неопределившимся» миром придется иметь дело России в 2025 г.

Международная безопасность — 2025

Кризис институтов, призванных укреплять международную безопасность, начался с тупика в области контроля над вооружениями на фоне игнорирования США эксклюзивных полномочий ООН. В полной мере это проявилось еще во время второй иракской войны 2003 г. Постепенная деградация целого ряда режимов контроля над вооружениями, разоружения и нераспространения постепенно вела к политизации обеспечивающих институтов, что особенно хорошо стало заметно на примере работы Организации по запрещению химического оружия (ОЗХО) в 2010-х гг.

К 2025 г. количество тупиковых ситуаций постепенно переходит в качество — нарастающую дисфункцию глобального управления, причем не только в военно-политической области. Достаточно вспомнить паралич институтов ВТО из-за американо-китайских противоречий. Происходящая деградация, как уже указывалась в прогнозах ИМЭМО, носит системный характер и связана с динамикой процессов трансформации мироустройства.

Архитектура контроля над вооружениями и международной безопасности в целом, а также институты глобального управления - в широком смысле – атрибуты устоявшихся систем международных отношений миропорядков. Такие системы подразумевают квазиравновесие, баланс сил в составе ведущих мировых держав, более-менее четкое понимание сфер ответственности (влияния) и в целом взаимное уважение «красных линий», а также взаимное же признание игроками норм, правил, порядков и обычаев. В условиях же трансформационного мироустройства институты прежнего миропорядка испытывают на себе давление обстоятельств и новых вызовов, не всегда будучи в состоянии дать им

адекватный ответ или стать функциональным инструментом согласования интересов системообразующих мировых держав¹².

В 2025 г. продолжатся заметные изменения в подходах великих держав к блоковой политике. Ранее многие исследователи отмечали дрейф в сторону ситуативных коалиций, формируемых в противовес постоянным альянсам. Сейчас он дополнился отчетливым вектором на укрепление военно-политического доминирования США путем выстраивания сети двух- и многосторонних военных союзов¹³. Это особенно заметно в последние годы в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Там США пытаются собрать многофасетную и многоуровневую систему силового сдерживания Китая, выстроенную вокруг концепции «индо-тихоокеанской стратегии». При этом концепция совмещена с неоднозначными военно-техническими инициативами (примером чему является AUKUS, вызывающая вопросы по линии горизонтальной гонки современных вооружений) и стремительным распространением ракетного оружия большой дальности (как в форме передач оружия, так и путем развертывания американских систем в регионе). Эта тенденция ставит под удар саму концепцию мирного устойчивого развития Юго-Восточной Азии.

В сочетании с нарастанием военно-технического сотрудничества незападных стран, находящихся под санкциями, это дополнительно расшатывает прежние режимы нераспространения военных и двойных технологий, а также единого экспортного контроля.

И это еще один признак кризиса, а возможно, и начавшегося отмирания данных институтов предшествовавшего миропорядка.

В 2025 г. эти процессы продолжают развиваться под воздействием набранной инерции. В области международной безопасности будут накапливаться противоречия, не получающие разрешения через нормативные институты коллективной безопасности в силу слабости последних. Кризисное состояние миропорядка подталкивает к выходу за пределы допустимого поведения с целью обеспечить национальную безопасность во все менее безопасном международном окружении. И пока будет сохраняться подобная институциональная слабость глобальной и региональных систем безопасности, количество и размах конфликтов, скорее, продолжат нарастать. Прежде замороженные конфликты могут получить импульс к «разморозке» и переводу в горячую фазу, в том числе вплоть до одностороннего силового решения.

Примером здесь будет война в Нагорном Карабахе 2020 г., завершившаяся окончательно осенью 2023 г. путем одностороннего воссоединения Карабаха с Азербайджаном посредством силы. При этом политического оформления завершения этого конфликта через урегулирование отношений между Арменией и Азербайджаном не произошло до сих пор, а конфликт находится в стадии разрешенного де-факто.

В полной мере относится это и к конфликту на Ближнем Востоке, разгорающемуся вокруг противостояния Израиля и Ирана, включая проиранские прокси-силы в регионе. Утрата

¹² О связи и различиях понятий миропорядка и мироустройства подробнее см., напр.: Войтоловский Ф.Г. Нестабильность в мировой системе // Международные процессы. 2009. Т. 7. № 19. С. 4–16.

¹³ Истомин И.А., Байков А.А. Альянсы на службе гегемонии: деконструкция инструментария военно-политического доминирования // Полис. Политические исследования. 2020. № 6. С. 8–25.

Ираном институционального канала нормализации отношений с Западом, главным образом в силу разрушения Совместного всеобъемлющего плана действий (СВПД) по ядерной программе из-за действий США, на протяжении ряда лет вела к поиску им решений в регионе на уровне балансирования на грани войны.

В 2025 г. такая обстановка может подтолкнуть и Израиль к принятию радикальных силовых решений в отношении враждебных сил на периферийных территориях (в секторе Газа и Ливане, а также в Сирии). Это, в свою очередь, в значительной степени обнуляет процессы урегулирования палестинской проблемы, запущенные в начале 1990-х гг., потенциально возвращая ситуацию к той, что наблюдалась в период интенсивных арабо-израильских войн.

При этом особая роль Турции в сирийской гражданской войне и в ходе крушения правительства Асада позволяет говорить о продолжении в 2025 г. интенсивного формирования на Ближнем Востоке группы региональных держав, связывающих свою политику в том числе и с силовыми акциями на территории сопредельных стран, если это соответствует их декларируемым интересам.

Украинский кризис также может быть охарактеризован в этой логике. Длительное, с середины 1990-х гг., накопление нерешаемых проблем в отношениях России и НАТО, сопровождаемое полным игнорированием озабоченностей Москвы в делах, касающихся периферии российских границ, выплеснулось в боевые действия высокой интенсивности в центре Восточной Европы. В этом смысле можно говорить об украинском кризисе как о последствии дисфункции общих институтов европейской безопасности, оказавшихся не в состоянии остановить диссипацию отношений и купировать риски вооруженного конфликта. На начало 2025 г. систематических решений украинского кризиса по-прежнему не просматривается.

Вместе с тем следует подчеркнуть особую роль, которую украинский конфликт играет в силу своего размаха, ожесточенности и уровня игроков, вовлеченных в него. В этом смысле еще один периферийный конфликт эпохи трансформации мироустройства оказался неразрывно связан с куда более масштабными проблемами основ отношений России и западного мира, их устойчивости и взаимоприемлемости. Это означает, что его урегулирование тесно связано с формированием элементов институционального базиса для новой архитектуры безопасности в Европе и, опосредованно, во всем мире, поскольку украинский кризис явно приобрел сразу несколько измерений глобального уровня (включая продовольственное, энергетическое и демографическое). Повышенное международное внимание к конфликту как к средоточию глобальных противоречий, сохранявшееся весь 2024 г., оставляет надежду на поиск пакетных решений за пределами победы на поле боя в последующие годы. Однако их достижение будет определяться в довольно небольших окнах возможностей. Кроме того, решения непосредственно по конфликту могут не полностью устранять его первопричины, что оставит его как «мину замедленного действия» на среднесрочную перспективу.

В 2025 г. продолжится трансформация рынка вооружений и военных технологий, а также «секьюритизация» рынка критически значимых гражданских технологий. Последнее хорошо заметно на примере рынка микроэлектронных компонентов, перспективных телекоммуникационных технологий и развития искусственного интеллекта. В отношении

ключевых гражданских технологий будет развиваться применение организационных практик и процедур, ранее более характерных для сферы оборонных НИОКР и военного производства.

Наблюдается постепенное формирование блоковой политики в отношении критических технологий. В частности, НАТО будет и далее активно реализовывать политику стимулирования инноваций по перечню критических прорывных технологий, не разделяя, по существу, военные, двойные и чисто гражданские направления. Подобный вывод можно сделать из анализа текущей практики Организации НАТО по науке и технологиям, созданной в 2012 г.¹⁴

В 2025 г. продолжится развитие отмеченных нами двумя годами ранее¹⁵ процессов формирования частично-изолированных технологических платформ. Секьюритизация глобальных технологических рынков основными игроками будет и далее подталкивать их к формированию фрагментированного уклада, менее эффективного с чисто экономической точки зрения, но более устойчивого с точки зрения ответа на потенциальные вызовы и угрозы геополитического характера (хотя бы в том виде, в котором эти угрозы видят основные игроки для самих себя). Замыкание цепочек выпуска секьюритизированной высокотехнологической продукции следует рассматривать как один из методов армирования военно-политических альянсов. Данный тренд, как ожидается, усилится в 2025 г. в связи с решениями о форсированной локализации целого ряда критически значимых производственных и ресурсных цепочек внутри периметра основных игроков (США и их западные союзники, Китай, а с некоторых пор и Россия).

Схожие тренды ожидают в 2025 г. и глобальные рынки вооружений, испытывающие сильное давление «платформенности», усугубляющееся ярко выраженным военно-политическим значением передач вооружений. Вовлечение союзников в проекты разработки и цепочки выпуска дорогостоящей и сложной продукции военного назначения будет и далее использоваться как эффективный инструмент поддержания военно-политических сфер влияния. Значение этого инструмента в дальнейшем только продолжит возрастать из-за того, что основные системы вооружений и военной техники в данный момент разрабатываются долго, стоят дорого, а после принятия на вооружение эксплуатируются длительное время, неоднократно модернизируясь в процессе службы. Это дополнительно привязывает оборонно-техническую политику стран — реципиентов передовых вооружений к ведущим странам-донорам, служащим источниками таких систем.

¹⁴ Herzog S., Kunertova D. NATO and Emerging Technologies — The Alliance's Shifting Approach to Military Innovation // *Naval War College Review*. 2024. Vol. 77. No. 2. P. 47–69.

¹⁵ Россия и мир: 2023. Экономика и внешняя политика. Ежегодный прогноз // Под ред. Г.И. Мачавариани, И.Я. Кобринской. — М.: ИМЭМО РАН, 2022. С. 10.

ЧАСТЬ II

ЭКОНОМИКА

РОССИЙСКАЯ ЭКОНОМИКА: СОХРАНЯЮЩИЕСЯ САНКЦИИ

В 2024 г. перед российской экономикой стояла задача перехода от краткосрочной антикризисной адаптации к созданию предпосылок для продолжения динамичного экономического роста, как минимум в среднесрочной перспективе. Это предполагало осуществление третьего за последние годы радикального разворота в экономической политике и экономическом развитии. На протяжении 2022 г. за счет радикальной реориентации внешнеэкономических связей и проведения мер макроэкономической стабилизации удалось избежать коллапса российской экономики, ожидавшегося инициаторами антироссийских санкций, и выйти на умеренные темпы падения ВВП в размере $-1,2\%$, что оказалось не только меньше «катастрофических» прогнозов периода радикальной эскалации санкций (так, МВФ в апреле 2022 г. прогнозировал годовое падение ВВП России на $8,5\%$), но даже фактического снижения ВВП в течение коронавирусного кризиса в 2020 г. ($-2,7\%$). В 2023 г. поддержка расширения внутреннего спроса (как по бюджетным, так и по рыночным каналам — за счет замещения импортных поставок производством отечественной продукции) обеспечило стране уверенный рост ВВП на $3,6\%$, что позволило впервые с 2012 г. обогнать соответствующий показатель по мировой экономике и существенно превзойти показатели экономически развитых стран — инициаторов антироссийских санкций (для сравнения: темпы роста экономики США в 2023 г. составили $2,9\%$, стран еврозоны — всего $0,4\%$). Для сохранения динамики роста в 2024 г. и в последующий период российской экономике предстояло найти механизмы наращивания выпуска при достигнутом уровне спроса за счет устранения узких мест в сфере предложения. Прогресс на этом пути, однако, оказался достаточно ограниченным.

На протяжении первой половины 2024 г. российская экономика продолжала опираться на потенциал развития, накопленный в предшествующем году, однако уже во II квартале проявились признаки замедления роста (если в январе–марте ВВП страны вырос на $5,4\%$ в годовом выражении, то в апреле–июне соответствующий показатель составил $4,1\%$). Торможение роста ВВП ускорило в III квартале (до $3,1\%$). К числу основных факторов, обеспечивших такой результат, относится исчерпание экстенсивных возможностей географической реориентации внешней торговли России в санкционных условиях, нарастающие проблемы доступности рабочей силы и ужесточение денежно-кредитной политики ЦБР. Несмотря на это, результаты развития национальной экономики по итогам января–октября 2024 г. оказались вполне позитивными.

ВВП страны за первые 3 квартала 2024 г. увеличился на $4,2\%$ (за аналогичный период 2023 г. соответствующий показатель составил $3,2\%$), что позволяет оценивать рост ВВП в целом за год в диапазоне $3,7\text{--}4,1\%$. Расширение промышленного производства также демонстрировало ускорение по сравнению с 2023 г.: за январь–октябрь 2024 г. оно увеличилось на $4,4\%$ (по сравнению с $4,1\%$ за аналогичный период предыдущего года); при этом обрабатывающие производства демонстрировали опережающий рост — на $8,1\%$. Существенно, что рост обрабатывающих производств происходил по широкому кругу отраслей — от производства компьютеров, электронных и оптических изделий ($34,8\%$), готовых металлических изделий ($29,8\%$) и автотранспортных средств ($19,0\%$) до производства лекарственных средств и медицинских материалов ($13,9\%$), мебели ($9,0\%$), напитков ($9,8\%$) и пищевых продуктов ($4,1\%$). Таким образом, расширение внутреннего

спроса затронуло производство как инвестиционных, так и потребительских товаров. Это, в свою очередь, опровергает популярные среди части экспертов представления о том, что главным источником расширения внутреннего спроса являются бюджетные расходы: де-факто во многих сегментах потребительского сектора происходило замещение ставших недоступными импортных товаров товарами внутреннего производства, что и обуславливало позитивную динамику в соответствующих отраслях.

Что касается сдерживающих факторов экономического роста, то воздействие изменений внешнеэкономической конъюнктуры (в т. ч. связанных с введенными против Российской Федерации санкционными ограничениями) оказало влияние прежде всего на объемы сырьевого экспорта и, как следствие, на показатели работы добывающей промышленности, выпуск которой на протяжении января–октября 2024 г. снизился на 0,7 % в годовом выражении. В качестве еще более значимого ограничителя экономического роста в экспертных дискуссиях 2024 г. неизменно фигурировал недостаток кадров. В частности, по данным опроса, проведенного среди участников национального проекта «Производительность труда», 67 % предприятий несырьевого сектора назвали его в качестве главной проблемы, мешающей развитию экономической деятельности. Общая численность безработных по методологии Всемирной организации труда сократилась в январе–октябре 2024 г. на 20,1 %, достигнув значения 1,8 млн чел. С одной стороны, это позитивный признак приближения экономики к полной занятости — цели, которая традиционно рассматривается в качестве одного из ключевых приоритетов экономической политики. С другой стороны, дефицит рабочей силы приводит к дополнительным издержкам работодателей (номинальная среднемесячная заработная плата работников организаций увеличилась за рассматриваемый период на 118,0 %) и в ряде случаев обуславливает принципиальную невозможность нанять квалифицированных сотрудников даже при условии повышения заработной платы (если компании-конкуренты предлагают более выгодные условия).

Помимо общего роста внутреннего спроса в национальной экономике, сложившаяся проблема имеет как минимум два дополнительных источника: во-первых, переток рабочей силы в сектор обороны и безопасности; во-вторых, спрос на нее со стороны новых сервисных секторов, связанных со сборкой, упаковкой и доставкой заказов населения и бизнеса. По данным Минпромторга, озвученным в начале декабря 2024 г., в соответствующих секторах занято порядка 1,5 млн чел., заработная плата которых часто превосходит вознаграждение за труд в реальном секторе экономики. Хотя искушение решить данную проблему административными запретами здесь неуместно, налицо структурная диспропорция, серьезное обсуждение которой необходимо для четкого понимания вызовов, стоящих перед российским рынком труда.

Другая проблема, тесно связанная с ростом внутреннего спроса в условиях ограниченных возможностей расширения предложения, заключается в ускорении инфляции. В январе–октябре рост потребительских цен в России составил 8,3 % по сравнению с 5,5 % годом ранее. Руководство ЦБР, ориентируясь на установленный еще в 2015 г. целевой показатель годовой потребительской инфляции в размере 4 %, в 2024 г. осуществляло последовательное повышение ключевой ставки, мотивируя его необходимостью приведения инфляции к указанному целевому показателю. В конце 2024 г. аргументация в пользу повышения ключевой ставки дополнилась аргументом недопущения «турецкого сценария», т. е. роста

показателей инфляции до двузначных значений, не сдерживаемых повышением процентных ставок. Соответствующие аргументы, однако, не являются свободными от критики.

Во-первых, целевой показатель инфляции в размере 4 % мог бы рассматриваться в качестве приемлемого ориентира в стабильной макроэкономической ситуации, однако в контексте турбулентных геополитических условий, предъявляющих новые вызовы как российской экономике, так и политике ее стимулирования, его правомерность не является бесспорной. Адекватная экономическая дискуссия по этому вопросу, однако, до сих пор отсутствует. Во-вторых, сравнение с Турцией не может считаться правомерным: если в Турции (с учетом расходов на осуществление ее геополитических амбиций, наглядно реализованных в ходе наступления турецких прокси в Сирии в ноябре–декабре 2024 г.) ежемесячные показатели инфляции в течение 2024 г. колебались в диапазоне 47–76 %, то в России эти показатели в 5–9 раз меньше. В-третьих, уже в ноябре процентные ставки по банковским депозитам, ориентированные на ключевую ставку ЦБР, были сопоставимы с маржинальностью многих направлений бизнеса, что подрывает стимулы к ведению операций в реальном секторе (таким образом, узкие места в предложении товаров и услуг не устраняются, а умножаются). Наконец, в-четвертых, сокращение стимулов к росту потребительского кредитования может не менее эффективно противостоять росту инфляционных тенденций, не имея при этом негативных последствий, связанных с повышением ключевой ставки.

В конце 2024 г. дополнительным фактором неопределенности, оказывающим влияние на перспективы развития российской экономики, стали изменения политики ФРС США и новые экономические санкции, введенные против российского банковского сектора (в частности, Газпромбанка, обслуживавшего российский газовый экспорт). Это повлекло за собой новую волну обсуждения краткосрочных стабилизационных мер, направленных на обеспечение макроэкономической стабильности (в частности, на стабилизацию валютного курса рубля). При всей важности соответствующих вопросов нельзя забывать, что ключевой задачей на ближайшие годы является создание условий для расширения предложения товаров и услуг в условиях возросшего внутреннего спроса, что будет способствовать в т. ч. снижению инфляционных тенденций. В случае если этого получится достигнуть, проявившиеся в 2024 г. факторы замедления российской экономики смогут быть в существенной мере нейтрализованы, что обеспечит темпы роста ВВП в 2025 г. в диапазоне не менее 2,5–3,0 %. В противном случае, т. е. при отсутствии прогресса в поддержке предложения товаров и услуг и удержании высокого уровня ключевой ставки, темпы экономического роста вряд ли удержатся на уровне выше 2 %.

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА: РОСТ В УСЛОВИЯХ ТУРБУЛЕНТНОСТИ

Мировое экономическое развитие в 2025 г. будет определяться несколькими основными факторами: все еще сохраняющимися последствиями пандемии COVID-19, переходом к «зеленой» экономике, реализацией климатической повестки, ускоряющимся переходом к информационно-коммуникационным технологиям.

Продолжение ближневосточного и украинского кризисов будет оказывать негативное воздействие на мировую экономику. Возможное их урегулирование вряд ли приведет к восстановлению предкризисных отношений между странами, и их негативное влияние на развитие мировой экономики сохранится.

По оценке МВФ, в 2025 г. мировая экономика возрастет на 3,2 %. По нашей оценке, темпы прироста окажутся выше — 3,3 %.

Таблица 6. Темпы прироста ВВП, %.

	Оценка МВФ		Оценка ИМЭМО	
	2024	2025	2024	2025
Мир	3,2	3,2	3,2	3,3
Развитые страны	1,8	1,8	1,8	2,0
США	2,8	2,2	2,9	3,0
Япония	0,3	1,1	0,5	1,2
Великобритания	1,1	1,5	1,0	1,2
ЕС	1,1	1,6	0,9	1,3
Зона евро	0,8	1,2	0,8	1,2
Германия	0,0	0,8	-0,1	0,6
Франция	1,1	1,1	1,1	1,0
Италия	0,7	0,8	0,6	0,9
Развивающиеся и страны с формирующимся рынком	4,2	4,2	4,2	4,0
Китай	4,8	4,5	4,8	4,5
Индия	7,0	6,5	6,8	7,0
Бразилия	3,0	2,2	3,4	3,0
Россия	3,6	1,3	3,7	2,0

Источники: IMF WEO Database, ИМЭМО РАН.

Главным последствием пандемии, как нам представляется, оказалась инфляция, пик которой был пройден в 2022 г. (8,7 % для мировой экономики). В 2024 г., по оценкам МВФ, мировая инфляция составит 5,8 %; в 2025 г. — 4,3 %. При этом в развитых странах она снизится с 2,6 % в 2024 г. до 2,0 % в 2025 г., а в остальных странах — с 7,9 до 5,9 % соответственно, т. е. будут достигнуты предкризисные показатели. В случае затягивания конфликтов или их обострения возможен возврат к росту цен (продовольствие, энергоресурсы). В этих условиях центральные банки развитых стран перешли к снижению процентных ставок. В США ФРС снизила процентные ставки с пиковых значений 5,25–5,5 % до 4,75–5,0 % в сентябре 2024 г. и 4,5–4,75 % в ноябре. Снизили ставки также ЕЦБ и Банк Англии, причем процесс снижения продолжается.

Экономика США в 2025 г. будет развиваться примерно теми же темпами, что и в 2024 г., — около 3 %. Постоянно предсказывавшийся кризис в 2024 г. так и не наступил и, по нашей оценке, не наступит и в 2025 г. Считается, что при переходе к снижению процентных ставок ФРС наступает очередной кризис. Этот прогноз также подкрепляется сохраняющейся инверсией доходности двух- и десятилетних облигаций Казначейства. Однако, на наш взгляд, изменения, произошедшие в последние годы в экономике США, таковы, что существовавшие ранее закономерности перестают действовать. Речь идет о модификации государственного регулирования, трансформации всей финансовой системы, особенно банковской, существенно повысившей их устойчивость, широком использовании последних достижений ИКТ. Инфляция существенно сократилась, хотя пока еще превышает целевой уровень 2 %, но процесс продолжается и, по нашей оценке, в 2025 г. целевой уровень будет достигнут. Безработица в ноябре 2024 г. составляла 4,2 % и, судя по имеющимся тенденциям, останется на исторически низком уровне. Доходы населения стабильно растут и в 2024 г., по нашей оценке, превысят допандемийный уровень. Целый ряд других показателей: создание новых рабочих мест, наличие большого количества свободных рабочих мест, значительно превышающее число безработных, растущие реальные доходы населения, растущее личное потребление — дают нам основания для такого прогноза. Вероятный экономический курс новой администрации, скорее всего, поддержит эти тенденции.

Экономика Китая в условиях серьезных внутренних проблем, связанных с рынком недвижимости, оттоком иностранных инвестиций, возможных ограничений в торговле с США и ЕС, по нашим оценкам, возрастет в 2025 г. на 4,5 %, что ниже нашей оценки в 4,8 % в 2024 г. Еще одной серьезной проблемой экономики Китая, по нашей оценке, является дефляция, начавшееся снижение цен, с которым пока не удастся справиться. Такой ход событий в экономике Китая позволяет сделать вывод, что в 2025 г. Китай не вернет себе роль драйвера на рынках сырья, особенно энергоресурсов.

Экономика Индии будет развиваться высокими темпами, которые, по нашей оценке, в 2025 г. достигнут 7,0 %, что превышает прогноз МВФ (6,5 %). Внутренние реформы в сочетании с привлечением иностранного капитала обеспечивают такой рост индийской экономики.

Рост производительности труда и ускорение развития экономики обеспечиваются ростом расходов на науку в мире, произошедшим после 2020 г. под влиянием пандемии COVID-19. В 2022 г., по данным ОЭСР, расходы на НИОКР достигли огромных масштабов. Не так

давно мы считали, что расходы на науку в размере 3 % от ВВП являются предельными для современной экономики. В 2022 г. 8 стран превзошли этот уровень: Израиль — 6,02 %; Южная Корея — 5,21 %; США — 3,59 %; Швеция, Бельгия, Япония — по 3,41 %; Австрия — 3,20 %, Германия — 3,13 %. Еще две страны — Финляндия и Дания — практически вышли на этот уровень, их расходы на НИОКР составили 2,96 % и 2,89 % ВВП. По нашим оценкам, расходы на НИОКР продолжают свой рост. В 2022 г. страной с наибольшими расходами на НИОКР являлись США — 923 млрд долл., в Китае расходы превысили 453 млрд долл., в Японии — 145 млрд долл.; в Германии — 128,0 млрд долл. В Европейском союзе совокупные расходы на НИОКР превысили 354 млрд долл.

Продолжится ускоренное развитие информационно-коммуникационных технологий, которые стали важнейшим фактором, определяющим развитие мировой экономики. Быстро растут объемы их производства, доля в экспорте товаров и услуг. В США объем производства ИКТ составляет 7 % ВВП, что в стоимостном выражении достигло 2 трлн долл. В мировом экспорте товаров и услуг доля ИКТ — 11 %.

Международное разделение труда, его скорость, масштабы, направления, по нашей оценке, будут в долгосрочной перспективе по-прежнему превышать скорость развития мировой экономики. В ближайшие год-два их темпы могут совпадать, но долгосрочный тренд глобализации будет превышать темпы развития мировой экономики, их соотношение составит 1,1–1,2.

Мировая торговля

Темпы прироста международной торговли, резко сократившиеся в 2023 г., в 2024 г. вновь повысились, составив, по предварительной оценке, около 3,0 %. В 2025 г. возможно небольшое увеличение данного показателя — до 3,4 %, что будет несколько выше темпов прироста мирового ВВП. Эластичность мировой торговли по ВВП будет находиться на уровне 1,1. Опережающими темпами будет расти торговля услугами, доля которых в мировой торговле повысится.

По всей вероятности, в 2025 г. продолжится ослабление инфляции, позволяющее центральным банкам понизить учетную ставку, что окажет стимулирующее воздействие на потребительский и инвестиционный спрос, а также благоприятно отразится на динамике мировой торговли. В то же время сохранится действие факторов, сдерживающих ее рост, важнейшим из которых является обострение геополитической ситуации, которому сопутствуют региональные конфликты.

Возвращение на пост президента США Дональда Трампа, объявившего о намерении существенно повысить импортные пошлины (на 10–20 % на все товары и на 60 % на товары из КНР), дает основание ожидать усиления протекционистского крена в американской внешнеторговой политике и обострения экономического противостояния с Китаем.

Пекин, в свою очередь, может также ввести ограничительные меры в торговле с США, причем в отношении не только импорта (например, аграрной продукции), но и экспорта (в частности, редкоземельных элементов, значительная часть мировых запасов которых сосредоточена на территории КНР). В случае реализации такого сценария китайские

компании увеличат продажи внутри страны и будут искать новые рынки сбыта, преимущественно в развивающихся странах. Расширение китайского экспорта в ЕС маловероятно, поскольку Брюссель тоже обеспокоен ростом поставок из Китая и прибегает к ограничительным мерам, хотя и не таким жестким, как Вашингтон.

Часть товаропотоков американо-китайской торговли будет перенаправлена в третьи страны, выступающие в роли посредников или способные предоставить альтернативные площадки для передислокации зарубежных инвестиций американских компаний. В их число входят Вьетнам, Индия, Индонезия, Малайзия, Мексика, а также ряд других стран Америки и Азии.

Торговые противоречия между США и ЕС, усилившиеся в последние годы, с приходом Д. Трампа также могут углубиться, что, несомненно, негативно скажется на состоянии двусторонней торговли.

Обострение ситуации на Ближнем Востоке, играющем большую роль в поставках энергоносителей, может привести к повышению мировых цен на минеральное топливо. Если это произойдет, неизбежным представляется общее повышение издержек производства, обладающее проинфляционным эффектом и оказывающее тормозящее воздействие на мировой экономический рост, спрос и, соответственно, международный товарообмен.

Ухудшение безопасности мореплавания в данном регионе, через который проходят важные морские пути, наносит ущерб международному судоходству и торговле, удорожая стоимость транспортировки всех товаров вследствие перехода на более дорогие альтернативные маршруты, а также в связи с повышением стоимости страхования судов и грузов. В наибольшей степени развитие кризиса, препятствующего использованию Суэцкого канала, способно негативно сказаться на торговле между странами Европы и Азии.

Если проблемы Суэцкого канала имеют в своей основе политические причины, то кризисное состояние второго важнейшего канала, Панамского, связано с климатическим фактором. В настоящее время Панамский канал восстанавливает свою пропускную способность, которая была ограничена вследствие засухи. Однако в будущем нельзя исключить повторения ситуации 2023–2024 гг., приведшей к существенному ограничению его пропускной способности.

Факторы, сдерживающие рост мировой торговли, одновременно приводят к ее фрагментации. В этом же направлении действуют такие факторы, как последствия пандемии, укрепление экономических позиций развивающихся стран, политика реиндустриализации в развитых странах, появление новых технологий производства, застой в ВТО.

Вводимые Вашингтоном ограничения распространяются как на торговлю, так и на обмен технологиями. Усиливается опасность не только разрыва торговых и кооперационных связей, но и технологического раскола. Электромобили и полупроводники представляют два сектора мирового рынка, на которых конкурентная борьба сегодня принимает наиболее острые формы. Не исключено, что сфера ожесточенной конкурентной борьбы, в которую наряду с компаниями вовлечены правительства ведущих стран, расширится за счет других секторов мирового рынка, представленных преимущественно высокотехнологичной продукцией. Продолжение экспансии китайских компаний приведет к росту

противодействующих мер со стороны стран Запада, что станет еще одним шагом на пути к фрагментации мировой торговли.

Возможен опережающий рост торговли внутри политических блоков по сравнению с торговлей между блоками, а также внутри мировых регионов по сравнению с торговлей между регионами. Данная закономерность может проявиться главным образом в торговле товарами, поставщикам которых сравнительно легко найти замену. Что же касается рынков товаров с ограниченным числом поставщиков, то здесь высокие издержки переориентации имеют высокий шанс стать решающим аргументом для сохранения статус-кво.

Сопутствующие фрагментации разрывы сложившихся торговых и кооперационных связей приводят к повышению производственных и транзакционных издержек, а общая нестабильность, усиливаемая резкими поворотами во внешнеторговой, инвестиционной и валютно-финансовой политике основных участников мирового рынка, негативно сказывается на деловой активности и оказывает тормозящее воздействие на мировую торговлю. Особенно уязвимым в этом плане является мировой рынок продовольствия, цены на котором остро реагируют на изменения в области предложения и проблемы в сфере транспортировки товаров. При углублении тенденции к фрагментации торговли в наибольшей степени пострадают малые страны, экономика которых в большей степени зависит от внешних связей, а также развивающиеся страны, нуждающиеся в притоке оборудования и технологий из-за рубежа.

Фрагментации противостоит глубокая международная экономическая взаимозависимость, которая мотивирует противоборствующие стороны, включая Вашингтон и Пекин, к поиску взаимоприемлемых решений. В связи с этим можно полагать, что тенденция к фрагментации мировой торговли будет носить ограниченный характер, касаясь преимущественно стран, непосредственно вовлеченных в торговые и геополитические конфликты.

Опережающими темпами будет увеличиваться внешнеторговый оборот развивающихся стран. Наиболее динамично будет расти внешняя торговля стран Азии, которые часто выступают в роли посредников в торговле между геополитическими блоками.

Внешняя торговля стран Северной Америки будет увеличиваться средними темпами. Здесь хорошие перспективы роста внешней торговли складываются у Мексики, которая имеет шансы повысить свою роль связующего звена между соперничающими сторонами.

Внешнеторговый оборот стран Европы, сокращавшийся в 2023–2024 гг., возобновит рост, который, по всей вероятности, будет довольно умеренным, отражая общие невысокие темпы роста европейской экономики.

Медленный рост будет характерен для внешней торговли стран Африки и Южной Америки. Участие стран Ближнего Востока в международной торговле будет подвержено значительным колебаниям, связанным с действием политических факторов. В мировом товарообороте повысится роль стран БРИКС, главным образом за счет Китая и Индии.

Свой негативный вклад в нестабильность торговой политики и усиление протекционизма вносит кризис, переживаемый ВТО. Ослабление контроля за соблюдением норм ВТО побуждает страны к принятию односторонних торгово-политических мер, значительная

часть которых направлена на ограничение внешнеторгового обмена. Развитие транснационального производства, электронной торговли, торговли услугами и других форм внешнеэкономических связей поставили перед ВТО целый ряд вопросов, ответы на которые найти пока не удастся. Организация нуждается в реформировании, план трансформации ВТО разрабатывается. Однако противоречия между ключевыми участниками многосторонней торговой системы делают крайне неопределенными перспективы достижения консенсуса относительно его содержания и сроков осуществления.

МИРОВАЯ ВАЛЮТНО-ФИНАНСОВАЯ СИСТЕМА

Нынешний год характеризуется существенным сокращением темпов инфляции в развитых странах. При этом геополитическая напряженность, связанная с военными конфликтами, не только не снизилась, но и захватывает больше стран. Поэтому, как представляется, в 2025 г. на мировую валютно-финансовую систему будут влиять следующие факторы.

Во-первых, это начавшаяся фаза снижения процентных ставок ведущими центробанками. Во-вторых, ожидаемое дальнейшее снижение темпов роста в Китае вместе с усилением негативных тенденций на ипотечном рынке этой страны. В-третьих, это риск серьезной эскалации конфликта на Ближнем Востоке. Наконец нельзя исключать, что Д. Трамп, вновь избранный президентом США, не предпримет каких-то резких мер против России, Китая, Ирана или КНДР, что может вызвать турбулентность на мировом нефтегазовом рынке, следствием чего может быть острая реакция мировых финансовых рынков.

Валюты. Доллар США по-прежнему является глобальной валютой, по масштабам своего международного использования значительно превосходящей любую другую. В 2024 г. в результате перехода к фазе снижения ставок ведущими центробанками колебания курса доллара США к основным валютам не демонстрировали экстремального поведения. Так, курс доллара к единой европейской валюте колебался в промежутке 1,07–1,11 долл. за евро. Курс к фунту стерлингов демонстрировал сходную динамику, колеблясь в диапазоне 1,25–1,32 долл. за фунт. Японская иена ослаблялась к доллару в первой половине 2024 г. с 146 до 158 иен за доллар, однако затем разнонаправленность в политике процентных ставок Банка Японии и ФРС США стимулировала краткосрочное укрепление иены до 143 за доллар. Однако после президентских выборов в США доллар укрепился к другим валютам, поскольку рынки считают, что ФРС будет вынуждена замедлить темп снижения ставки, чтобы реагировать на проинфляционную экономическую политику Трампа.

Дальнейшее поведение курсов основных резервных валют в основном будет зависеть от того, какую политику в отношении процентных ставок продолжат ведущие центробанки. Если ФРС продолжит снижение ставки, тогда доллар будет в основном ослабляться по отношению к другим валютам. При таком сценарии доллар, возможно, будет колебаться к евро в диапазоне 1,1–1,15 долл., а к фунту стерлингов — 1,30–1,35 долл. Более вероятным кажется, что ФРС остановится с понижением ставки.

Новым в валютной сфере в 2025 г. может оказаться благожелательный разворот американской администрации к криптовалютам. По крайней мере, именно такие ожидания вызвали некоторые заявления Трампа и ряда политиков, что подтолкнуло резкий рост на рынках цифровых активов. Однако говорить с уверенностью, каким образом будет изменена политика США в криптовалютной сфере, пока весьма затруднительно.

Что касается Японии, то в зависимости от политической ситуации иена, возможно, в первой половине года укрепится до 125–135 иен за доллар, однако в таком случае центробанк Японии, вероятно, прекратит ужесточение денежно-кредитной политики и предпримет меры, чтобы ослабить национальную валюту до 145–150 иен за доллар.

Наиболее вероятным в динамике китайского юаня представляется повторение его поведения в 2024 г., когда в начале года он несколько ослаб, а во второй половине года слегка укрепился. К другим валютам курс юаня будет симметрично отражать динамику их курсов к доллару США.

Валюты развивающихся стран, как обычно, будут отличаться повышенной волатильностью, которая в следующем году будет также зависеть и от характера мер, принимаемых США и их союзниками, чтобы воспрепятствовать обходу антироссийских санкций через эти страны, а также от их возможного вовлечения в конфликт на Ближнем Востоке.

Таким образом, если со стороны США и их союзников не будет каких-то непредсказуемых и непродуманных санкционных мер, то в следующем году угроз доминированию доллара не предвидится. Однако его доля в международном использовании, вероятно, продолжит долгосрочный тренд на медленное сокращение.

Инфляция. В 2024 г. был практически подавлен всплеск цен, произошедший во многих ведущих странах в результате пандемии COVID-19. Так, ожидается, что к концу 2024 г. годовая глобальная инфляция достигнет уровня 5,0 %, тогда как на конец 2023 г. этот показатель составлял 6,0 %, а на конец 2022 г. достигал 8,8 %. Ожидается, что в ведущих странах эта тенденция в целом продолжится и в следующем году. Так, прогнозируемая инфляция на конец года в 2024 и 2025 гг. соответственно составит в развитых экономиках 2,2 и 2,0 % (США — 2,3 и 1,9 %, Япония — 1,8 и 1,8 %, Германия — 2,0 и 2,1 %, Франция — 1,5 и 1,8 %, Великобритания — 2,5 и 2,0 %), в среднем по развивающимся странам этот показатель ожидается на уровне 7,0 и 5,2 % (КНР — 1,0 и 2,0 %, Индия — 4,2 и 4,2 %, Бразилия — 4,3 и 3,3 %, Мексика — 4,5 и 3,2 %) ¹⁶.

Если ожидания сокращения темпов роста в КНР оправдаются, тогда спад спроса в Китае будет дополнительным фактором снижения глобальной инфляции. Однако напряженная геополитическая обстановка может еще больше обостриться в 2025 г., что, возможно, повлечет за собой перебои с поставками товаров, компонентов или сырья, а это, в свою очередь, может вернуть мировую инфляцию к росту. В случае если напряженность на Ближнем Востоке удастся урегулировать в ближайшие месяцы, не исключено, что мы увидим резкое падение мировых цен на сырьевые товары, что, в свою очередь, вызовет выраженные дефляционные тенденции в развитых странах.

Процентные ставки. В нынешнем году центральные банки ведущих стран мира, в частности ФРС, ЕЦБ и Банк Англии, перешли к снижению процентных ставок, притом что не во всех странах инфляция снизилась до целевых уровней. Таким образом, переход от фазы жесткой денежно-кредитной политики к снижению ставок у ЕЦБ занял около 1,5 года, а у ФРС и Банка Англии — более 2 лет.

Так, в сентябре 2024 г. ФРС США понизила ставку с 5,25/5,5 до 4,75/5,0 %, а в ноябре до 4,5/4,75 %. Европейский ЦБ в течение года понизил ставку с 4,5 до 3,4 %, а Банк Англии — с 5,25 до 4,75 %. Банк Японии, на протяжении многих лет сохранявший отрицательную ставку

¹⁶ IMF World Economic Outlook Database, October 2024 // International Monetary Fund. <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/weo-database/2024/October>.

в $-0,1\%$, в 2024 году перешел к ее постепенному повышению. В результате этот показатель к осени 2024 г. достиг $0,25\%$.

В Китае в 2024 г. также продолжалась фаза снижения Народным банком КНР ставок. Так, в октябре ставка по годовым кредитам была уменьшена до $3,1\%$ годовых, а по пятилетним до $3,6\%$, в результате чего обе достигли рекордных минимумов.

В 2025 г. ведущие центробанки, вероятно, будут руководствоваться желанием поддержать неуверенный экономический рост, чтобы не допустить рецессии. При этом прогнозы по ВВП на 2025 г. в целом не очень оптимистичны. Например, в США ожидается сокращение темпов его роста до $2,2\%$ против $2,8\%$ в 2024 г., так же и в Китае — до $4,5\%$ против $4,8\%$. Тогда как еврозоне предполагается некоторое улучшение: с $0,8\%$ в 2024 г. до $1,2\%$ в 2025 г., при этом в Германии ожидается рост с $0,0$ до $0,8\%$, а во Франции — нулевой прирост. В Великобритании прогнозируется рост с $1,1$ до $1,5\%$, так же и в Японии — с $0,3$ до $1,1\%$ ¹⁷.

Поэтому наиболее логичным представляется, что в 2025 г. ведущие центробанки, кроме японского, продолжат понижение ставок: в США до $3,75-4,0\%$, в еврозоне до $2,0-2,25\%$ и в Великобритании до $3,5-4,0\%$. Однако в США ситуация может быть сложнее, поскольку экономическая программа вернувшегося к власти президента Трампа расценивается как проинфляционная, которая может вызвать более высокие темпы инфляции, чем ожидается. Это, в свою очередь, может вынудить ФРС замедлить темп снижения ставки, а возможно, даже снова повысить ее в конце 2025 г.

При этом в Японии наметившееся дальнейшее повышение ставки может быть приостановлено. Правившая партийная коалиция, которая являлась главным сторонником ужесточения денежно-кредитной политики Японии, на выборах в октябре потеряла большинство в парламенте страны. Хотя ее представитель сохранил пост премьер-министра, но фактически в стране действует правительство меньшинства, что вынудит его искать компромиссы с оппозицией. Однако другие политические силы не поддерживают идею повышения процентной ставки Банком Японии.

Исходя из сказанного, в 2025 г., вероятно, улучшатся условия кредитования во всех развитых странах вследствие снижения процентных ставок. В развивающихся странах будет примерно та же картина, только при более высоком (в 2–3 раза) уровне процентных ставок.

Золото. Во второй половине 2024 г. наблюдался сильный восходящий тренд цены данного металла, которая в конце октября достигала рекордного уровня, превысив отметку в 2800 долл. за унцию. Основными причинами такой динамики были продолжающееся смягчение денежно-кредитной политики монетарными властями в ведущих странах, и прежде всего ФРС США: т. е. после перехода ФРС к снижению процентных ставок происходило снижение спроса на доллар. Кроме того, во второй половине года серьезно обострилась геополитическая напряженность на Ближнем Востоке, что также вызвало повышение интереса к золоту как защитному активу.

¹⁷ IMF World Economic Outlook Database, October 2024 // International Monetary Fund. <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/weo-database/2024/October>.

Мировой спрос на золото в III квартале 2024 г. вырос на 5 % к соответствующему периоду предыдущего года, достигнув рекордного для этого квартала показателя в 1313 т. В стоимостном выражении покупки этого металла подскочили в III квартале 2024 г. на 35 % в годовом исчислении, впервые превысив 100 млрд долл. При этом спрос на ювелирное золото упал на 12 % год к году. В то же время за 9 месяцев 2024 г. покупки золота мировыми центробанками составили 693 т — падение на 13,4 % по сравнению с соответствующим периодом предыдущего года. Однако в 2023 г. покупки монетарных властей были рекордными, поэтому снижение этого показателя в 2024 г. пока не свидетельствует о том, что тенденция на увеличение золотых запасов у центробанков прервалась¹⁸.

Однако в следующем году основным фактором, влияющим на цену золота, вероятно, будет экономическая политика президента Трампа, которая, как ожидается, стимулирует некоторое укрепление доллара, что вызовет повсеместный переход инвесторов из защитных золотых активов в доллары. Поскольку цена на золото обычно находится в противофазе к курсу доллара, то вероятно, в 2025 г. этот показатель будет колебаться в диапазоне 2400–2700 долл. за унцию.

Государственные долги. В уходящем году в большинстве крупных экономик мира продолжали расти государственные заимствования. Ожидается, что в результате этого к концу 2024 г. совокупный госдолг всех стран мира превысит 100 трлн долл., достигнув 93 % глобального ВВП. При этом более половины указанного госдолга приходится на страны, на которые в сумме приходится 2/3 глобального ВВП и которые при этом продолжают наращивать свой госдолг. Так, к концу 2024 г. госдолг США вырастет с 119 % ВВП до 121 %, Китая — с 84 до 90 %, Японии — с 249 до 251 %, стран еврозоны — с 87,8 до 88,1 %. Впрочем, темпы роста долга будут различаться по экономикам. Так, в еврозоне в целом, вероятно, его увеличение будет происходить заметно медленнее, чем в Китае и США¹⁹.

Основные причины роста госдолга — это увеличение расходов на здравоохранение, борьбу с изменением климата, оборону и энергетическую безопасность. Хотя в течение 2024 г. возникала напряженная ситуация вокруг потолка госдолга США, тем не менее дефолт по госдолгу в крупных экономиках крайне маловероятен. Некоторым исключением может быть только ситуация в Японии, поскольку эта страна имеет очень высокий уровень госдолга, притом что практически весь он выкуплен японским центробанком, который в 2024 г. перешел от отрицательной процентной ставки к ее умеренному повышению. Однако здесь надо иметь в виду, что, хотя совокупный госдолг Японии, в 2023 г. достигал 249,7 % к ВВП страны, показатель чистого госдолга, т. е. за вычетом высоколиквидных активов японского государства, таких как инвалюта, облигации и др., составил в том же периоде только 154,1 % ВВП²⁰.

В 2025 г. прогнозируется рост отношения госдолг/ВВП у США до 124–126 %, Франции — 115–117 %, Великобритании – 104–105 %, тогда как в Германии ожидается, что продолжится уменьшение этого показателя до 61–62 %; так же и Япония, вероятно, вернется к

¹⁸ Gold Demand Trends Q3 2024 // World Gold Council. 2024. 30.10. <https://www.gold.org/goldhub/research/gold-demand-trends/gold-demand-trends-q3-2024>.

¹⁹ Fiscal Monitor. Putting a Lid on Public Debt // International Monetary Fund. 2024. October. <https://www.imf.org/en/Publications/FM/Issues/2024/10/23/fiscal-monitor-october-2024>.

²⁰ Ibid.

сокращению госдолга до 248–249 % к ВВП. В развивающихся экономиках в целом ожидается рост госдолга до 73–74 %, в т. ч. в Китае до 94–95 %, а в Индии, возможно, возобновится тренд на снижение госдолга до 81–82 %.

Рынки акций. В текущем году рынки находились под влиянием в основном двух факторов: с одной стороны, это переход ведущими центробанками от повышения к понижению процентных ставок (кроме японского, который перешел к повышению), а с другой — опасения глобальной рецессии. Свою лепту внесло и обострение геополитической напряженности на Ближнем Востоке. Тем не менее в течение 2024 г. основные индексы акций уверенно росли, достигая новых рекордных высот. Так, DJIA к 11 ноября вырос с начала года с 37 724 до 43 293, NASDAQ — с 14 565 до 19 298, а S&P500 — с 4742 до 6001.

Ожидания на 2025 г. не вполне однозначные: это как возможность уверенного роста в ведущих экономиках в связи с переходом их центробанков к фазе снижения процентных ставок, так и ненулевая вероятность глобальной рецессии, а также возможные экстравагантные решения президента Трампа. Поэтому динамика рынка акций в начале 2025 г., вероятно, продемонстрирует рост на волне оптимистических ожиданий, которые, возможно, затем скорректируются вниз.

Концентрации рисков — 2024. Ситуация вокруг Украины остается главным источником неопределенности. При этом дополнительно развивается сложный геополитический кризис вокруг конфликта Израиля и ХАМАС, который уже перекинулся на Ливан и вовлекает Иран, неопределенность развития ситуации в Сирии. При их дальнейшей эскалации данные факторы могут оказать непредвиденно сильное негативное влияние на мировую валютную систему.

Прямые иностранные инвестиции: тенденции и прогнозы. Хотя в США и некоторых других странах в 2023–2024 гг. наблюдался достаточно высокий приток прямых иностранных инвестиций (ПИИ), в целом ситуация для межстрановых ПИИ в последние годы неблагоприятна. Показатели ПИИ в мире отражают негативные процессы в этой сфере (таблицы 7 и 8). В 2023 г. потоки ПИИ сократились (на 7 % год к году), составив всего около 1,4 трлн долл. В 2022 г. потоки ПИИ достигали 1,5 трлн долл. (с учетом недавнего пересмотра международными организациями в сторону повышения данных за 2022 г.).

Таблица 7. Объем потоков прямых иностранных инвестиций в мире, трлн долл.*

2007	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024 (оценка)	2025 (прогноз)
2,1	1,9	1,7	1,2	1,6	0,9	1,8	1,5	1,4	1,5	1,5

* Объем потоков, по статистике ОЭСР, считается как арифметическая средняя притока и оттока ПИИ за соответствующие годы. Составлено и рассчитано по: FDI in Figures (за соответствующие годы) <https://www.oecd.org/en/publications.html>; OECD Data Explorer <https://www.oecd.org/en/data/datasets/oecd-DE.html>.

Наряду с таким важным фактором, как геополитическая напряженность, на потоки ПИИ в последние годы негативно воздействуют санкции и антисанкции, экономическая фрагментация, разрыв международных цепочек создания стоимости, высокий уровень неопределенности на мировых финансовых рынках, эффекты пандемии COVID-19 и другие факторы. Все это негативно воздействует на решения транснациональных корпораций о зарубежном инвестировании, несмотря на высокие прибыли, получаемые в результате ПИИ. В новых условиях эти прибыли, по оценкам потенциальных инвесторов, могут быть связаны с высокими рисками, нивелирующими возможные доходы.

Происходивший в 2022–2023 гг. во многих странах рост ставок центробанков также оказался одним из факторов падения ПИИ в мире в 2022–2023 гг. Сокращение потоков ПИИ произошло после их восстановительного роста в 2021 г., последовавшего за устранением в мировой экономике эффектов пандемии COVID-19 (таблицы 7 и 8).

Потоки ПИИ в мире на нынешнем этапе остаются существенно ниже уровня 2007 г. (2,1 трлн долл.), и в обозримой перспективе, вероятно, сохранятся ниже этого уровня. Потоки ПИИ в относительном выражении (в % от мирового ВВП) в последние годы остаются примерно в 2–2,5 раза меньше соответствующего показателя 2007 г (таблица 8).

В 2023 г. спад потоков ПИИ охватил примерно 2/3 от всех стран мира, при этом в КНР отмечался рекордно низкий приток ПИИ, что произошло не только под влиянием санкций и геополитических рисков, но и под воздействием высоких процентных ставок в других странах. По мнению международных организаций, международное проектное финансирование, а также трансграничные слияния и поглощения испытали особенно серьезный ущерб от высоких процентных ставок в 2022–2023 гг.

Таблица 8. Объем потоков прямых иностранных инвестиций к ВВП в мире, %.

2007	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024 (оценка)	2025 (прогноз)
3,5	2,5	2,1	1,5	1,8	1,0	1,9	1,5	1,3	1,4	1,4

Составлено и рассчитано по: FDI in Figures (за соответствующие годы) <https://www.oecd.org/en/publications.html>; OECD Data Explorer <https://www.oecd.org/en/data/datasets/oecd-DE.html/>.

В первой половине 2024 г. еще более осложнилась ситуация в сфере ПИИ в КНР (в связи с высокими геополитическими рисками, санкционным давлением и противоречивой китайской экономической политикой). В частности, нежелательному оттоку ПИИ способствовали репатриация прибылей и возмещение действующими в КНР предприятиями (по каналам ПИИ) финансовых ресурсов, полученных из-за рубежа.

Еще в августе 2023 г. Госсовет КНР, обеспокоенный негативными тенденциями в сфере ПИИ, опубликовал новую концепцию по привлечению иностранных инвестиций, в том числе ориентированную на приоритетное развитие сферы создания, разработки и внедрения новых технологий. Однако во второй половине 2023 г. приток ПИИ в КНР остался на рекордно низких уровнях.

В 2024 г. КНР официально заявила о продолжении политики по привлечению иностранных инвестиций, сформулированной в концепции, принятой в 2023 г. В то же время в КНР в последние годы нередко звучат призывы к изменению экономических приоритетов в направлении увеличения значения внутреннего спроса и даже к переходу от участия в глобальных цепочках к национальным цепочкам создания стоимости. В условиях новой политики по привлечению ПИИ все это выглядит достаточно противоречивым образом и способно отталкивать потенциальных иностранных инвесторов.

В США приток ПИИ в первой половине 2024 г. оказался выше, чем в соответствующем периоде предыдущего года, т. к. происходило реинвестирование прибылей и наблюдался приток финансовых ресурсов по внутрифирменным каналам в рамках транснациональных корпораций. Победа Д. Трампа на выборах позволяет предполагать продолжение политики по активному привлечению иностранных финансовых ресурсов в США (по различным каналам). Примеры КНР и США, таким образом, показывают, что в 2024 г. сохраняются и даже усиливаются тенденции предыдущих лет.

В 2024–2025 гг. продолжают негативно влиять на ПИИ геополитическая напряженность, экономическая фрагментация, санкции и антисанкции, нестабильность и непредсказуемость процессов в мировой экономике, а также другие негативные факторы.

Многие центробанки в 2024 г. перешли к снижению ставок, что в ряде случаев может способствовать улучшению ситуации в сфере международных ПИИ. Дело в том, что высокие ставки центробанков все больше рассматриваются в качестве препятствия для роста как внутриэкономических показателей, так и международных инвестиций.

Некоторое снижение стимулирующих эффектов цифровых технологий и инфраструктурных проектов на процессы международного инвестирования начинает компенсироваться повышением роли проектов в сфере экологии, новых источников энергии. Повышается также роль обрабатывающей промышленности, в частности секторов с традиционно высокой ролью глобальных цепочек создания стоимости (электроника, автомобильная промышленность, производство оборудования).

В то же время сохраняются надежды на успешное урегулирование геополитических конфликтов и, следовательно, на снижение в краткосрочной и среднесрочной перспективе геополитической напряженности, на повышение уровня предсказуемости международных процессов.

Благодаря действию этих и других факторов в обозримой перспективе возможна стабилизация международных потоков ПИИ, нельзя исключать также вероятность их некоторого повышения.

ЭКОЛОГИЯ

В прогнозной перспективе экологические риски по-прежнему будут занимать ведущие позиции среди «больших вызовов» в мировой повестке дня. Согласно прогнозам на перспективу до 2030 г., будет прослеживаться дальнейшая тенденция их консолидации. В свою очередь, это обуславливает контекст для многостороннего природоохранного регулирования и диверсификации ответных действий на вызовы со стороны мирового сообщества для обеспечения безопасности планеты, человека, секторов экономики, обслуживающей инфраструктуры и устойчивости мирового развития в условиях турбулентности глобального миропорядка. К такому заключению приходят в том числе авторы последнего международного доклада 2024 г. о глобальных рисках (Global Risks Report, GRR). Особенностью этого процесса будет продолжающееся совершенствование системы международных природоохранных режимов, предусматривающих сочетание глобальных и региональных механизмов, которые базируются, в свою очередь, на координации национальных и локальных действий их участников для снижения опасных последствий экологических рисков и уязвимости общества. Однако до сих пор прогресс здесь сравнительно медленный, а практические результаты, несмотря на внешнюю привлекательность многих из предложенных международных стратегий, пока недостаточно впечатляют.

Ранжирование мировых экологических вызовов свидетельствует, что последствия глобальных климатических изменений и реализация международной политики и мер по ограничению выбросов парниковых газов (ПГ) в сочетании с мерами по снижению ущерба и потерь от климатических изменений и природных бедствий как в развитых, так и в развивающихся странах по-прежнему будут оставаться среди главных приоритетов на ближайшую перспективу. Последняя международная статистика, свидетельствующая о фактическом состоянии дел в этой области, вызывает обеспокоенность. В 2023 г. негативные последствия чрезвычайных природных бедствий в мире затронули около 185 млн чел. Глобальный экономический ущерб возрос до 380 млрд долл., а число смертельных случаев увеличилось до 95 000, достигнув максимального уровня за период регулярного мониторинга с 2010 г. Предыдущий год стал самым дорогим в XXI в. с точки зрения мировых затрат на ликвидацию их разрушительных последствий; в перспективе ожидается дальнейший рост негативных эффектов от возрастающей климатической изменчивости. Климатические риски теперь стабильно входят в пятерку основных глобальных социально-экономических и геополитических рисков мирового устойчивого развития.

Все чаще действующая система ответных мер мирового сообщества на углубляющиеся вызовы от изменения климата квалифицируется как «неудачи климатических действий». Это касается как сохранения глобального климата путем ограничения выбросов (митигация), так и приспособления к последствиям его изменений (адаптация). Согласно опубликованному накануне COP29²¹ отчету ЮНЕП (Emission Gap Report, 2024), мировые выбросы ПГ возросли в 2023 г. на 1,3 % по сравнению с предыдущим годом (доля группы G-20 увеличилась в них до 77 %). Если не будут реализованы более жесткие меры для низкоуглеродного перехода, то

²¹ КОП — Конференция сторон климатической конвенции РКИК ООН (COP — Conference of the Parties to the UNFCCC).

принятые ранее глобальные цели ограничения потепления климата (до 1,5–2,0 °С)²², предусмотренные Парижским соглашением, не будут выполнены к концу XXI в., а потепление может составить 2,6–3,1 °С.

В этих условиях в мировом сообществе на различных уровнях и среди большинства групп акторов консолидируются подходы о необходимости диверсификации, конкретизации и координации при имплементации ответных действий. В последние годы прослеживается ряд новых тенденций и особенностей в развитии системы международного климатического регулирования, которые будут продолжены в прогнозной перспективе.

Во-первых, в этой системе происходят определенные структурные изменения. До недавнего времени главный акцент климатической политики и мер делался на обеспечении низкоуглеродного перехода за счет снижения выбросов ПГ, в то время как второму равновеликому сегменту климатического регулирования — адаптации общества к последствиям изменения климата и мерам по сокращению ущерба — уделялось сравнительно скромное внимание. Наблюдалась диспропорция в структуре глобального климатического финансирования: 2/3 ресурсов направлялось на снижение выбросов, а остальная часть предназначалась для адаптации. На фоне роста климатической изменчивости и ущерба от природных бедствий в сочетании с неудачами в выполнении целей ограничения глобального потепления наблюдается активизация действий мирового сообщества в рамках «адаптационного» трека климатического регулирования, в том числе за счет совершенствования положений и норм действующего сейчас многостороннего климатического режима. В перспективе ожидаются результаты по преодолению такого дисбаланса.

Во-вторых, происходят динамичные трансформации в климатическом многостороннем взаимодействии стран Глобального Севера и Глобального Юга. Новации в его архитектуре основаны на недавно достигнутых договоренностях в ходе достаточно противоречивых 30-летних переговоров Север — Юг в рамках международной конвенции РКИК ООН. Главные различия в их подходах прежде всего касаются ответственности за последствия выбросов ПГ развитых стран и компенсации ими ущерба от климатических природных бедствий в странах Глобального Юга. Кульминацией их переговоров стало решение 2022 г. об институционализации механизма международной помощи развитию адаптации в наименее развитых странах, особо уязвимых перед негативными климатическими последствиями, путем создания многостороннего Фонда по климатическим потерям и ущербу (Loss and Damage Fund) для наиболее уязвимых стран. В перспективе будет укрепляться относительно новое направление климатической помощи по линии взаимоотношений «Юг — Юг» и рост финансовых потоков от развивающихся в развивающиеся страны, в том числе от Китая, ОАЭ, Саудовской Аравии, Сингапура, Республики Корея. Поскольку последние не входят в состав стран Приложения I РКИК ООН, которые квалифицируются как климатические доноры с соответствующими национальными обязательствами, их вклад формируется в основном по каналам многосторонних банков развития, составляя в последние годы немногим менее половины средств, полученных по этой линии странами-реципиентами.

²² Для ограничения глобального потепления к концу XXI в. необходимо к 2030 г. сократить мировые выбросы ПГ на 42 %, а к 2035 г. — на 57 %.

Это стало главным результатом последовательного давления развивающихся государств (прежде всего «Группы 77» и Альянса малых островных государств) по применению Западом принципов климатической ответственности и компенсации ущерба. Однако в конечном итоге в результате маневра в переговорном процессе развитым странам удалось выделить главный трек будущих совместных действий — предоставление многосторонней помощи для снижения климатической уязвимости, ущерба и развития системы адаптации, включая совокупность ее финансовых, технологических и научно-практических составляющих. В отсутствие консенсуса положения об ответственности и компенсации ущерба не были конкретизированы в виде обязательных положений и норм международного климатического режима, а сводились лишь к формулировке общих подходов к необходимости снижения уязвимости стран и регионов, затронутых климатическими бедствиями. Главный аргумент потенциальных доноров базировался на недостаточной проработанности существующих методик экономической оценки климатического ущерба и его главных индикаторов, а также на необходимости дальнейших междисциплинарных разработок, которые будут продолжены в прогнозной перспективе.

В-третьих, в рамках международного климатического режима формируются новые механизмы и инструменты финансовой и технологической помощи для снижения климатической уязвимости отдельных стран и регионов. Прорывное решение о создании Фонда было принято в 2022 г. на COP27 в ОАЭ. В ближайшей перспективе будет продолжена достаточно быстро продвигающаяся операционализация Фонда, включая такие ключевые направления, как: 1) система управления²³; 2) реципиенты; 3) доноры и источники финансирования; 4) индикаторы и оценка ущерба; 5) нормы отчетности, мониторинга и верификации; 6) роль Фонда в международной системе климатического финансирования.

Согласно опубликованному в 2024 г. оценочному докладу ОЭСР «Климатическое финансирование, предоставленное и мобилизованное развитыми странами в 2013–2022 гг.», механизмы ОДА (Official Development Assistance) до сих пор базировались в основном на государственных грантах (70 % от общего уровня ОДА) и льготных займах (28 %) наиболее уязвимым странам Глобального Юга. Теперь они все чаще будут сочетаться с помощью из различных источников, частных фондов и неправительственных организаций, сеть которых быстро расширяется. Применение привлекательных инструментов помощи, включая облегчение и ускорение доступа ее потенциальных реципиентов к финансовым ресурсам и технологиям в условиях чрезвычайных ситуаций, становится новой особенностью формирования многостороннего режима климатической адаптации по линии Фонда. В этих случаях акцент делается на быстром оказании помощи, с тем чтобы она не опоздала к месту бедствия. Предлагаемые для этого инструменты оперативного выделения средств по «ускоренному треку» являются инновацией. Обсуждаются варианты использования таких финансовых продуктов, как финансовые гарантии, прямое бюджетное финансирование, политически мотивированное финансирование, долевое участие, страхование, распределение рисков. Все они рассматриваются в качестве дополнения к национальным мерам и инструментам по снижению рисков.

²³ В состав правления Фонда входят 26 членов, включая 12 от развитых и 14 от развивающихся стран (по 3 представителя от Азиатско-Тихоокеанского региона, Африки, Латинской Америки и Карибского региона; по 2 — от небольших островных государств и наименее развитых стран; 1 от развивающихся стран, не входящих в состав региональных групп); решения принимаются на основе консенсуса.

Предоставление помощи Фондом и связанными с ним институтами (в том числе специализированные Сеть Сантьяго и Варшавский международный механизм по потерям и ущербу, ВММ) будет осуществляться за счет комбинирования финансовой, технологической помощи и поддержки развития адаптационного потенциала. На наш взгляд, вполне рационален выбор комплексного подхода к международной климатической помощи, поскольку практика адаптации показывает, что акценты исключительно на финансировании не в состоянии обеспечить долгосрочное решение проблемы климатической уязвимости на местах. В прогнозный период предполагается дальнейшая детализация институциональных аспектов такой стратегии: на COP29, в частности, обсуждались будущие контуры научно-технической и практической роли международных институтов в оценке и мобилизации многостороннего потенциала для решения вопросов климатической уязвимости. Продолжится работа по агрегированию научно-технических результатов, достигнутых в рамках ВММ, и, в частности, в обобщении мировых знаний по климатическому ущербу, по отбору индикаторов адаптации, предполагаемая к завершению в 2026 г. Планируется дальнейшее развитие механизмов международной Сети Сантьяго, которая занимается совершенствованием процесса предоставления научно-технической помощи развивающимся странам.

В настоящее время обсуждаются критерии отбора возможных получателей помощи по линии Фонда. Главный среди них — оказание поддержки наименее развитым странам для снижения их уязвимости, развития местного потенциала по реабилитации территорий, разработки стратегий и планов адаптации и снижения рисков. Учет индикаторов климатической уязвимости в сочетании с местными социально-экономическими показателями и возможностями по адаптации реципиентов являются основой для их включения в программы помощи. В качестве перспективного направления получения грантов рассматриваются в том числе проекты по оперативному формированию баз климатических данных на местах и предоставлению климатических услуг конечным потребителям, оказание поддержки мобильности и переселения жителей, затронутых разрушительными бедствиями. Среди институциональных схем предлагаются варианты создания в стране-реципиенте национального органа, ответственного за управление выделенными фондами и контроль их использования в соответствии с утвержденными проектами. От успешного решения всех этих вопросов зависят результаты операционализации работы Фонда. До сих пор открытым остается ключевой вопрос о мобилизации его финансовых ресурсов; по некоторым оценкам, стартовый бюджет Фонда может оказаться достаточно скромным по сравнению с недавно озвученными и постоянно возрастающими климатическими потребностями развивающихся стран. Так, согласно некоторым международным оценкам, в настоящее время отмечается недофинансирование адаптации в наименее развитых странах: мобилизованные климатические ресурсы в 8–10 раз ниже их потребностей.

В связи с этим вопрос об увеличении ежегодного уровня многостороннего финансирования был среди ключевых на COP29: в повестку дня было включено утверждение «Новой коллективной количественной цели» (New Collective Quantified Goal, NCQG) международных климатических финансов взамен ранее согласованного ежегодного уровня на период до 2025 г. в размере 100 млрд долл. Однако практика последних лет показывала,

что выполнение обещаний по международной мобилизации климатических финансов в этом объеме столкнулось с рядом серьезных проблем, включая дефицит в привлечении запланированных ресурсов и задержки с выделением средств. Обсуждение этого вопроса на климатическом саммите вплоть до последнего дня его работы сопровождалось противоречиями между участниками и отдельными группами государств: динамика в подходах многих стран Глобального Юга характеризовалась серьезным «ростом ставок». Так, например, на COP29 некоторые группы развивающихся стран предложили увеличить планку ежегодной многосторонней мобилизации климатического финансирования до 1,3 трлн долл. на период до 2030 г.²⁴ В окончательном варианте COP29 утвердила NCQG на ежегодном уровне в 300 млрд долл. к 2035 г., которые будут формироваться из государственных и частных источников преимущественно развитых стран; поощряется также добровольное участие в международной помощи развитию в рамках сотрудничества Юг — Юг. Была отмечена цель дальнейшего объединения совместных усилий в поиске путей увеличения климатической помощи развивающимся странам из различных источников до 1,3 трлн долл. к середине следующего десятилетия²⁵.

Таким образом, пакет вопросов на повестке дня COP29, состоявшейся 11–22 ноября 2024 г. в г. Баку, отражал вышеперечисленные особенности и тенденции в развитии и имплементации международного климатического режима РКИК ООН. Среди основных были: 1) мобилизация многостороннего климатического финансирования и утверждение «Новой коллективной количественной цели»; 2) дальнейшая операционализация работы многостороннего Фонда по ущербу и потерям, включая обсуждение критериев для отбора реципиентов помощи; 3) обсуждение глобальных целей по ограничению потепления климата, мер по снижению выбросов ПГ и национальных добровольных вкладов участников на следующем этапе климатических действий, начиная с 2025 г.; использование рыночных инструментов для их достижения (статьи 6.2, 6.4 Парижского соглашения), а также вопросы глобального энергоперехода.

В прогнозной перспективе будет прослеживаться усиление взаимодействия глобального и регионального формата действий мирового сообщества в охране природы и снижении экологических рисков устойчивого развития. По-прежнему крайне динамичные и последовательные политика и меры в данной области осуществляются Европейским союзом (ЕС). Последние несколько лет ЕС прилагает максимум усилий для реализации мер, предусмотренных Парижским соглашением, а также ранее запланированных действий по осуществлению так называемой «Зеленой» сделки. Идет поэтапная детализация конкретных ответных действий и усиление фокуса на результатах их имплементации.

Основная доля действующих актов и соглашений направлена на достижение показателей по снижению выбросов в окружающую среду за счет использования все более широкого набора механизмов и инструментов. Во-первых, речь здесь может идти о мерах разнопланового технологического порядка, в том числе производстве «устойчивого» водорода как альтернативного источника энергии, не связанного с использованием ископаемых ресурсов

²⁴ Среди них: «Группа-77 плюс Китай», Независимый альянс стран Латинской Америки и Карибского региона (AFLAC), «Развивающиеся страны-единомышленники» (LMDC), «Наименее развитые страны» (LDC).

²⁵ UNFCCC/COP29. Decision CMA.6. Matters related to finance. New collective quantified goal on climate finance. 2024. 23.11.

(в части регулирования Директивы (ЕС) 2024/1788 Европейского парламента и Совета от 13 июня 2024 г. об общих правилах для внутренних рынков возобновляемого газа, природного газа и водорода²⁶). Среди новых направлений, связанных с регулированием эффективности потребления продуктов и услуг, — Директива (ЕС) 2024/1799 Европейского парламента и Совета от 13 июня 2024 г. об общих правилах, способствующих ремонту товаров²⁷, которая предусматривает правила содействия более разумному потреблению путем расширения ремонта и повторного использования товаров как в рамках, так и за пределами правовой гарантии. Таким образом, можно сделать вывод, что реформа законодательства охватывает различные уровни, как высокотехнологичное производство, связанное с энергетикой, так и бытовой уровень эксплуатации потребительских товаров путем расширения их вторичного использования для решения накопившихся экологических проблем.

Во-вторых, регулирование в области охраны окружающей среды будет концентрироваться на мерах административного контроля. Считается, что этому в значительной степени может содействовать создание механизма корректировки выбросов двуокси углерода, так называемого механизма СВМ²⁸, правовое регулирование в отношении которого было создано в 2023 г.; совершенствование этой системы будет продолжено. Дополнительными мерами становятся действия в отношении установления контрольных показателей по добыче, переработке и диверсификации импорта, более известные как CRMA²⁹. Так, в настоящий момент приняты четкие сроки для процедур выдачи разрешений на добывающие проекты ЕС, установлен порядок признания проектов стратегическими, а также требования к национальным планам геологоразведки и обеспечения доступа к критически важному и стратегическому сырью. Другим примером является проект Регламента о прозрачности и целостности деятельности по оценке воздействия на окружающую среду, социальную сферу и управление (ESG), который направлен на формирование системы рейтинговых агентств и установления за ними контроля со стороны ЕС³⁰.

Третьим направлением в деятельности ЕС, в том числе с долгосрочными перспективами, являются меры экономического стимулирования, в частности выпуск «зеленых» облигаций (бондов) нового поколения, известных как NextGenerationEU (NGEU), последний из которых был организован в 2024 г. на сумму более 65 млрд евро, что позволяет ЕС стать крупнейшим эмитентом «зеленых» облигаций в мире.

Руководствуясь вышеизложенным, можно сделать вывод, что в перспективе в ЕС будет продолжена масштабная деятельность по стимулированию всех секторов, налаживанию

²⁶ Directive (EU) 2024/1788 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 on common rules for the internal markets for renewable gas, natural gas and hydrogen, amending Directive (EU) 2023/1791 and repealing Directive 2009/73/EC // OJ L, 2024/1788. 2024. 15.07.

²⁷ Directive (EU) 2024/1799 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 on common rules promoting the repair of goods and amending Regulation (EU) 2017/2394 and Directives (EU) 2019/771 and (EU) 2020/1828 // OJ L, 2024/1799. 2024. 10.07.

²⁸ Regulation (EU) 2023/956 of the European Parliament and of the Council of 10 May 2023 establishing a carbon border adjustment mechanism // OJ L 130. 2023. 16.05. P. 52–104.

²⁹ Regulation (EU) 2024/1252 of the European Parliament and of the Council of 11 April 2024 establishing a framework for ensuring a secure and sustainable supply of critical raw materials and amending Regulations (EU) No 168/2013, (EU) 2018/858, (EU) 2018/1724 and (EU) 2019/1020 // OJ L, 2024/1252. 2024. 03.05.

³⁰ Proposal for a Regulation of the European Parliament and of the Council on the transparency and integrity of Environmental, Social and Governance (ESG) rating activities // COM/2023/314 final.

административных и технологических механизмов по достижению показателей устойчивого развития. Вышеуказанные меры, хотя нередко подвергаются критике за бюрократизм, формализм, а в некоторых случаях, как, например, в части создания «зеленого» («устойчивого» водорода), — за ограниченность на нынешнем этапе технических средств по достижению заявленных показателей, тем не менее являются вектором скоординированной политики по защите окружающей среды и накопления необходимого практического опыта. Необходимо также отметить, что на ближайшую перспективу они будут продолжены с учетом обновления данных и экономических показателей государств — членов ЕС.

«Зеленое» финансирование. В условиях сохранения в 2024 г. экономических и геополитических рисков «зеленое» и устойчивое финансирование в целом продолжало либо показывать, как и в 2023 г., невысокие темпы роста, либо стагнировать и даже сокращаться в зависимости от сегмента финансового рынка. Тем не менее мировой финансовый рынок остается значимым источником привлечения средств для реализации «зеленых», в том числе климатических проектов.

По данным Climate Bond Initiative (CBI), на конец I полугодия 2024 г. общий объем эмиссии всех устойчивых облигаций, включая «зеленые», социальные и устойчивые, показал рост на 7 % в сравнении с аналогичным периодом 2023 г. и составил 554 млрд долл., в том числе «зеленых» — 385 млрд долл.³¹. Накопленный объем эмиссий на ту же дату равнялся соответственно 5,1 трлн и 3,2 трлн долл. США. При этом доля устойчивых облигаций в I полугодии 2024 г. в совокупном объеме глобального долгового рынка сократилась год к году с 5,3 до 4,2 %. Среди негативных для рынка факторов помимо геополитической напряженности можно отметить рост процентных ставок, а также ужесточение требований к раскрытию информации по отнесению тех или иных инвестиций к устойчивым, в т. ч. «зеленым».

В структуре устойчивых облигаций сохранились многие тенденции 2023 г. Преобладающим сегментом остаются «зеленые» облигации — 70 %, причем доля их даже возросла. Лидер по объему всех эмиссий за I полугодие 2024 г. — ЕС, его доля составила 53 %, а по «зеленым» облигациям — 62 %. Доминирующей валютой сделок остается евро. Примечательным фактом 2024 г. стал рост активности на рынке устойчивых облигаций африканских стран. Семь эмитентов под эгидой Африканского банка развития разместили облигации в нескольких валютах: австралийский и американский доллар, евро, ZAR (южноафриканский рэнд). По оценке ЮНКТАД, развивающиеся страны становятся все более активными в области устойчивого финансирования. На них пришлось более 60 % новых регулирований, принятых в 2023 г. В частности, 6 крупнейших развивающихся стран (Аргентина, Бразилия, Китай, Мексика, Турция, ОАЭ) и ряд членов АСЕАН разработали национальные стратегии либо рамочные документы по устойчивому финансированию в целом, а также по отдельным секторам: эмиссия облигаций, банковское кредитование, страхование. Однако, по мнению ЮНКАД, для реализации намеченных целей этим странам все еще не хватает кадров и знаний, развитой финансовой инфраструктуры³².

³¹ Здесь и далее статистика по устойчивым облигациям приводится по: Sustainable Debt Market. H1 2024, CBI. 2024. August.

³² UNCTAD World Investment Report, 2024. Chapter III. Sustainable Finance Trends. P. 105.

США в отличие от 2023 г. вместе с Германией стали страновыми лидерами по объему «зеленых» эмиссий. В секторальной структуре эмитетов «зеленых» облигаций наибольший вклад внесли нефинансовые компании. Следует отметить дальнейший рост значения переходных облигаций. СВИ в целях поддержки «озеленения» так называемых коричневых отраслей разработала инструменты, критерии и рамочные документы, помогающие этим отраслям двигаться в направлении углеродной нейтральности. Мониторинг двух важнейших секторов: сталелитейных и цементных компаний, которые смогли стать эмитентами на рынке «зеленых» облигаций, позволил СВИ сделать обнадеживающие выводы. Во-первых, как отмечается в отчете СВИ, по сравнению с 2023 г. существенно вырос объем «зеленых» эмиссий этих компаний, во-вторых, 57 % проинспектированных компаний имеют действующие планы по переходу к низкоуглеродной экономике. В сталелитейной отрасли лидируют компании из Тихоокеанской Азии: Китай (64 % всех эмиссий), Республика Корея (32 %). В цементной отрасли распределение по странам более равномерное: Азия — 21 %, Европа — 33,9 %, Латинская Америка — 44,9 %³³.

В отличие от рынка устойчивых облигаций на кредитном рынке в I полугодии 2024 г. имело место существенное сокращение объемов новых кредитов по сравнению с I полугодием 2023 г. По данным Environment Finance³⁴, это затронуло прежде всего так называемые связанные «зеленые» кредиты, по которым КРІ оценивается в результате мониторинга целевого использования этих кредитов (сокращение почти на 34 %). Одна из причин — введение на национальном и международном уровнях более жестких критериев оценки проектов в качестве «зеленых» и в целом устойчивых, повышение требований к прозрачности сделок и отчетности, что значительно увеличивает издержки заемщиков и кредиторов и в ряде случаев перевешивает преимущества привлечения клиентов в «зеленое» кредитование. Вместе с тем, по мнению экспертов, появление более четких ориентиров, таких как, например, Sustainable Linked Loan Bonds Guidelines, подготовленные международной ассоциацией Loan Market Association вместе с Международной ассоциацией рынков ценных бумаг (ISMA), будут способствовать оздоровлению и консолидации рынка. Отличительной особенностью рынка «зеленых» кредитов, как и долгового рынка, стал рост интереса к переходному финансированию. При активном участии Asia and Pacific Loan Association летом 2024 г. был подготовлен проект Принципов для переходного кредитования (Transition Loan Principles), окончательный вариант которых ожидают к концу 2024 г. Получателями таких кредитов выступают главным образом крупные компании, которые могут себе позволить растущие издержки по предоставлению необходимой информации. В отраслевом разрезе это авиация, логистика, включая морские перевозки, энергетика, коммунальные услуги, «синие» кредиты.

Еще одним направлением «зеленого» финансирования, у которого возникли сложности в 2024 г., стало инвестирование в «зеленые» активы. По оценкам ЮНКТАД³⁵, рынок устойчивых инвестиций продолжает расти, хотя и менее высокими темпами, но объем новых вложений со стороны институциональных инвесторов сокращается. При этом, несмотря на принятие новых регулирований как на национальном, так и международном уровнях,

³³ UNCTAD World Investment Report, 2024. Chapter III. Sustainable Finance Trends. P. 8.

³⁴ Environmental Finance. Sustainable Loans Insight 2024.

³⁵ UNCTAD World Investment Report, 2024. Chapter III. Sustainable Finance Trends.

серьезным вызовом для «зеленого» и в целом устойчивого финансирования остается «зеленый камуфляж» (greenwashing). В этой ситуации представляется необходимым дальнейшее развитие регуляторных механизмов, включая обязательное предоставление отчетности по устойчивым инвестициям, а также замена оценок уровня устойчивости самими компаниями на внешний аудит и рейтингование со стороны независимых агентств. Очевидно, что политика принятия решений по регулированию рынков устойчивого финансирования должна быть в большей степени ориентирована на экономический результат. И здесь, по мнению многих экспертов, в регулировании и надзоре все большую роль будут играть новые финансовые технологии, прежде всего использование искусственного интеллекта.

Рассмотренные тенденции свидетельствуют о том, что на рынке устойчивого финансирования формируется более взвешенный и экономически рациональный подход со стороны основных участников (стейкхолдеров), происходит очищение рынка от спекулятивного ажиотажа.

ПРОГНОЗ КОНЬЮНКТУРЫ ОСНОВНЫХ РЫНКОВ РОССИЙСКОГО ЭКСПОРТА

Продовольствие

В 2024 г. сохранялась (в ряде случаев даже усугубилась) неустойчивость развития мирового производства и торговли сельскохозяйственным сырьем и продуктами его переработки. Усилилось влияние ряда действовавших в 2022–2023 гг. негативных факторов: природно-биологических (участвовавших экстремальных климатических явлений и вспышек заболеваний сельскохозяйственных культур и животных), экономических (ухудшения ситуации в экономике, в т. ч. в АПК, ряда стран, нарушения транспортно-логистической системы мировой агропродовольственной торговли), продолжения, а иногда и эскалации военно-политических противостояний (в Украине, Африке, на Ближнем Востоке)³⁶.

Сочетание негативного эффекта этих факторов обусловило неудовлетворительный уровень и динамику глобальной продовольственной безопасности. В начале 2024 г. среднее число голодающих в мире составило 733 млн чел. (9,1 % мирового населения), увеличившись на 26 % против доковидного 2019 г. и на 29 % — против 2015 г., когда ООН декларировала цель добиться «нулевого голода» к 2030 г. В общемировой численности голодающих доминировали регионы Глобального Юга: Азия (около 52 %), Африка (более 40 %), Латинская Америка и Карибы (почти 6 %). По доле голодающих в населении (более 20 %) лидировала Африка, опережая как среднемировой показатель (в 2,2 раза), так и другие регионы мира: Азию — в 2,5 раза, Латинскую Америку и Карибы — в 3,3 раза и т. д. Причем за последние годы распространенность недоедания в Африке росла, в отличие от ее практической неизменности в Азии и снижения в Латинской Америке и Карибах³⁷. В середине 2024 г. на Африку приходилось и более 70 % из почти 180 млн чел. населения «очагов голода» — 21 страны с катастрофическим или близким к нему уровнем отсутствия продовольственной безопасности.

В 2025 г. нынешние тренды продолжатся, а возможно, и усилятся. К 2030 г. при их сохранении, по прогнозам ФАО ООН, общее число голодающих в мире может составить 582 млн чел. (на 12 млн чел. выше уровня 2015 г.). Такое развитие особенно вероятно для преобладающих на Глобальном Юге стран с низким или средним уровнем дохода, в 75 % которых основными причинами отсутствия продовольственной безопасности являются именно изменчивость климата, погодные экстремумы и конфликты. По этим причинам, например, к 2030 г. доля Африки в числе голодающих в мире может возрасти почти на 1/3 — до 53 %. Негативные тренды непосредственно (климатические экстремумы, эпифитотии и эпизоотии) или косвенно (удорожание энергоресурсов, нарушения в логистике, в т. ч. из-за региональных конфликтов) влияющие на мировое производство продовольствия, усугубляются заметным отставанием в достижении поставленной ООН цели снижения вдвое масштабов потерь и порчи его продукции к 2030 г.

³⁶ Россия и мир: 2024. Экономика и внешняя политика. Ежегодный прогноз / рук. проекта: А.А. Дынкин, В.Г. Барановский; отв. ред.: И.Я. Кобринская, Г.И. Мачавариани. — М.: ИМЭМО РАН, 2023. С. 44.

³⁷ ФАО, МФСР, ЮНИСЕФ, ВПП и ВОЗ, 2024. Краткий обзор. Положение дел в области продовольственной безопасности и питания в мире — 2024. Финансирование деятельности по ликвидации голода, отсутствия продовольственной безопасности и неполноценного питания во всех его формах. Рим, ФАО. С. 12–13. <https://doi.org/10.4060/cd1276ru>.

В природно-климатическом аспекте нарастает негативное воздействие на мировое производство и торговлю агропродовольственными товарами глобального потепления. По имеющимся оценкам, в 2024 г. средняя глобальная температура впервые превысит доиндустриальный уровень на 1,5°. Усиливается негативный эффект сменяющих друг друга меклиматических явлений Эль-Ниньо и Ла-Нинья. Для ряда регионов мира — основных производителей и потребителей продовольствия они фактически превращают погодные экстремумы в почти нормальные ситуации, вызывая ураганы и штормы и чередуя сильнейшие засухи с наводнениями. За время активности Эль-Ниньо с июня 2023 г. по май 2024 г. от него пострадали свыше 60 млн чел. в 24 странах, прежде всего в Азии, восточной и южной частях Африки, Латинской Америке и на Карибах. Только в январе–апреле 2024 г. разрушительное воздействие на сельское хозяйство оказали связанные с Эль-Ниньо сильная засуха на юге и наводнения из-за проливных дождей на востоке Африки. Наводнение на юге Бразилии ударило по рисоводству региона, обеспечивающего около 50 % сбора риса в стране, внезапные наводнения — по аграрному сектору стран Персидского залива, юго-восточного Ирана, Афганистана и Пакистана. В США и Западной Европе сильные засухи летом 2024 г. нанесли серьезный ущерб сельхозпроизводству (на юге Италии производство зерна и оливок сократилось вдвое). Вызванное засухами обмеление основных судоходных рек (бассейна Миссисипи, Дуная и Рейна) вызвало трудности с речными перевозками зерна, а снижение уровня воды в Панамском канале почти до мая 2024 г. затрудняло транзит по нему, обеспечивающий около 9 % мировых морских перевозок зерна. В Евросоюзе — ключевом мировом экспортере зерна и продуктов животноводства из-за неблагоприятных погодных условий в 2024/25 сельхозгоду ожидается самое низкое за последние 10 лет производство зерновых. Сбор масличных снизится на 8 % против прошлого года, яблок — на 10 %, производство молока и свинины возрастет лишь на 0,2 %, мяса птицы — на 0,9 %. В России, по оценке Минсельхоза РФ, недобор зерна в 2024/25 сельхозгоду из-за природных катаклизмов составит 20–22 млн т (13–15 %). Сменившая Эль-Ниньо в конце сентября Ла-Нинья, по прогнозам, продлится до марта 2025 г., вызывая погодные экстремумы, чреватые тяжкими последствиями для продовольственной безопасности, особенно примерно 280 млн чел. в странах, уже страдающих от ее острого отсутствия. Связанные с этим явлением разрушительные штормы ударили пока в основном по продовольственно обеспеченным странам. В сентябре–октябре 2024 г. ураганы «Хелен» и «Милтон» (вошедшие в десятку сильнейших в истории США) нанесли серьезный урон 6 южным штатам. Потери АПК штата Джорджия от «Хелен» оцениваются в 6,6 млрд долл, штата Флорида от «Милтона» — в 2,5 млрд долл., а общий ущерб от каждого из ураганов превышает 50 млрд долл. Нанес заметный ущерб сельскому хозяйству и аграрной инфраструктуре Европы экстремальный шторм «Борис», накрывший в сентябре 2024 г. Австрию, Венгрию, Германию, Польшу, Румынию, Словакию, Чехию и вызвавший рекордное по масштабам наводнение. Только в Польше полностью уничтожены посевы на почти 70 тыс. га сельхозземель, большая часть запасов кормов и др. В сентябре шторм ударил по аграрному сектору Италии и Франции. В октябре–ноябре шторм «Дана», вызвавший тяжелые ливни и наводнения в ряде регионов Испании, привел к большим человеческим жертвам и катастрофическому ущербу для 2/3 плантаций цитрусовых (доля Испании в мировом экспорте — 24 %), а также виноградников (доля Испании в мировом экспорте — более 8 %) и аграрной инфраструктуры, последствия которого будут ощущаться и после 2025 г. Развитые страны пока располагают достаточными финансово-инвестиционными ресурсами для покрытия соответствующих потерь и

восстановления производства продовольствия, однако такая компенсация становится все более обременительной для бюджетов этих стран и их объединений, например Евросоюза. Ежегодные расходы только Минсельхоза США на компенсацию ущерба фермерам уже превышают 8 млрд долл., а Еврокомиссия намечает использовать для компенсации нынешнего ущерба неиспользованные 18 млрд евро из других статей бюджета ЕС. У развивающихся стран, которым в 2024–2025 гг. угрожает Ла-Нинья (Аргентины, Бразилии, Перу, Эквадора, Индии, Малайзии, Филиппин, стран юга и запада Африки) такие ресурсы ограничены, что может негативно повлиять на мировое производство ряда важных агропродовольственных товаров (кукурузы сои, риса, сорго) и торговлю ими. Это особенно тревожно на фоне опасений, что в 2025 г. может начаться процесс нарушения системы океанских течений, чреватый в перспективе резкими изменениями климата с катастрофическими последствиями для мирового производства продовольствия.

Природные негативные тренды усугубляются и сохранением внутренних и международных конфликтов. Согласно Global Peace Index, в 2024 г. в мире насчитывалось 56 конфликтов, причем они стали «более международными» — 92 страны вовлечены в конфликты за пределами своих границ. Наиболее «конфликтоуязвимыми» регионами оставались Ближний Восток и Северная Африка, а также Суб-Сахарская Африка, в которой доля голодающих в населении уже в 2,5 раза выше мировой. Конфликты мешают развитию национальных АПК, подрывают систему доставки и распределения внешней продовольственной помощи в нуждающихся странах, препятствуют международной торговле. Так, к началу 2024 г. эскалация вооруженного конфликта в Судане привела к падению сбора зерновых на 46 % и росту доли голодающих до 37 % населения. Вызванное действиями йеменских хуситов ограничение судоходства по Суэцкому каналу и Красному морю в 2024 г. резко сократило транзит по этому маршруту, обеспечивавший 14 % мировых морских перевозок зерна и 20 % — минеральных удобрений, заместив его более длительным и дорогим маршрутом вокруг Африки. Пока геополитическая ситуация представляется неопределенной, и в 2025 г. трудно ожидать ослабления негативного влияния конфликтов на мировое производство и логистику продовольствия.

В развитых странах (прежде всего в ЕС) на объемах производства и потребления продовольствия начинает негативно сказываться его «экологизация», в т. ч. меры по выведению из оборота части сельхозземель для сохранения биоразнообразия, ограничению применения пестицидов, органических и минеральных азотных удобрений, ужесточению правил содержания сельскохозяйственных животных, а также по замещению в питании населения животных белков растительными и т. п.

В 2024 г. большинство национальных и глобальная продовольственные системы оставались недостаточно устойчивыми, а продовольствие — относительно дорогим для потребителей, особенно в бедных странах. По оценке Всемирного банка, рост продовольственных цен превышал 5 % примерно в 76 % стран с низким уровнем дохода, в 51 % стран с доходом ниже среднего и в 38 % стран с доходом выше среднего. Почти в 60 % стран мира продовольственная инфляция в реальном выражении опережала общую. Подобные тренды достаточно устойчивы и, очевидно, сохранятся в 2025 г.

В 2024/25 сельхозгоду в основных секторах мирового агропродовольственного хозяйства наблюдаются разнонаправленные тенденции³⁸. При сокращении (по пшенице, кукурузе, сахару) или умеренном росте (риса, масличных) производства базовых растительных продуктов ожидается увеличение производства мясо-молочных и рыбопродуктов. На фоне возросшей чувствительности мирового производства продовольствия к погодному и геополитическому факторам и возобновлению повышательного тренда мировых продовольственных цен это может неоднозначно повлиять на сбалансированность глобальных рынков и продовольственную безопасность. По оценкам ФАО ООН, в растениеводстве при незначительном снижении (на 0,4 %) против 2022/23 сельхозгода ожидается второй по величине за последние 10 лет мировой сбор зерновых. Сокращение производства кукурузы в Европе, Латинской Америке и Африке будет в основном компенсировано приростом мирового производства пшеницы и риса. При некотором снижении мировой торговли пшеницей и фуражным зерном прогнозируется рост торговли рисом. Увеличение мирового сбора сои (прежде всего в Северной и Латинской Америке) и восстановление производства пальмового масла в Юго-Восточной Азии, вероятно, перекроют снижение урожаев подсолнечника и рапса, обеспечив прирост общего мирового производства масличных почти на 4 %. Прогнозируется небольшое (на 1,1 %) сокращение мирового производства сахара, прежде всего из-за снижения производства в Бразилии и Индии. В животноводстве в 2025 г. ожидается небольшой прирост мирового производства мяса при компенсации сокращения продукции говядины и свинины приростом производства мяса птицы на 2 % в Китае, США, ЕС и Бразилии. Прогнозируется небольшой (порядка 1 %) прирост мирового производства молока, прежде всего в ЕС и Индии.

Для российского АПК 2024/25 сельскохозяйственный год ожидается в целом приемлемым. В растениеводстве прогнозируется значительный (хотя немного ниже среднего за последнее пятилетие) сбор зерна — 130 млн т, в т. ч. пшеницы — 83 млн т. При некотором снижении сборов подсолнечника ожидаются хорошие урожаи риса, сои и рапса, стабилизация производства сахара и подсолнечного масла. В целом Россия, вероятно, сохранит хорошие позиции в глобальном производстве ряда важнейших продуктов растениеводства: пшеницы — 4-е место, ячменя и ржи — 2-е, кукурузы — 12-е, подсолнечника и подсолнечного масла — 1-е, сахара — 8-е место. В 2025/26 сельхозгоду возможно увеличение сбора зерна, хотя из-за неблагоприятных погодных условий, по оценке экспертов, к концу 2024 г. посевы озимых находились в неопределенном состоянии.

В конечных мировых запасах пшеницы РФ может занять 5-е место, ржи, подсолнечника и подсолнечного масла — 3-е, сахара — 11-е.

³⁸ ФАО. 2024. Food Outlook — Biannual report on global food markets. Food Outlook. 2024. November. Rome. <https://doi.org/10.4060/cd3177en/>.

Таблица 9. Мировые и российские производство и экспорт зерна, подсолнечного масла*, млн т.

	2021/2022	2022/2023	2023/2024	2024/2025
Мир				
Производство зерна,	2812,1	2793,4	2847,4	2848,1
в т. ч. пшеницы	778,3	803,1	787,7	792,2
Экспорт зерна,	481,9	476,9	487,4	485,0
в т. ч. пшеницы	195,9	200,0	200,4	198,3
Производство подсолнечного масла	19,7	21,5	22,0	21,0
Экспорт подсолнечного масла	11,1	13,9	14,8	12,5
Россия				
Производство зерна,	121,4	157,7	147,0	130,0
в т. ч. пшеницы	76,1	104,2	92,8	83,0
Экспорт зерна,	38,1	60,0	65,0	56,0
в т. ч. пшеницы	33,0	44,0	49,0	45,0
Производство подсолнечного масла	5,3	5,9	7,0	6,8
Экспорт подсолнечного масла	3,2	3,9	5,2	4,8
Доля России (%) в мировом				
Производстве зерна,	4,3	5,6	5,2	4,6
в т. ч. пшеницы	9,8	13,0	12,0	10,5
Экспорте зерна,	7,9	12,6	13,8	11,6
в т. ч. пшеницы	16,8	22,0	25,2	22,7
Производстве подсолнечного масла	26,9	27,5	31,8	32,0
Экспорте подсолнечного масла	28,8	28,1	35,0	38,0

* По сельскохозяйственным годам — с 1 июля текущего по 30 июня следующего года.

Источники: рассчитано по данным ФАО ООН, Минсельхоза США, Минсельхоза РФ, отраслевых организаций-производителей РФ.

Определенные возможности открываются и в животноводстве. Несмотря на некоторые проблемы, в 2024 г. ожидается рост производства мяса в РФ, в т. ч. говядины на 5–6 %, свинины — на 4–5 %, мяса птицы — на 2 %. По общему производству мяса Россия может занять 4-е место в мире, в т. ч. мяса индейки — 2-е место. Укрепляется позиция РФ на нишевом, но прибыльном мировом рынке баранины. В мировом производстве сыров и сливочного масла РФ останется в первой пятерке мировых производителей. Такие тренды, вероятно, сохранятся и в 2025 г.

Таблица 10. Мировые и российские производство и экспорт мяса*, млн т.

	2022	2023	2024	2025
Мир				
Производство мяса,	362,1	368,2	373,4	373,9
...в т. ч. мяса птицы	143,1	146,0	149,7	148,5
Экспорт мяса,	41,3	40,5	41,9	42,4
...в т. ч. мяса птицы	16,4	16,2	16,3	16,5
Россия				
Производство мяса,	11,9	12,6	12,8	13,1
...в т. ч. мяса птицы	5,3	5,4	5,5	5,6
Экспорт мяса,	0,68	0,70	0,75	0,80
...в т. ч. мяса птицы	0,36	0,35	0,39	0,43
Доля России (%) в мировом				
Производстве мяса,	3,3	3,4	3,5	3,5
...в т. ч. мяса птицы	3,8	3,8	3,8	3,8
Экспорте мяса,	1,6	1,7	1,8	1,9
...в т. ч. мяса птицы	2,2	2,2	2,4	2,6

* Говядина, свинина и мясо птицы (бройлеров).

Источники: рассчитано по данным ФАО ООН, Минсельхоза США, Минсельхоза РФ, отраслевых организаций производителей РФ.

Реализация экспортного потенциала АПК РФ во многом будет зависеть от общемировых тенденций в функционировании и ценообразовании на мировом агропродовольственном рынке, обеспечения его открытости, недискриминации и предсказуемости, в т. ч. снятия нарушающих правила ВТО ограничений и запретов, особенно антироссийских санкций Запада. По оценке ФАО, в 2024 г. общемировые расходы на импорт агропродовольственных

товаров возрастут на 2,5 %, превысив 2 трлн долл. При сохранении нынешних трендов этот рост, вероятно, продолжится и в 2025 г. Частично это обусловлено повышательной динамикой большинства мировых агропродовольственных цен. В ноябре 2024 г. общий индекс продовольственных цен ФАО был на 5,7 % выше, а индексы цен мяса, молокопродуктов, растительных масел — на 5,8–32,2 % выше, чем в ноябре 2023 г. Снизилась лишь индексы цен зерна и сахара. Причем все индексы (кроме цен сахара) были самыми высокими в текущем десятилетии (за исключением пиковых «ковидных» цен 2022 г.)³⁹.

Ситуацию усугубляли высокие транспортно-логистические издержки и деформирующие мировую торговлю барьеры. Глобальные ставки фрахта аграрных грузов за 2024 г. выросли на 10–30 % и достигали 20–30 % расходов на импорт продовольствия наименее развитыми странами. По состоянию на октябрь 2024 г. 16 стран осуществляли 21 запрет на экспорт продовольствия, а 8 стран — 15 мер по его ограничению. Снятие таких лимитов может заметно повлиять на конкретные товарные и региональные рынки. Так, в октябре 2024 г. отмена Индией (обеспечивающей 40 % мирового экспорта риса) запрета на вывоз белого риса (не басмати) снизила индекс мировых цен риса ФАО на 5,6 %, повышая его доступность и позволяя странам Азии и Африки нарастить импорт.

Негативным для мирового продовольственного хозяйства (особенно импортозависимых развивающихся стран) оставался эффект политически мотивированных, нарушающих правила ВТО санкций, применяемых с 2022 г. коллективным Западом против России. В 2024 г. российским компаниям, традиционно обеспечивавшим около 20 % поставок продовольствия для гуманитарной помощи по линии Всемирной продовольственной программы ООН, ограничили допуск к тендерам на эти поставки. В целом, благодаря активной адаптации к новым условиям, Россия даже в неблагоприятном по природным условиям 2024 г. по стоимости агропродовольственного экспорта приблизится к 44 млрд долл., а по физическому объему — к 110 млн т, войдя в первую тройку стран-экспортеров по этому показателю. В 2025 г. данные тренды, вероятно, сохранятся, учитывая меры господдержки, ориентированные на рост стоимости экспорта Россией продукции АПК к 2030 г. до 55 млрд долл.

При устойчивой и достаточной продовольственной самообеспеченности (по стоимости агропродовольственный экспорт в 2024 г. примерно на 115 % покрывает импорт) Россия в 2025 г. по физическому объему сохранит или укрепит лидирующие позиции на мировых рынках ряда базовых продуктов. В мировом экспорте она может занять по пшенице — 1-е место, по ржи — 3-е, по ячменю — 4-е, по кукурузе — 6-е, по подсолнечнику и подсолнечному маслу — 2-е, по свинине — 7-е⁴⁰, по мясу птицы — 9-е места. По сыру и сливочному маслу она может войти в первую десятку экспортеров. Преимущественным направлением российской экспортной экспансии стали дружественные страны, в т. ч. особенно нуждающиеся в продовольствии страны Африки. Россия уже обеспечивает около 20 % африканского импорта пшеницы и ячменя, около 15 % — соевого и подсолнечного

³⁹ FAO Food Price Index. Higher vegetable oil quotations drive up FAO Food Price Index, but lower cereal and sugar prices temper the rise. 2024. 06.12. <https://www.fao.org/worldfoodsituation/foodpricesindex/en/>.

⁴⁰ По оценкам экспертов, в 2024 г. экспорт продукции свиноводства составит 5 % от объема производства, а в следующие 6 лет может достичь 10 %.

масла, наращивает поставки мяса птицы. Большое значение для продовольственной самообеспеченности Африки имеют уже занимающие более 10 % ее рынка российские поставки минеральных удобрений, с перспективой их удвоения в ближайшие 5 лет⁴¹.

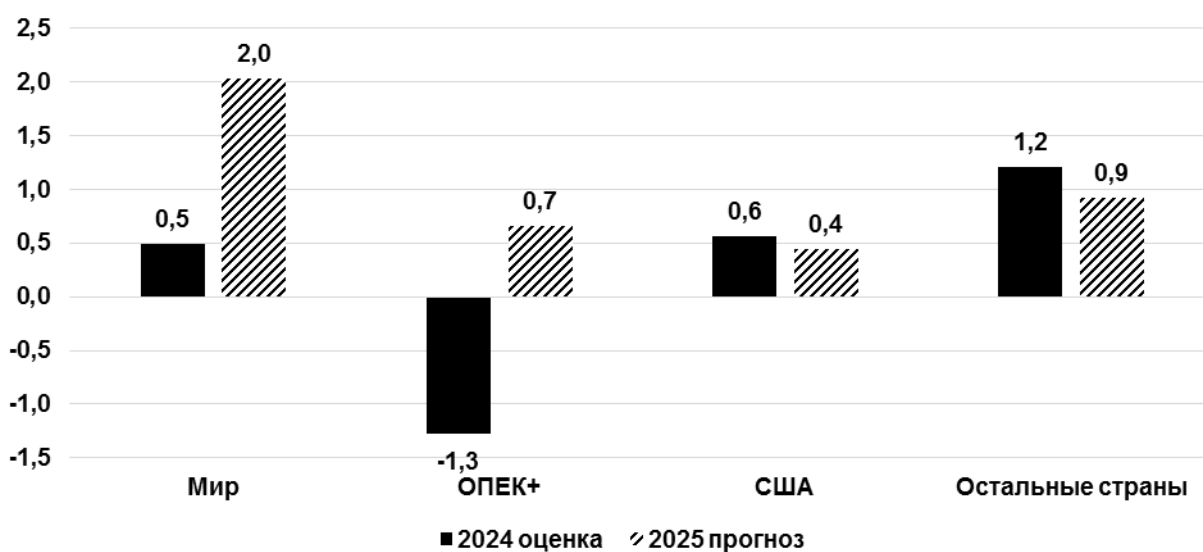
Реализация этого потенциала будет во многом зависеть от решения проблем с транспортом и логистикой, валютными курсами и взаиморасчетами с зарубежными партнерами (прежде всего в рамках ЕАЭС и БРИКС), а также повышения предсказуемости и стабильности национального таможенного и иного регулирования внешнеэкономических связей.

⁴¹ Богданов К.В., Кобринская И.Я., Фрумкин Б.Е. Гонка на Глобальном Юге, или Битва за мировое большинство // Россия в глобальной политике. 2024. Т. 22. № 5. С. 95. DOI: 10.31278/1810-6439-2024-22-5-80-97. <https://globalaffairs.ru/articles/bolshinstvo-bogdanov-kobrinskaya-frumkin/>.

Нефть и газ

Нефть. На мировом рынке нефти продолжается доминирование США и глобальных американских и европейских нефтегазовых компаний. В 2024 г. участники соглашения ОПЕК+ были вынуждены придерживать нефтедобычу на фоне ее увеличения в США и других странах мира (рисунок 15). Государственные бюджеты ключевых стран ОПЕК и их партнеров по ОПЕК+ критически зависят от доходов от экспорта нефти, поэтому в условиях вялого роста спроса на нефть (рисунок 16), главным образом из-за структурного замедления китайской экономики, они вынуждены сдерживать добычу, с тем чтобы не допустить обвала нефтяных котировок.

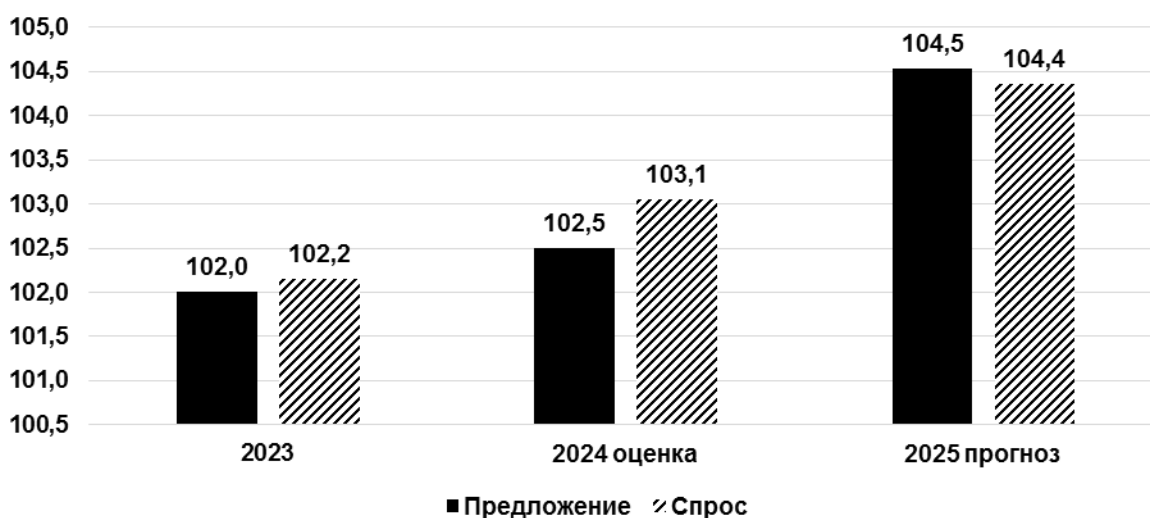
Рисунок 15. Прирост предложения на мировом рынке нефти в 2024 и 2025 гг., млн баррелей в день.

Источник: ЦЭИ ИМЭМО РАН по данным Министерства энергетики США.

В 2025 г. более активный рост глобального спроса на нефть, в принципе, открывает странам ОПЕК+ возможности для наращивания нефтедобычи, тем более что прирост добычи нефти в США и других странах мира может оказаться меньше, чем в 2024 г. Однако такой сценарий не гарантирован, в том числе потому, что новая американская администрация планирует поддержать существенное увеличение добычи нефти в США. В целом перспективы динамики спроса на нефть в ближайшие годы остаются высоконеопределенными. Ни одна развивающаяся страна не способна заменить Китай в качестве драйвера глобального спроса на нефть.

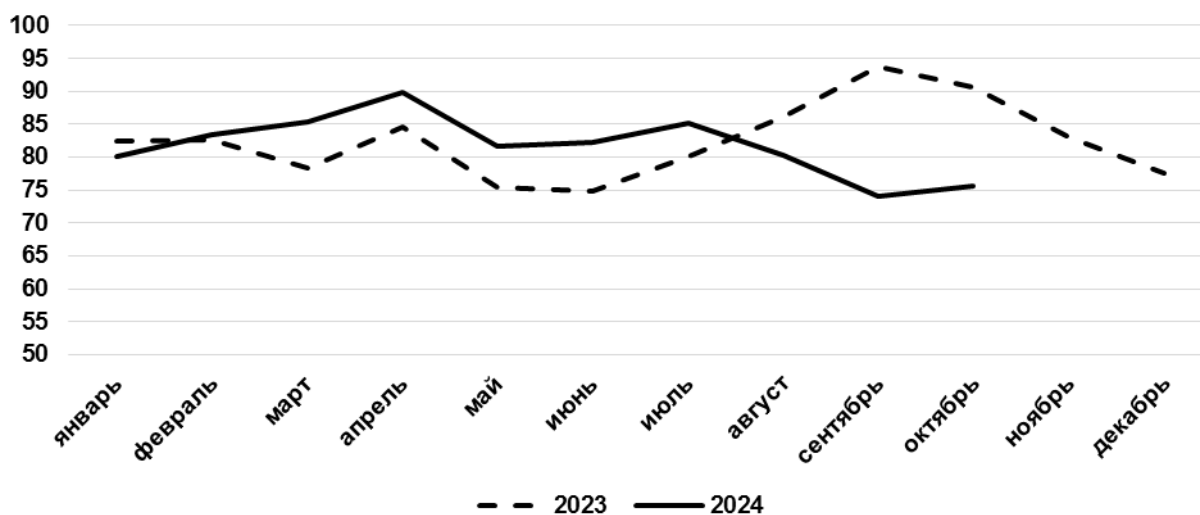
Рисунок 16. Баланс спроса и предложения на мировом рынке нефти в 2024 и 2025 гг., млн баррелей в день.

Источник: ЦЭИ ИМЭМО РАН по данным по данным Министерства энергетики США.

В случае отсутствия экзогенных геополитических шоков мировая цена нефти в 2025 г. останется в коридоре 70–90 долл. за баррель, что подтверждается спокойной динамикой месячных нефтяных котировок в январе–октябре 2024 г (рисунок 17).

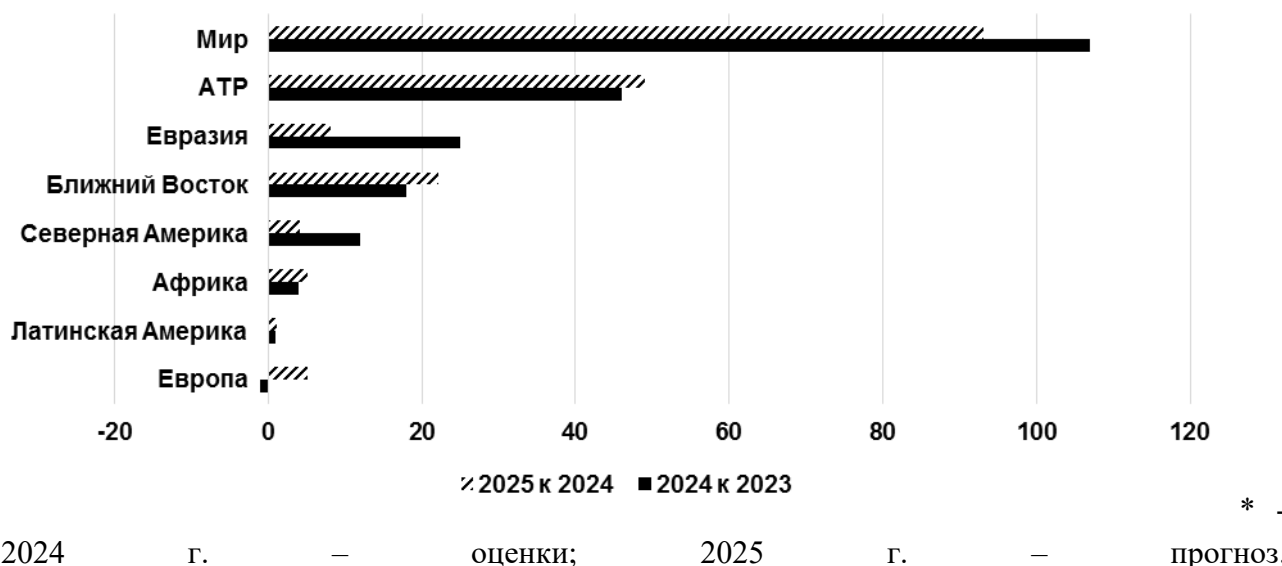
Рисунок 17. Помесячная динамика цены барреля нефти Brent в 2023 и 2024 годах, долл.

Источник: ЦЭИ ИМЭМО по данным Energy Information Administration.

Региональные рынки природного газа — на разных ценовых уровнях. В мире в целом прирост спроса на газ в 2025 г. ожидается, по прогнозам Международного энергетического агентства (МЭА), ниже, чем в 2024 г., главным образом за счет Северной Америки и Евразии (рисунок 18). В АТР увеличение спроса на газ окажется примерно на уровне 2024 г. В Европе спрос вырастет на 5 млрд куб. м.

Рисунок 18. Прирост/снижение спроса на природный газ в разрезе регионов мира, млрд куб. м.

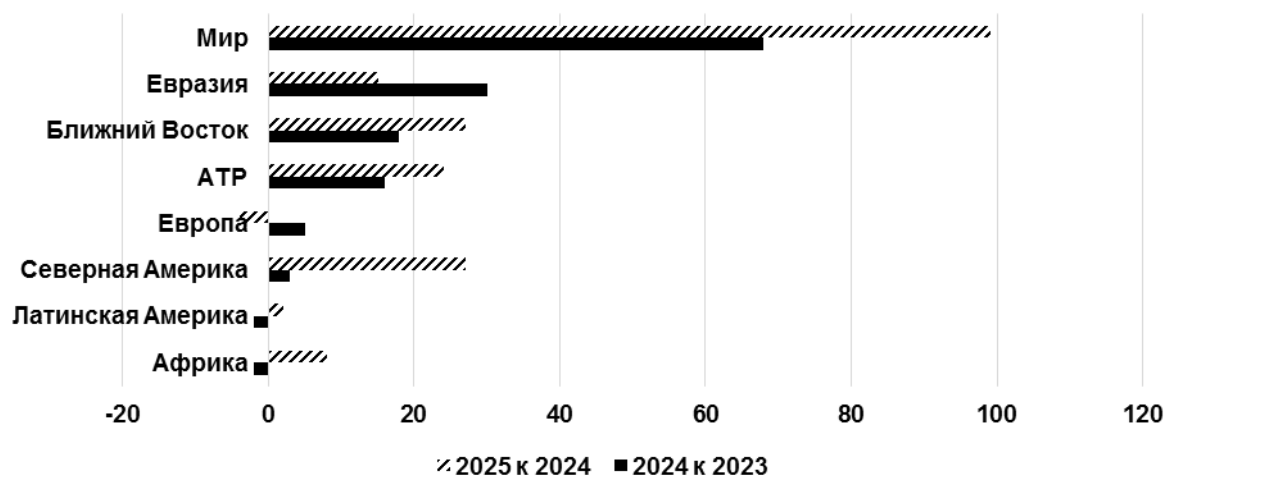

2024 г. — оценки; 2025 г. — прогноз.

Источник: Международное энергетическое агентство.

Основной вклад в прирост производства природного газа МЭА ожидает в Северной Америке и на Ближнем Востоке (рисунок 19).

Рисунок 19. Прирост/снижение производства природного газа в разрезе регионов мира, млрд куб. м.

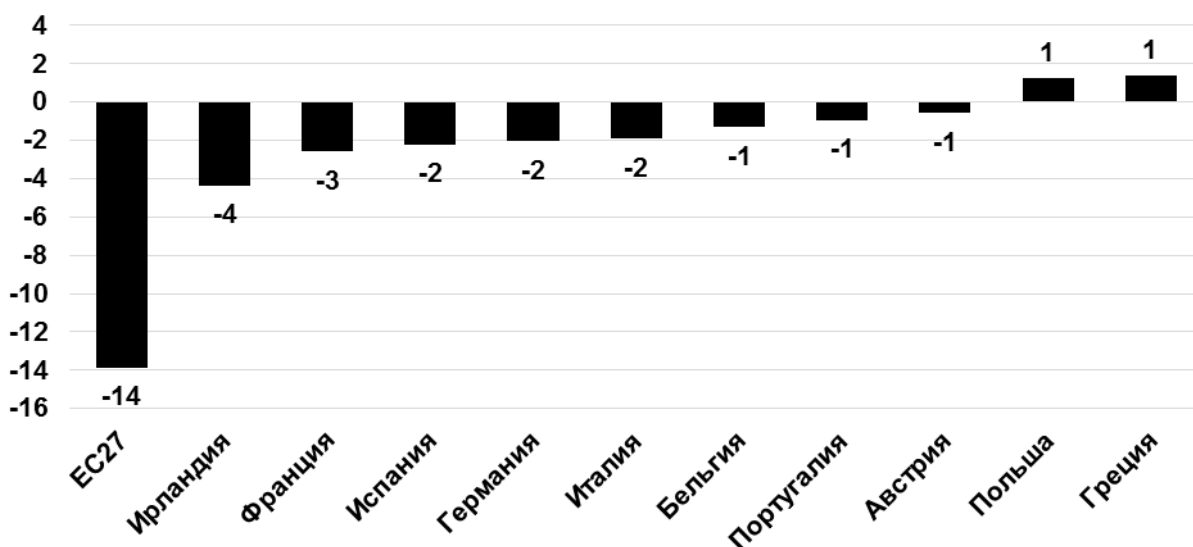

* 2024 г. — оценки; 2025 г. — прогноз.

Источник: Международное энергетическое агентство.

Из-за санкций запланированный рост производства СПГ в России сдвигается по временной шкале вправо. Главными бенефициарами увеличения спроса на СПГ будут американские компании и Катар. В странах Евросоюза спрос на газ в 2024 г. снизится, по нашим оценкам, на 14 млрд куб. м, в основном за счет сокращения потребления в Ирландии, Франции, Испании, Германии и Италии (рисунок 20). Спрос на газ незначительно вырастет лишь в Польше и Греции.

Рисунок 20. Динамика потребления природного газа в ЕС в 2024 г. к уровню 2023 г., млрд куб. м.

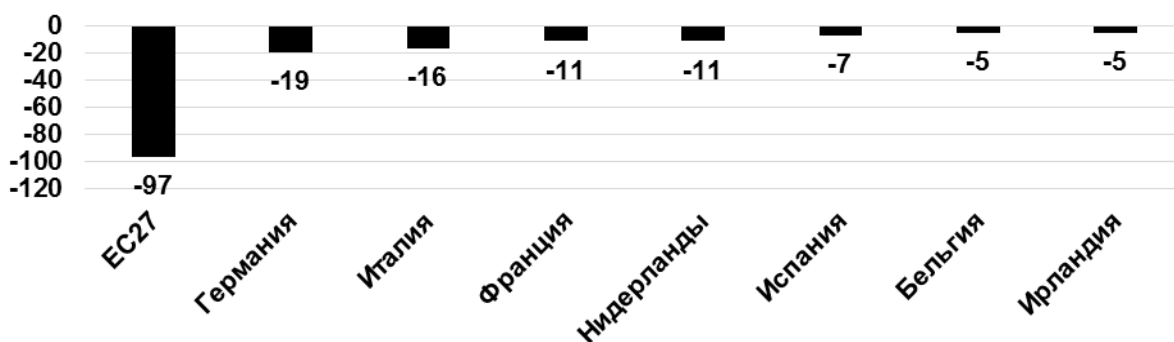

Источник: оценки ЦЭИ ИМЭМО РАН на основе данных Евростата.

За период 2021–2024 гг. потребление газа в Евросоюзе сократилось почти на 100 млрд куб. м, в том числе в Германии на 19 млрд куб. м, в Италии — на 16 млрд, во Франции и Нидерландах — по 11 млрд и в Испании — на 7 млрд куб. м (рисунок 21). Значимое восстановление спроса на газ в Европе невозможно без прекращения процесса деиндустриализации, что в сложившейся политической и экономической конфигурации является трудностижимым.

Цены на природный газ в Европе останутся на высоком уровне и будут повышено волатильными вплоть до весны 2025 г. Низкие зимние температуры, неопределенность относительно солнечной и ветровой генерации и политическая неопределенность относительно транзита российского газа через территорию Украины в Европу, контракт на который истекает 31 декабря 2024 г., а также введение США санкций в отношении Газпромбанка, через который проходят контракты, обеспечивающие экспорт российского газа в Турцию, создают идеальную среду для того, чтобы игроки европейского спотового рынка разгоняли цены на газ.

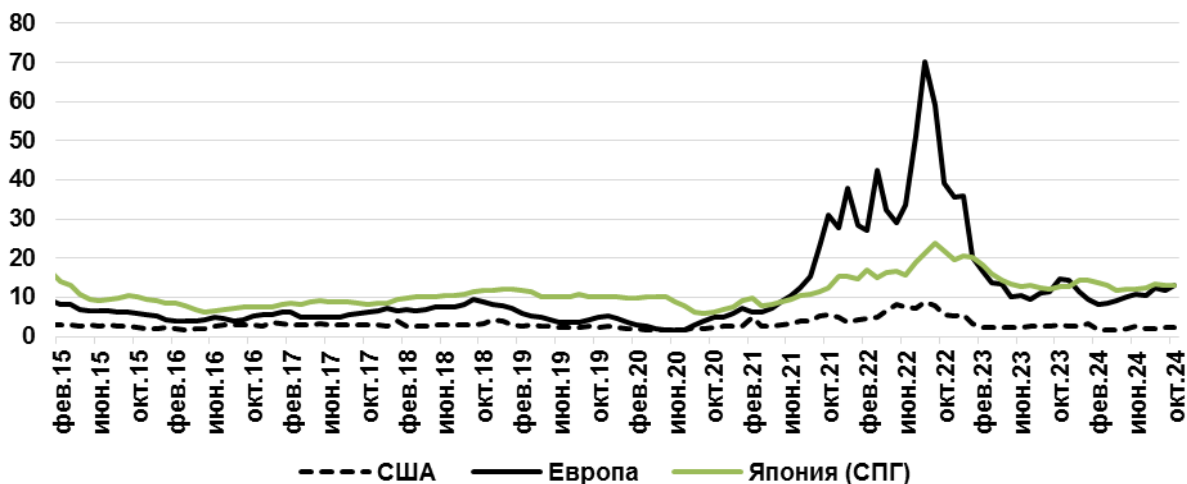
Рисунок 21. Сокращение потребления природного газа в ЕС, 2024 г. к 2021 г., млрд куб. м.

Источник: оценки ЦЭИ ИМЭМО РАН на основе данных Евростата.

Европейские цены на газ будут неизбежно толкать вверх и цены спотового СПГ в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Сравнительно низкие цены на газ в США (рисунок 22) останутся важнейшим фактором обеспечения глобальной конкурентоспособности американских производителей.

Рисунок 22. Помесячная динамика цен на природный газ в США, Европе и Японии в январе 2014 г. — октябре 2024 г., долл. за 1 млн БТЕ.

Источник: Мировой банк.

Металлы

Сталь

По данным Всемирной ассоциации стали (WSA), в прошедшем году главным фактором развития мировой металлургии оставалось преодоление последствий пандемического шока предыдущих лет и попытки постепенного выхода на относительный баланс спроса и предложения на мировом рынке металлопродукции. Развитию этих процессов препятствовали высокая инфляция и рост процентных ставок в банковской сфере США, украинский конфликт, а также относительное замедление металлургического производства в Китае. Эти моменты определили достаточно умеренные темпы прироста и потребления стали в 2024 г (таблица 11).

Таблица 11. Динамика мирового производства и потребления стали, млн т.

	Производство			Потребление		
	2023	2024	2025	2023	2024	2025
Мир	1890	1900	1950–1990	1850	1890	1890–2000
Азия*	1355	1390	1410–1440	1320	1430	1430–1460
Китай	1080	1110	1120–1170	960	1100	980–1160
Индия	140	148	150–155	123	128	130–135
Япония	87	90	90–92	70	80	85–88
Респ. Корея	60	59	58–63	47	50	48–56
Турция	35	34	36–40	26	26	25–28
Иран	34	35	35–42	28	28	27–30
Америка**	184	188	190–196	185	194	192–196
США	80	83	84–86	85	86	85–93
Европа***	195	192	194–198	195	200	204–208
ЕС****	150	148	148–150	166	175	176–182
СНГ	85	84	84–88	42	42	42–45
Россия	75,8	76	75–77	46	48	46–48

* Япония, Китай, Индия, Республика Корея, Турция, Иран.

** Северная и Латинская Америка.

*** Без стран СНГ.

**** ЕС и Великобритания.

Источник: Всемирная ассоциация стали (WSA).

В последние два десятилетия нарастание темпов индустриализации и урбанизации, а также эффективное использование ценовой конкуренции способствовали смещению максимума производства стали в страны Азии. Безусловным лидером в производстве и экспорте металла является Китай, который, очевидно, сохранит свои позиции и в отдаленной перспективе. Уже в начале 2000-х металлургия Китая достигла производства 1 млрд т стали и превзошла половину мирового ежегодного производства. В настоящее время в десятке ведущих мировых металлургических компаний Китаю принадлежит большинство. Основой роста явилась активная инвестиционная политика правительства: в 2001–2005 гг. в черную

металлургию было направлено более 17 млрд долл. В отдельные годы ежегодный прирост производства стали приближался к 20 %.

Однако столь бурный рост одной из базовых отраслей привел к серьезному дисбалансу в структуре китайского хозяйства, поэтому в последние годы темпы роста металлургического производства Китая заметно упали. По мнению руководства страны, относительное торможение одного из наиболее динамичных секторов промышленности можно рассматривать как подтверждение курса на более сбалансированный рост и обеспечение будущего развития в соответствии с заявленной еще в 2014 г. эрой «новой нормальности», в рамках которой планируется формирование новой модели развития, основанной на приоритете внутреннего потребительского спроса и инноваций.

Среди сегодняшних важнейших проблем китайской металлургии можно выделить следующие:

- риск перепроизводства стали и роста ее экспорта;
- сравнительная технологическая отсталость и высокая энергоемкость многих предприятий;
- технологическая раздробленность мощностей сталелитейных предприятий и компаний;
- неоптимальная география размещения мощностей;
- обострение международных торговых споров по причине роста экспорта китайской металлопродукции.

Главными целями руководства страны в области металлургии остаются удовлетворение потребностей экономики в развитии основных отраслей, включая машиностроение, автомобилестроение, судостроение и производство бытовой техники. При этом упор делается, во-первых, на консолидацию отрасли путем объединения предприятий в крупнейшие корпорации (без покупки иностранными акционерами контрольных пакетов китайских предприятий) и, во-вторых, на улучшение качественных характеристик металлопродукции и ее производства, а также повышение доли высоких переделов.

При этом удалось избежать проявления кризисных явлений, не утратив при этом сложившихся тенденций динамичного роста металлургического производства, хотя и ценою некоторого сдерживания темпов роста ВВП. В настоящее время правительство КНР намерено поддерживать «средневысокие» темпы на уровне 5–6 % в год, опираясь на оправдавшие себя методы. В числе этих методов — либерализация экономики, прежде всего финансового сектора, стимулирование экономического роста инвестициями, реализация крупных инвестиционных проектов (включая инициативу «Один пояс — один путь»), предусматривающих привлечение иностранного финансирования и закупку оборудования китайского производства. Решать эти проблемы приходится с учетом непростой социально-экономической ситуации в стране, противоречивых тенденций и несовпадающих интересов. Так, из-за спада в западных странах сократился экспорт китайских товаров по сравнению с предыдущим годом. При этом (и это, пожалуй, самое главное) не удалось преодолеть кризис

в строительной отрасли. За I полугодие 2024 г. объемы продаж жилья сократились более чем на 1/3, а новые стройки — в 2 раза по сравнению с предыдущим годом.

В ближайшие месяцы важным фактором для мирового рынка останутся объемы производства стали в Китае. Руководство неоднократно заявляло, что оно стремится ограничить выпуск металла, чтобы не превысить прошлогодний уровень. Однако, как показывает практика, пока этого сделать не удастся: в стране наблюдается небольшой, но прирост производства каждый месяц. Здесь важную роль играют компании провинций, не желающие сокращать выгодное металлургическое производство, что отрицательно сказывается на социальной обстановке в регионах.

В середине прошлого десятилетия в китайской металлургии стартовала масштабная программа модернизации. По данным Национальной металлургической ассоциации (CISA), в 2016–2020 гг. в стране ежегодно вводились в среднем около 80 млн т новых металлургических мощностей и закрывались производственные линии примерно на 86–90 млн т. Десятки комбинатов были перенесены из старых промышленных районов в новые индустриальные парки, расположенные на побережье или в отдалении от крупных городов. К 2025 г. подобную трансформацию должны пройти предприятия совокупной мощностью более 220 млн т.

В последние годы в Китае заметно усилилась борьба с высокими энергозатратами и загрязнением окружающей среды. Основная производственная база отрасли создана в нулевые годы с использованием зачастую морально и физически устаревшего оборудования и с некоторым пренебрежением к проблемам экологии. В последние 5 лет модернизацию, направленную на сокращение выбросов, прошли 229 металлургических предприятий, ежегодно выплавляющих 620 млн т стали.

В конце 2020 — начале 2021 г. у китайских металлургов поменялись приоритеты. На первое место вышла борьба с глобальным потеплением. Перед отраслью была поставлена задача в 2025 г., то есть на 5 лет раньше остальной экономики, выйти на пик выбросов углекислого газа.

С середины 2021 г. в отрасли введена широкомасштабная комплексная инспекция всех действующих металлургических предприятий для оценки их технического состояния, возможной модернизации и ликвидации. При этом помимо простого сокращения выплавки и стимулирования импорта полуфабрикатов, чугуна и других видов качественного сырья металлургам было предложено перейти с железной руды и кокса на металлолом, а с доменных печей на электродуговые. За счет этого снижались выбросы углекислого газа, а заодно решалась еще одна стратегическая задача — уменьшение зависимости от импорта железной руды из Австралии, с которой у правительства КНР периодически возникают серьезные политические противоречия.

Наконец, китайские металлурги собираются шире использовать возобновляемые источники энергии, особенно солнечную и ветровую энергетику, по объему установленных мощностей которой Китай занимает одно из первых мест в мире. В 2022 г. в стране вступило в строй первое предприятие по выпуску восстановленного железа с использованием водорода вместо природного газа.

Но Азия — это не только Китай и Япония, признанные металлургические лидеры последних десятилетий. Например, **Турция** хотя и несколько сократила производство, зато создала один из крупнейших в Европе металлургических хабов, которым пользуются и российские компании.

Индия пытается преуспеть как производитель, как потребитель и как трейдер металлопродукции. Справившись в целом с инфляцией, экономика страны в настоящее время находится на пути здорового роста, благодаря в основном государственным расходам на инфраструктуру и на производство возобновляемых источников энергии. Устойчивый рост частного потребления будет поддерживать спрос на рынке потребительских товаров и автопрома.

В экономике **США** сильный постпандемический подъем исчерпал себя резким повышением процентных ставок ФРС для борьбы с инфляцией. Рост ставок, а также стоимости земли и материалов оказывает негативное воздействие на строительство, особенно в жилом секторе. В то же время ожидается некоторый рост спроса на сталь со стороны энергетических отраслей. Активность в производственном секторе понизилась после локдауна, чему способствовали рост процентных ставок, цен на автомобили, высокие цены на автомобильное топливо.

Эксперты WSA ожидают, что в 2025 г. мировой спрос на сталь может вступить в фазу умеренного роста, несмотря на проблемы, связанные с такими факторами, как высокие производственные затраты, ограниченные возможности поставок и геополитическая неопределенность. Основными факторами, определяющими рост мирового спроса в 2025–2026 гг., по-видимому, явятся стабилизация сектора недвижимости КНР, влияние снижения процентных ставок на частное потребление и инвестиции, а также инфраструктурные расходы на декарбонизацию и цифровую трансформацию в крупнейших экономиках мира. В целом можно ожидать роста спроса на сталь на уровне 1,5–2 % в 2025 г.

Основным мотивом «зеленой» революции в металлургии является климатическая идеология, которая во многих странах превратилась в своеобразную религию. Особую роль играет финансовый фактор, особенно в Европе.

В настоящее время европейские компании бесплатно получают разрешение на 94 % выбросов углекислого газа, но с 2026 г., когда в Евросоюзе вступят в действие «углеродные тарифы» (система CBAM), ситуация коренным образом изменится.

Ранее можно было предполагать, что это очередная протекционистская мера по защите европейского рынка стали от внешней конкуренции, но на самом деле главная идея «углеродных тарифов» — реальное сокращение выбросов углекислого газа.

С 2026 по 2033 г. у европейских металлургов будут постепенно отбираться бесплатные разрешения на выбросы, а с 2034 г. их совсем отменят. По оценкам Fastmarkets, дополнительные затраты европейских металлургических компаний достигнут 200–250 евро на тонну стали. Поэтому неудивительно, что ведущие компании стремятся минимизировать эти расходы.

Основными способами являются массовая замена доменных печей и кислородных конверторов на электродуговые печи (ЭДП), что позволит снизить выбросы углекислого газа как минимум вдвое, использование в качестве сырья железа, восстановленного водородом, а также заключение соглашений о приобретении возобновляемой энергии.

В 2023 г. около 57 % выплавки стали в Евросоюзе пришлось на металлургические комбинаты. При этом, по данным региональной ассоциации Eurofer, в отрасли анонсировано около 60 объектов «зеленой» металлургии, реализация которых позволит сократить выбросы углекислого газа на 81,5 млн т в год к 2030 г.

На данный момент к практической реализации данных проектов перешли 2 крупные компании — австрийская Voestalpine и шведская SSAB. Основной упор делается на ввод в строй электродуговых печей различной мощности в сочетании с машинами непрерывного литья. Реализация проектов намечена на 2027–2028 гг.

Самая обширная программа декарбонизации заявлена транснациональной компанией ArcelorMittal. Она включает 7 предприятий в 4 странах — Германии, Франции, Испании и Бельгии. Согласно программе, планируется построить 9 электродуговых печей (ЭДП) и 5 модулей прямого восстановления железа. Большинство проектов должны быть завершены не позже 2030 г.

Кроме модернизации действующих предприятий в Европе намечено также строительство новых заводов «зеленой» металлургии с нуля. До этого новые заводы в регионе не возводились на протяжении 40 лет. При этом многие компании предполагают использовать водород в качестве энергоносителя, а продукты прямого восстановления DRI/HBI в качестве основного сырья.

В целом, по данным Eurofer, общая мощность предприятий «зеленой» металлургии, запланированных к вводу до 2030 г., может достигнуть около 58 млн т стали и 26 млн т продуктов DRI. Объем инвестиций в эти проекты составляет около 40 млрд евро.

Многие эксперты указывают на серьезные проблемы, с которыми столкнутся металлургические компании в процессе декарбонизации. Например, не секрет, что вдувание водорода в доменные печи существенно повышает энергоемкость процесса, а кроме того, оказалось, что водород не может полностью заменить доменный кокс. Предлагаемый в качестве альтернативы способ улавливания и захоронения водорода также не решает проблемы, ибо в Европе просто нет соответствующих подземных отработанных пластов, где можно хранить водород.

Кроме того, по существу не решен вопрос с получением водорода, так как использование электролизеров — процесс весьма затратный и энергоемкий, для него требуется создание сети возобновляемых источников энергии. По экспертным оценкам, реализация заявленных «зеленых» проектов требует около 11,5 млн т восстановленного железа, для чего необходимо 900 тыс. т водорода. А для декарбонизации всей европейской металлургии понадобится не менее 5 млн т «зеленого» водорода в год, или 250 ТВт·ч, а это почти 10 % всей потребляемой энергии в ЕС. Наконец, себестоимость водорода оценивается на уровне не менее 6 евро за 1 кг. Таким образом, в результате использования водорода цена тонны восстановленного

железа, полученного в процессе DRI, вырастет не менее чем на 500 евро, что приведет к весьма существенному удорожанию стали и всей металлопродукции.

Таким образом, на пути полного перехода к безуглеродному производству стали имеется ряд серьезных препятствий. Прежде всего массовый переход на использование электродуговых печей потребует большого количества лома, ресурсы которого ограничены. Такие же ресурсные ограничения имеют место в производстве губчатого железа и высококачественных брикетов.

Согласно экспертным оценкам, для снабжения новых металлургических предприятий к 2033 г. потребуется около 75 млн т альтернативного сырья (окатышей и брикетов), в то время как объем их предложения, согласно анонсированным планам, может возрасти только на 56 млн т в год.

Иными словами, большинство «зеленых» проектов пока не могут рассчитывать на надежное сырьевое обеспечение, поэтому в перспективе могут возникнуть серьезные препятствия при их практической реализации.

Российский рынок металлопродукции завершил первую половину года в сложном положении. В целом нынешняя ситуация в российской экономике уникальна. С одной стороны, есть достаточно крупный сектор, который продолжает расти на бюджетные деньги. Это оборонная промышленность, критическая инфраструктура и приоритетные импортозамещающие отрасли. Основными исполнителями этой стратегии являются крупные компании, государственные и частные.

С другой стороны, на остальную часть российского хозяйства ложатся повышающиеся налоги и прочие платежи. Она сталкивается с постоянным увеличением расходов на импортные материалы и оборудование, кредитные ресурсы, логистику и рабочую силу. Это толкает вверх цены для покрытия издержек и тем самым раскручивает инфляционные процессы.

По расчету ЦБ РФ определены оптимальные темпы прироста ВВП в 1,5–2,5 % в год. При нынешних производственных мощностях, кадровых ресурсах и производительности труда большего вряд ли можно добиться. Все, что выше, — перегрев, который ведет к росту инфляции.

Необходимо напомнить, что в качестве главного и практически единственного механизма финансового регулирования в России используется изменение (на практике — увеличение) ключевой ставки ЦБ, что, очевидно, ведет к дальнейшему снижению инвестиционной и хозяйственной активности и, соответственно, к снижению объемов потребления металлопродукции. А альтернативный вариант с заливанием экономики дешевыми деньгами чреват резким взлетом инфляции.

По опубликованным данным World Steel Association (WSA), в 2025 г. ожидается умеренный оптимизм в отношении мирового спроса на сталь. Главными факторами, определяющими мировой спрос на сталь в 2025 г., являются стабилизация сектора недвижимости КНР, влияние корректировки процентных ставок на стимулирование частного потребления и

инвестиций, а также инфраструктурные расходы на декарбонизацию и цифровую трансформацию в крупнейших экономиках мира.

«Зеленая» трансформация мировой экономики, требующая экономических преобразований огромного масштаба и сложности, является ключевым фактором инвестиций в государственную инфраструктуру. Ожидается, что к концу десятилетия спрос на сталь для расширения глобальных сетей удвоится и составит около 20 млн т, что вдвое больше нынешнего показателя. Расширение глобальных мощностей возобновляемых источников энергии и их подключение к центрам спроса, по оценкам, потребует роста спроса на сталь примерно на 40 млн т к концу 2020-х гг. Это может дать ощутимый толчок росту общего спроса на сталь, как в крупных развивающихся странах (Китай, Индия), так и в развитых странах Европы и Северной Америки.

Для российской металлургии главным фактором выживания является государственная политика, направленная на снижение избыточной фискальной нагрузки и стимулирование внутреннего спроса. Важнейшей задачей является сохранение рабочих мест. Утвержденная в 2022 г. стратегия развития металлургии на период до 2030 г., к сожалению, пока не проясняет ближайшие перспективы. Основные надежды российский бизнес связывает со снижением ключевой ставки, что должно вызвать подъем крупномасштабного строительства на новых территориях, а также оживление спроса со стороны автопрома, нежилого и инфраструктурного строительства, вагоностроения и производства бытовой техники.

Алюминий

По данным Международного института алюминия (IAI), годовой прирост мирового производства первичного алюминия в 2024 г. составил около 3,5 %, что является рекордом в истории отрасли (таблица 12).

В августе 2024 г. мировая алюминиевая промышленность испытала заметные колебания цен, отражающие сложное взаимодействие динамики рынка и макроэкономических факторов, что нашло свое отражение в виде умеренного роста цен на Лондонской бирже металлов (LBM). Это можно объяснить продолжающимися ограничениями в цепочке поставок, а также ростом спроса в нескольких секторах, например в производстве электромобилей в Китае.

В целом сохранили свои позиции Индия, страны Ближнего Востока, Центральной и Южной Америки.

Таблица 12. Мировое производство и потребление первичного алюминия, млн т.

	Производство			Потребление		
	2023	2024	2025	2023	2024	2025
Мир	74,3	75,5	76–77,5	77,5	75,5	77–78
Китай	38,5	46	46–48	25,7	34,5	35–36,5
Япония	–	–	–	2,7	2,76	2,7–2,8
США	2,85	3,0	3,1–3,2	6,6	6,7	6,7–6,8
Россия	2,7	2,76	2,5–2,8	0,8	0,8	0,76–0,86
Норвегия	1,64	1,65	1,6–1,65	0,78	0,8	0,8–0,83
Канада	1,0	1,05	1–1,05	0,86	0,86	0,87–0,88
Центральная и Южная Америка	1,45	1,47	1,45–1,48	1,53	1,54	1,53–1,6
Европа	4,57	5,0	5–5,2	9,55	9,6	9,6–9,65
Индия	3,45	3,48	3,45–3,55	2,12	2,14	2,12–2,15
Ближний Восток*	4,7	4,65	4,7–4,75	1,65	1,7	1,75–1,8
Австралия	2,14	2,18	2,18–2,2	0,32	0,35	0,36–0,4

* Саудовская Аравия, Бахрейн, ОАЭ.

Источники: International Aluminium Institute (IAI), Алюминиевая Ассоциация — объединение производителей, поставщиков и потребителей алюминия.

Алюминиевый комплекс Китая по-прежнему испытывает острый дефицит электроэнергии и ужесточение требований декарбонизации. Несмотря на это, доля Китая в производстве алюминия в мире выросла за год с 51,8 до 60,9 %. Нестабильность и дефицит мощностей в энергетическом секторе также заметно тормозили наращивание производства в Европе, вплоть до закрытия некоторых заводов.

По результатам 2024 г. ожидается профицит на мировом рынке алюминия в размере около 500 тыс. т, что будет определять уровень цен на Лондонской бирже металлов (ЛБМ).

Российский монополист «Русал» (около 5,5 % мирового производства) по совокупности характеристик (объем производства, экологичность, положение на рынках сбыта) занимает одну из ведущих позиций в мире. Энергетическую основу компании составляют крупнейшие сибирские гидроэлектростанции, что обеспечивает алюминиевому производству низкий

углеродный след. Поэтому российский алюминий является самым низкоуглеродным: выбросы парниковых газов при производстве составляют менее 4 т на 1 т металла в CO₂-эквиваленте.

Для сравнения: в среднем в мире при производстве 1 т алюминия в атмосферу выбрасывается 11,4 т углекислого газа. В Китае из-за использования угольной генерации выбросы достигают 20 т CO₂ на 1 т металла.

Западные санкции вызвали необходимость пересмотра ценовой политики «Русала» из-за дополнительных рисков и поисков скидок в торговых сделках. В эту компанию включилась ЛБМ, которая запретила поставки российского металла на склады, принадлежащие бирже. Для такой компании, как «Русал», ориентированной на экспорт (около 75–80 %), это связано с существенной потерей прибыли и поиском новых потребителей на мировом рынке. В настоящее время в условиях потери основных импортеров в странах ЕС и США важными потребителями российского металла стали Китай и Республика Корея.

В целом алюминий является одним из наиболее ликвидных товаров мировой торговли. Основной рост глобального спроса на металл Всемирный банк связывает с развитием солнечной энергетики и технологий сохранения энергии.

В России планируется значительный рост использования алюминия в строительстве, упаковке, транспортировке энергии.

Лесобумажные товары

В России по-прежнему главными экспортоориентированными отраслями лесопромышленного комплекса остаются заготовка деловой древесины⁴² хвойных пород, производство хвойных пиломатериалов⁴³, клееной фанеры, древесной целлюлозы, бумаги и картона. На эти рынки в 2023 г. пришлось около 75 % стоимости мирового экспорта всех видов лесобумажной продукции, производимых мировым лесопромышленным комплексом. В России этот показатель в 2023 г. был, как и раньше, существенно выше — более 80 %. Это объясняется особенностью ее лесных ресурсов, не только самых богатых в мире, но и представленных преимущественно хвойными породами, которые необходимы для выработки хвойных пиломатериалов, клееной фанеры, целлюлозы и продуктов ее переработки.

В этом контексте особенно велико значение перехода России на активный экспорт хвойных пиломатериалов: их доля в российском экспорте лесобумажной продукции составила в 2023 г. 46 %, и лишь 6 % приходилось на хвойную деловую древесину. Доля других главных экспортных лесобумажных товаров также превысила долю необработанной древесины: на долю бумаги и картона пришлось 22 %, клееной фанеры — 13,3 %, древесных волокнистых полуфабрикатов — 12,2 %.

Страны Западной Европы и Северной Америки в 2023 и 2024 гг. продолжали показывать малую активность на мировых рынках лесобумажной продукции, а их доля в мировом производстве деревообрабатывающей и целлюлозно-бумажной промышленности продолжала снижаться. Этому способствовало изменение ситуации на рынках энергоносителей вследствие отказа от российских энергоносителей (природного газа и нефти), что резко повысило издержки производств, занятых в изготовлении пиломатериалов, деревянных листовых материалов, целлюлозы, бумаги и картона.

Россия продолжит процесс перехода с внешнего рынка необработанного хвойного круглого леса на мировые рынки продукции его переработки, что найдет свое отражение в 2025 г. Эта тенденция отражает стратегическое движение России к углублению процессов переработки собственного древесного сырья, повышению экономического эффекта от его использования и освоения зарубежных рынков изделий из древесины. Переход под российский контроль целого ряда производственных мощностей западных лесопромышленных фирм, действовавших на территории России до начала СВО в 2022 г., способствовал этому стратегическому движению. Шведские, финские и австрийские деревообрабатывающие фирмы продали 11 предприятий, расположенных на территории Российской Федерации. Эти производственные мощности в основном продолжили работу под российским управлением. Ряд зарубежных компаний продолжил работу в России вопреки санкциям, в т. ч. австрийские компании Egger и Kronospan, швейцарская Swiss Krono Group, турецкая Kastamonu, немецкая PERI, японская Iida Holdings Group.

Проблема российского экспорта пиломатериалов в Китай, связанная с «жилищным пузырем» в КНР, может негативно сказаться на спросе на российскую лесопroduкцию и в 2025 г. В то же самое время китайские власти пытаются решить эту проблему, имея сильные рычаги

⁴² Включает пиловочник, фанерные кряжи, балансы для целлюлозно-бумажной промышленности и прочие виды круглого леса, используемого как сырье для промышленной переработки и в строительстве.

⁴³ Включает доски, брусья, шпалы и другую продукцию лесопиления.

государственного регулирования, путем спасения крупных национальных строительных компаний от банкротства и списания долгов по кредитам на жилищное строительство.

В 2024 г. Китай продолжил играть роль важного двигателя мировой торговли лесобумажной продукцией. Он нашел замену российским поставщикам необработанного древесного сырья хвойных пород благодаря закупкам в Новой Зеландии и странах Западной Европы. В то же время Китай проявляет все больший интерес к наращиванию импорта древесных волокнистых полуфабрикатов вместо необработанного древесного сырья для производства бумаги (балансы, технологическая щепа). Это меняет ориентиры деятельности российских экспортеров на китайский рынок и стимулирует развитие соответствующих производств на Дальнем Востоке нашей страны.

Ситуация в мировой целлюлозно-бумажной промышленности в 2023–2024 гг. отражает глобальную долговременную тенденцию: неуклонное сокращение производства писчей и полиграфической бумаги (газетной, журнальной и т. д.) в условиях нарастания использования электронных средств массовых коммуникаций. Вместе с тем продолжался, хотя и замедленный, рост потребления санитарно-гигиенических и бытовых сортов бумаги, отдельных видов картонов, специальных сортов бумаги, а также целлюлозы, включая распушенную и растворимую.

Оценки экспертов стран, входящих в группу промышленно развитых стран ЕЭК (Европа и Северная Америка), свидетельствуют о возврате к понижительной динамике рынка бумаги и картона в 2024 г. в соответствующих странах. Так, можно ожидать, что производство бумаги и картона в 2024 г. сократится на 1,9 % по сравнению с 2023 г.

В развитых странах мира в 2025 г. следует ожидать продолжения процесса структурной перестройки целлюлозно-бумажной промышленности. Эта перестройка подразумевает переориентацию на жизнеспособные сегменты рынка бумажно-картонной продукции, а также на изделия, получаемые путем так называемого рифайнинга древесной биомассы и нанотехнологической переработки древесного сырья. Возможно продолжение переноса производственных мощностей, в первую очередь из стран Европы, в привлекательные для капитала страны Южной Америки (Бразилию, Чили) для снижения себестоимости бумажно-картонной продукции. Научно-технический прогресс в сфере использования древесного сырья, как показывает опыт Японии, позволяет ожидать освоения производства из древесины нанотехнологическими методами нового класса так называемых нановолокон, которые могут дать толчок новым производствам для получения материалов с новыми свойствами (высокая гибкость, прочность и др.), способных вытеснить пластмассы из ряда сфер использования. Это создает благоприятные перспективы для перестройки мировой целлюлозно-бумажной промышленности и ее роста.

В целлюлозно-бумажной промышленности Китая, вышедшего на первое место в мире по производству бумаги и картона, в последние годы происходили изменения, существенные для ситуации на национальных рынках древесного сырья и древесных волокнистых полуфабрикатов. Во-первых, происходила глубокая структурная перестройка отрасли, направленная на закрытие старых, малых и неэффективных производственных мощностей по производству бумаги и картона из недревесного сырья (бамбука, хлопкового линтера и др.)

при развитии современных крупных целлюлозно-бумажных комбинатов, использующих в качестве сырья древесное сырье. Это объективно поощряет спрос в Китае на древесные виды сырья для целлюлозно-бумажных предприятий, нехватка которых восполняется импортом. Во-вторых, можно отметить появление новой тенденции в импортной политике Китая. Его импорт стал активнее переориентироваться на товарную целлюлозу вместо необработанной древесины в форме балансов или технологической щепы.

В Китае продолжалась перестройка, направленная на приспособление к изменениям в характере спроса на бумагу, главным образом выражающихся в сокращении потребления информационных сортов бумаги. В 2025 г. можно ожидать замедленного роста китайского рынка бумаги и картона на 1,0 % по производству и 1,5 % по потреблению. В Японии в сфере целлюлозно-бумажного производства в 2025 г. можно ожидать снижения выпуска продукции (на 0,9 %).

В 2025 г. следует ожидать роста экспортных цен на древесное сырье и продукцию деревообработки (пиломатериалы, клееную фанеру) в условиях кризиса в отношениях России со странами Запада. Мировые цены на бумагу и картон в 2025 г. могут продолжить расти так же, как в 2023–2024 гг. По нашему прогнозу, среднемировые экспортные цены (в скобках приводятся российские) на рынке деловой древесины хвойных пород в 2025 г. составят 110–120 долл. США за куб. м (110–120) против 100 (110) в 2023 г., на рынке бумаги и картона – 1250–1350 долл. США за т (1100–1200) против 1100 (980) в 2023 г. Экспортные цены российской продукции будут расти параллельно с ростом мировых цен.

Среди факторов, влияющих на динамику мировых рынков лесобумажной продукции, на первый план выдвинулись серьезные проблемы в сфере строительного сектора в Китае. В таких условиях китайский рынок не может компенсировать для российских производителей потери рынков Запада. Необходим маневр в экспортной политике, возможно с переориентацией на страны Ближнего Востока и Северной Африки, т. е. географической диверсификацией торговых связей.

Россия продолжала ограничивать поставки необработанной древесины на внешние рынки и перестала оказывать сдерживающее влияние на динамику цен на хвойную деловую древесину в силу более низких цен на российский круглый лес. Это привело к росту цен на этот вид сырья на мировом рынке и, как следствие, на целлюлозу, бумагу и картон, вырабатываемые из хвойных пород древесного сырья.

Усиление протекционистских тенденций и обострение конкуренции за выгодные рынки сбыта заставляют российских производителей тщательнее продумывать экспортную стратегию. Более чем двукратное сокращение экспорта хвойной древесины сопровождалось активизацией строительства деревообрабатывающих предприятий на территории России. В этом принял активное участие иностранный капитал, заинтересованный в использовании российских лесных ресурсов, в том числе из Финляндии и Китая. Были созданы мощности по производству пиломатериалов, клееной фанеры, древесных плит и др., в том числе у границы России с Китаем. Одновременно российские производители сохраняют серьезные позиции на мировом рынке хвойного древесного сырья (4-е место в мире по экспорту этой продукции в 2024 г. после Новой Зеландии, Чехии и Германии). На рынках пиломатериалов

возможности конкурирования для России существенно осложнены (стандарты, ввозные пошлины, нетарифные ограничения и др.), что требует создания по-настоящему экспортной лесобработывающей промышленности, учитывающей условия внешних рынков.

Таблица 13. Мировая заготовка и потребление деловой древесины хвойных пород, млн куб. м.

	Производство			Потребление		
	2023 г.	2024 г.	2025 г.	2023 г.	2024 г.	2025 г.
Мир в целом	1181,7	1179,8	1185,7	1167,6	1166,7	1176,1
Азия	83,5	83,4	83,0	120,9	129,3	130,5
Китай	28,9	28,8	28,7	62,1	65,3	66,6
Япония	21,2	21,3	20,6	22,5	22,6	21,5
Европа	500,2	498,2	463,4	484,9	493,8	439,5
Великобритания	8,5	8,7	8,3	8,8	8,8	8,7
Германия	49,5	46,5	40,9	48,2	45,9	39,0
Россия	164,2	167,2	177,2	156,8	159,1	169,5
Финляндия	49,5	44,3	44,8	49,5	45,1	45,1
Франция	17,5	17,0	15,4	16,6	16,5	15,3
Швеция	64,8	61,8	58,1	66,8	65,0	61,8
Северная Америка	420,8	421,2	420,1	415,9	415,3	414,7
Канада	115,5	116,5	115,4	115,2	115,1	114,6
США	305,3	304,7	304,7	300,6	300,2	300,2

Среди нововведений в государственной политике России можно отметить введение новых правил по использованию отходов лесозаготовки и механической обработки древесины. Был утвержден список видов продукции деревообработки, производить которую уже с 1 января 2025 г. лесопромышленники будут с обязательным использованием высокой доли (95 %) вторичного сырья — щепы, стружек, опилок и прочих отходов деревообработки. В данный список вошли предприятия по производству древесной муки, топливных пеллет и брикетов, древесно-стружечных плит. Отмечается, что данные изменения должны будут минимизировать применение круглого леса для производства побочных продуктов.

Таблица 14. Мировое производство и потребление бумаги и картона, млн т.

	Производство			Потребление		
	2023 г.	2024 г.	2025 г.	2023 г.	2024 г.	2025 г.
Мир в целом	412,6	407,6	403,5	417,8	413,9	411,8
Азия	209,5	210,1	210,8	224,9	224,3	224,8
Китай	128,6	129,7	131,0	137,3	139,3	141,3
Япония	23,5	23,3	23,1	22,4	22,2	22,0
Европа	96,2	96,6	96,7	89,4	90,8	91,6
Великобритания	3,6	3,8	3,9	7,2	7,7	7,8
Германия	21,5	20,8	19,7	17,7	18,1	16,9
Россия	9,6	9,8	9,9	7,1	7,3	7,4
Финляндия	8,7	8,2	8,2	1,3	1,4	1,3
Франция	6,7	6,8	6,2	7,8	7,9	7,2
Швеция	8,7	8,8	9,0	0,8	1,3	1,3
Северная Америка	75,2	71,5	67,1	70,1	69,8	65,2
Канада	9,0	9,0	9,0	5,6	5,7	5,7
США	66,2	62,5	58,2	64,5	64,1	59,6

СОСТОЯНИЕ И ПРОГНОЗ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ ОСНОВНЫХ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Страны Европы

Европейский союз

Надежды на быстрое восстановление и гибкость европейской экономики не оправдались в полной мере: ускорения роста и долгожданного перехода к необходимой динамике не произошло. Трансформация экономических процессов ЕС под влиянием политических факторов имеет более длительные временные рамки, чем ожидалось. Рост экономик Евросоюза и зоны евро, по данным Европейской комиссии, обнародованным в ноябре 2024 г.⁴⁴, составит 0,9 и 0,8 % соответственно, что более чем в 1,5 раза ниже оценок 2023 г., когда результаты 2024 г. прогнозировались на уровне 1,2–1,3 %. Основными факторами экономической динамики стали оживление внешней торговли, хотя и не столь динамичное, увеличение располагаемых доходов населения, большая доступность капитала в связи с политикой ЕЦБ при снижении инвестиционной активности. Текущие оценки будущего развития ЕС также могут стать чрезмерно оптимистичными в случае энергичной реализации экономических решений избранного президента США Д. Трампа.

Хотя период кратного сокращения прироста ВВП ЕС, скорее всего, завершился, темпы восстановления ниже ожидаемых и недостаточны для выравнивания экономической ситуации. В ряде стран продолжает наблюдаться сокращение ВВП: это Германия, Финляндия, Ирландия, Австрия, Эстония. Крупнейшая экономика ЕС испытывает негативные эффекты в силу пониженного внутреннего и внешнего спроса на продукцию вторичного сектора, проблем в строительной сфере, снижения инвестиционной активности, слабого восстановления личного потребления. Проблемы немецкой экономики сохраняются, и надежды на ее быстрое восстановление пока не оправдываются, что, в свою очередь, усугубляет и ситуацию в зависимых от Германии странах — членах ЕС, испытывающих на себе «перелив» негативных процессов. Ситуацию в Ирландии, где отмечается наибольшее падение ВВП в ЕС, определяют негативные процессы в крупнокорпоративном секторе.

Страны Южной Европы (Мальта, Кипр, Хорватия, Испания) продолжили демонстрировать ускоренный экономический рост благодаря внутреннему потреблению, а также активизации внешней торговли и туризма. Сравнимую динамику смогла продемонстрировать и Польша, главным образом за счет внутреннего потребления. Вопреки первоначальным прогнозам, предусматривавшим в 2025 г. повышение хозяйственной динамики, развитие Франции, скорее всего, будет проходить в русле начавшейся в 2022 г. квазистагнации, для которой характерен низкий экономический рост в районе 1 % ВВП, что ниже потенциальных темпов роста, оцениваемых в 1,4–1,5 %. Негативное воздействие резкого взлета цен на энергоресурсы в 2022 г. практически сошло на нет. К отрицательным последствиям сохраняющейся международной напряженности добавилась внутривнутриполитическая неопределенность.

⁴⁴ Autumn 2024 Economic Forecast: A gradual rebound in an adverse environment // European Commission. 2024. November. https://economy-finance.ec.europa.eu/economic-forecast-and-surveys/economic-forecasts/autumn-2024-economic-forecast-gradual-rebound-adverse-environment_en.

Таблица 15. Прогноз динамики ВВП и безработицы в ЕС.

Страна	Доля в ВВП ЕС, %	Динамика ВВП, %			Безработица, %		
	2023	2023	2024	2025	2023	2024	2025
Германия	24,3	-0,3	-0,1	0,6	3,1	3,3	3,2
Франция	16,4	0,9	1,1	1,0	7,3	7,4	7,4
Италия	12,4	0,7	0,6	0,9	7,7	6,8	6,4
Испания	8,7	2,7	2,8	2,2	12,2	11,5	11,1
Нидерланды	6,2	0,1	0,5	1,4	3,6	3,7	3,8
Бельгия	3,5	1,3	1,1	1,2	5,5	5,6	5,7
Ирландия	3,0	-5,5	-0,5	3,0	4,3	4,4	4,4
Австрия	2,8	-1,0	-0,6	1,0	5,1	5,3	5,3
Финляндия	1,6	-1,2	-0,3	1,4	7,2	8,2	7,9
Португалия	1,6	2,5	1,8	2,1	6,5	6,4	6,3
Греция	1,3	2,3	2,2	2,1	11,1	10,4	10,0
Зона евро – 20	84,9	0,4	0,8	1,2	6,6	6,5	6,4
Польша	4,4	0,1	2,9	3,5	2,8	2,9	2,8
Швеция	3,1	-0,3	0,4	2,2	7,7	8,5	8,4
Дания	2,2	2,5	2,0	2,2	5,1	5,8	5,8
Румыния	1,9	2,4	1,8	2,8	5,6	5,5	5,4
Чехия	1,8	-0,1	1,1	2,3	2,6	2,6	2,5
ЕС-27	100	0,4	0,9	1,3	6,1	6,1	5,9

Источники: данные за 2023 и 2024 гг. (предварительная оценка) — Евростат⁴⁵, прогноз на 2025 г. — ИМЭМО РАН.

Возросшая неопределенность подпитывает выжидательное поведение как потребителей, так и инвесторов, а его отрицательное воздействие на темпы экономического роста эксперты оценивают в 0,1–0,2 % ВВП в год. В рамках макроэкономического регулирования финансовая и денежная политика поменяются местами. В 2024 г. бюджетное регулирование продолжало поддерживать конъюнктуру, так как разработанные меры по оздоровлению государственных финансов так и остались под сукном из-за паузы в деятельности исполнительной власти после роспуска Национального собрания. Напротив, в 2025 г. ограничение дефицита бюджета правительства выступит мощным депрессивным фактором. Доля крупнейших экономик ЕС в лице Германии, Франции и Италии в совокупном ВВП интеграционного объединения продолжает сокращаться. В то же время, доля «новых» стран-членов, таких как Польша, Чехия, Румыния, растет, подкрепляя их политические амбиции.

Последствия интеграционных процессов и приоритеты единого рынка предопределяют преобладание в рамках ЕС внутриблоковой торговли. Хотя доля экспорта вне Евросоюза по итогам 2023 г. выросла на 0,5 п. п. и составила 38,3 % общего объема, она соответствует одним из наименьших показателей за последние 15 лет, что подтверждает сохранение

⁴⁵ Database // Eurostat. <https://ec.europa.eu/eurostat/web/main/data/database>.

долгосрочного тренда по сокращению внеблоковой торговли. Изменения экспортных потоков 2023 г. были связаны в том числе с ростом долей североамериканского, турецкого и украинского рынков. После всплеска 2022 г. импортные потоки вернулись к уровню, достигнутому в период до 2022 г.: доля импорта вне ЕС сократилась на 3,8 п. п., до привычных 38,5 % общего импорта в 2023 г. Вероятно, сформированные тенденции внеблоковой торговли ЕС сохранятся и в 2024–2025 гг.

Экономика Евросоюза все еще испытывает последствия кризисных процессов, включая санкционные эффекты. Промышленное производство продолжает сокращаться. Особые сложности характерны для энергоемких производств, включая металлургию, химический, лесопромышленный сектора. Динамика промышленных цен хотя и демонстрирует позитивные сдвиги, однако они идут медленно. Наблюдается спад в отдельных секторах сельского хозяйства. В дальнейшем ситуация, скорее всего, усугубится ввиду природных катаклизмов, которые испытала Европа в 2024 г. Вопрос банкротств, резко обострившись в 2023 г., остается в европейской экономической повестке. Снятие остроты некоторых экономических проблем не привело к стабильности и прогнозируемости экономической ситуации. Сворачивание государственной поддержки негативно влияет на активность бизнеса. Сложная ситуация остается в отдельных отраслях промышленности, транспорте и некоторых других секторах третичного сектора. Снижение инвестиционной активности отражает не только застойное состояние и отсутствие перспектив зримого расширения совокупного спроса. Продолжит ухудшаться финансовое положение предприятий, которым в депрессивной обстановке все труднее перекладывать растущие издержки в цены реализуемой продукции. Во Франции наглядным подтверждением нарастающего напряжения в использовании бизнесом финансовых ресурсов служит нарастающее число банкротств, которое в 2024 г. превысит 60 тыс. — самый высокий за последние 15 лет показатель.

Нехватка финансовых ресурсов остается одной из ключевых проблем ЕС не только с точки зрения текущего роста, но и с точки зрения долгосрочных приоритетов. «Экстренные» потребности привели к разбалансировке финансов ЕС. За пределами целевых показателей останется государственный долг и дефицит бюджета с наиболее острой ситуацией в таких крупных экономиках ЕС, как Италия, Франция, Испания. Средневзвешенный бюджетный дефицит, согласно оценкам Еврокомиссии, составит 3,1 % в ЕС и 3,0 % в зоне евро, с возможным сокращением в 2025 г. до 3,0 и 2,9 % соответственно. Государственный долг, вопреки ожиданиям, продемонстрировал рост. В среднем в ЕС в 2024 г. он составит 82,4 %, в зоне евро — 89,1 %. В 2025 г. показатели продолжают рост — до 83,0 и 89,6 % соответственно.

Хотя предпринятые со стороны Евросоюза меры оказали некоторое положительное воздействие, процесс восстановления не завершен. В частности, во Франции ситуация пока далека от целевой: неслыханное расхождение между финансовым законом и фактическим исполнением бюджета в 2024 г. Притом что первоначально дефицит бюджета предусматривался в размере 4,4 % ВВП (затем скорректирован до 5,1 %), в действительности он может достичь 6,1 % из-за недобора налогов и непредвиденного разбухания расходов местных органов власти. В проекте бюджета на 2025 г. официально заявлено об экономии 60 млрд евро — крупнейшая за всю историю сумма, которая в соответствии с рекомендациями специалистов разбивалась на сокращение расходов (2/3) и повышение налогов (1/3).

Как ожидается, инфляция по итогам 2024 г. в ЕС сократится более чем вдвое по сравнению с предыдущим годом и составит 2,6 %. Основным фактором стало уменьшение уровня инфляции в крупнейших европейских экономиках и более интенсивное падение в небольших странах, испытавших ее резкий взлет в 2022–2023 гг. Наибольшее сокращение уровня инфляции наблюдалось в Литве, Латвии, Италии, Венгрии и Финляндии. Исключением стала Бельгия, где показатель увеличится на 2,1 п. п. вследствие роста цен в электроэнергетике в связи с завершением их государственного регулирования. Повышенное инфляционное давление остается характерным для стран Прибалтики и Центрально-Восточной Европы, что наблюдалось и в предыдущие годы: в Румынии — 5,5 %, в Польше и Венгрии — по 3,8 %, в Эстонии — 3,6 %. Таким образом, «инфляционный кризис» в ЕС подходит к концу. Продолжившееся снижение инфляционного давления в Евросоюзе было обусловлено продовольственной и энергетической составляющими: основой современного роста цен является сфера услуг. Дальнейшее угасание инфляционного напряжения предполагается и в 2025 г.

Ослабление инфляционного давления при сохранении депрессивной конъюнктуры привело к корректировке политики Европейского центрального банка. Пик сдерживающего воздействия на совокупный спрос жесткой денежной политики ЕЦБ пришелся на 2024 г. Как и ожидалось, ставка ЕЦБ, опередив ФРС, в 2024 г. постепенно начала снижаться, но все еще находится на высоком уровне. Условия кредитования населения и предприятий стали более лояльными, однако продолжают оказывать сдерживающее воздействие на внутренний спрос. Дальнейшее смягчение политики ЕЦБ продолжится и в 2025 г., что должно оказать позитивное влияние на динамику экономического роста.

Европейский рынок труда демонстрирует стабильно позитивную динамику: норма безработицы сокращается. Ряду государств удастся удерживать показатели на уровне, сравнимом с историческими минимумами, — в Германии, Ирландии, Польше, Румынии, Словении, Хорватии. Во Франции, напротив, ожидается рост безработицы: прирост новых рабочих мест замедлится под воздействием низкой деловой активности, возросли обнародованные предприятиями планы сокращения персонала. Нестабильной остается ситуация в сфере молодежной безработицы. Особенно остро ситуация наблюдается в двух группах стран с показателями выше 20 %:

- в Испании, Румынии, Португалии, Словакии, где проблема имеет долгосрочный характер;
- в Швеции, Люксембурге, Эстонии, где обострение наблюдается в постковидный период.

Хотя в последнее время показатели идут вниз, норма безработицы остается в этих странах высокой, что препятствует качественному экономическому росту и продуцирует социальные проблемы. Значительных улучшений не стоит ожидать и в вопросе производительности труда: ЕС не удастся найти эффективные механизмы по переводу динамики к уверенному росту.

Восстановительные процессы в сфере ПИИ, как и ожидалось, начались в 2023 г. Объем накопленных ПИИ в ЕС увеличился на 6,7 % и превысил уровень 2021 г. Сам Евросоюз

также стал активно вкладывать в зарубежные проекты: рост более 7 % в 2023 г. Частично адаптировавшись к новым условиям хозяйственной деятельности, активизировались инвесторы. Повышение инвестиционной активности, вероятно, продолжится и в дальнейшем по мере улучшения экономической ситуации в интеграционном объединении. Однако риск негативных последствий от действий новой администрации Д. Трампа сохраняется, что может резко изменить ситуацию в худшую сторону.

С точки зрения финансовых стимулов оживления собственной экономики для Европы сохраняется вопрос поддержки Украины. В текущем году, в рамках принятого в конце 2023 г. решения о начале переговоров о вступлении Украины в интеграционное объединение, ЕС смог расширить объем вложений из общего бюджета на украинское направление. Однако недостаточность этих средств вынудила Евросоюз создать отдельный инструмент Ukraine Facility, вступивший в действие в марте 2024 г. и управляемый Еврокомиссией, т. е. не требующий многочисленных согласований⁴⁶. В результате пересмотра многолетнего финансового плана и сокращения финансирования ряда общеевропейских программ, включая Horizon Europe, объем Ukraine Facility составил 50 млрд евро на 2024–2027 гг., что значительно больше ранее полученных Украиной со стороны Евросоюза средств. Часть средств Ukraine Facility будет пополняться за счет доходов от российских активов. 66 % объема украинского фонда будет направлено в форме займов на льготных условиях, остальные средства — невозвратные гранты. С точки зрения направлений вложений подавляющую часть Ukraine Facility в размере 76,5 % от общих средств планируется направить на поддержку, восстановление, модернизацию и проведение реформ с целью ее дальнейшего вступления в ЕС. Оставшиеся 11,4 млрд — на обеспечение инвестиционных процессов в Украине с привлечением иностранных акторов и на поддержку властей в рамках имплементации законодательства ЕС и проведения структурных реформ. Масштабность финансовых вливаний и реформ предполагает намерение ЕС сформировать в ближайшие годы «нового» члена ЕС в лице Украины, однако сроки и потенциальная недостаточность уже выделенных вложений в связи с невозможностью учета всех потребностей в текущих условиях свидетельствуют о малой вероятности реализации планов ЕС в полном объеме. Но процесс поддержки и реформирования Украины продолжится, дефицит же финансовых средств во многих областях самого ЕС будет негативно влиять на динамику и качество его экономического развития.

Экономика ЕС не сможет демонстрировать повышенные темпы роста и в 2025 г. К факторам долгосрочного характера, препятствующим восстановлению и сохраняющим отставание в росте в сравнении с США, относятся затратность «зеленой» повестки, нехватка квалифицированных специалистов, сохранение зависимости по ряду товаров и услуг, проблема конкурентоспособности. Сохраняют свою актуальность последствия санкционной политики, включившие повышенные показатели инфляции, снижение производства в энергоемких секторах, проблемы в АПК, социальные последствия. Несбалансированность в вопросах государственного долга и дефицит бюджета на фоне продолжающейся поддержки Украины не способствуют активизации экономического роста. Фактор неопределенности в

⁴⁶ European Neighbourhood Policy and Enlargement Negotiations. Ukraine Facility // European Commission. https://neighbourhood-enlargement.ec.europa.eu/european-neighbourhood-policy/countries-region/ukraine/ukraine-facility_en.

связи с приходом новой администрации в США не улучшает положение ЕС. Частичное восстановление потребления и внешнего спроса неспособны обеспечить желаемый экономический рост. В условиях сохраняющейся приоритизации политики над экономикой и отсутствия кризисных процессов, сравнимых по масштабам с пандемией, рост экономики Евросоюза останется на невысоком уровне.

Соединенное Королевство

Победа лейбористской партии на всеобщих парламентских выборах в июле 2024 г. сопровождалась сменой теоретических концепций, лежащих в основе экономической политики британского правительства, переносом акцентов в системе государственного регулирования с монетарных и фискальных стимулов на рынок труда и смещением баланса между частным и государственным сектором в сторону последнего.

Лейбористский подход к управлению экономикой — «секьюрономика» — был разработан канцлером Казначейства Р. Ривс на базе «новой экономики предложения» министра финансов США Д. Йеллен и схожей с ней концепции «продуктивизма» профессора Гарвардского университета Д. Родрика. В британских реалиях этот подход предполагает проведение активной промышленной политики, направленной на поддержку «базовых» отраслей, удовлетворяющих ежедневные потребности населения (инфраструктура, социальная защита, уход за детьми, розничная торговля), и создание так называемых «хороших рабочих мест»: под ними подразумеваются рабочие места, которые не требуют квалификации, но гарантируют стабильную занятость, хорошие условия труда и заработную плату, обеспечивающую приемлемый уровень жизни⁴⁷. На практике подобная стратегия влечет за собой пересмотр минимального зарплатного уровня и трудовых прав работников и требует увеличения государственных расходов. Среди мер, принятых новым правительством, — существенное повышение минимального размера оплаты труда молодых людей 18–20 лет и внесение в парламент законопроекта, значительно расширяющего права работников за счет работодателей⁴⁸.

В первом бюджете лейбористского правительства, представленном в октябре 2024 г., было объявлено о резком увеличении расходов и соответствующем повышении налогов и заимствований. В течение 5 лет государственные расходы будут увеличиваться в среднем на 69,5 млрд ф. ст., или 2,2 % ВВП, при этом 2/3 этой суммы будет направляться на текущие расходы, а 1/3 — на инвестиции. Повышение расходов будет финансироваться частично за счет налоговых мер, частично — за счет государственных займов. Основными источниками дополнительных налоговых поступлений станут увеличение взносов работодателей на социальное страхование (24,5 млрд ф. ст. в год) и повышение налога на прирост капитала (5,6 млрд ф. ст. в год). К 2027/28 финансовому году налоговое бремя достигнет рекордного

⁴⁷ Read and watch Rachel Reeves full speech: New Labour left UK economic weakness 'exposed'. 20 March 2024. URL: <https://labourlist.org/2024/03/rachel-reeves-mais-lecture-2024-decade-national-renewal-economic-growth/> (дата обращения: 12.11.2024); Reeves R. A New Business Model for Britain: Building Economic Strength in an Age of Insecurity. Labour Together. May 2024. URL: <https://www.labourtogether.uk/all-reports/a-new-business-model-for-britain> (дата обращения: 12.11.2024); Rodrik D., Spencer H. Productivist policies for the UK. IPPR Progressive Review. Vol. 30. Issue 3. Winter 2023. P. 161-166. <https://doi.org/10.1111/newe.12361>.

⁴⁸ Employment Rights Bill. Originated in the House of Commons, Session 2024-25. URL: <https://bills.parliament.uk/bills/3737> (дата обращения: 12.11.2024).

уровня 38,3 % ВВП, тогда как перед пандемией оно составляло 33,1 % ВВП. Результатом объявленных в бюджете мер станет снижение к 2029 г. реальных располагаемых доходов на душу населения на 1,25 %, что Управление бюджетной ответственности рассматривает как свидетельство перемещения ресурсов из доходов частных домохозяйств в государственный сектор⁴⁹.

Необходимо отметить, что до недавнего времени британский рынок труда считался относительно гибким по европейским меркам, а корпоративные налоги — относительно невысокими. Более жесткое регулирование трудовых отношений и рост налогообложения могут иметь негативные последствия в виде, во-первых, повышения цен на товары и услуги вследствие переноса части предпринимательских издержек на потребителей, во-вторых, усиления давления на малый и средний бизнес и «вымывания» небольших компаний с рынка и, в-третьих, увеличения безработицы, особенно среди лиц без опыта работы.

Принципиальную роль играет отмена просуществовавшего около 200 лет льготного режима налогообложения лиц, не имеющих домициля в Соединенном Королевстве (non-domicile), которые, в отличие от налоговых резидентов, не платили налог на полученные за границей доходы. Весной 2024 г. об этой мере объявило предыдущее (консервативное) правительство, а действующее ее поддержало. Влияние этой меры на бюджет ограничено, а сама она может рассматриваться как имеющая в большей степени идеологический, а не экономический характер. Следствием данной меры, а также наблюдаемого ухудшения делового климата и ужесточения регулирования в целом стала миграция состоятельных частных лиц. По данным Henley&Partners, крупнейшей в мире консалтинговой компании по вопросам получения гражданства за инвестиции, в 2024 г. Соединенное Королевство окажется на втором месте после Китая по количеству миллионеров и миллиардеров, переезжающих в другие юрисдикции, — около 9500 чел.⁵⁰

Между тем уровень жизни британцев в 2020-х гг. повышался самыми низкими темпами, как минимум с 1970-х гг., а отличительной чертой этого периода стала замедленная динамика подушевого ВВП по сравнению с реальным показателем. Если в середине 2024 г. прирост реального ВВП по сравнению с допандемийным уровнем составил 2,9 %, то ВВП на душу населения к этому времени еще не восстановился, и его значение было на 0,6 % ниже, чем до пандемии. Британское статистическое ведомство объясняет сложившуюся ситуацию тем, что численность населения растет быстрее экономики⁵¹. Поскольку рост населения обусловлен притоком мигрантов, среди которых преобладают лица работоспособного возраста, в перспективе ожидается увеличение численности рабочей силы и, как следствие, подушевого ВВП. Однако в настоящее время экономика не может подстроиться под демографический рост из-за высокого уровня экономической неактивности населения и низкой производительности труда. Считается, что рост экономической неактивности обусловлен расширением критериев, по которым человек признается нетрудоспособным, а также широким распространением пособий, получение которых не связано с необходимостью

⁴⁹ Economic and fiscal outlook. Office for Budget Responsibility. October 2024. P. 49-51. URL: https://obr.uk/docs/dlm_uploads/OBR_Economic_and_fiscal_outlook_Oct_2024.pdf (дата обращения: 12.11.2024).

⁵⁰ The Henley Private Wealth Migration Report 2024 // Henley & Partners. 2024. June. <https://www.henleyglobal.com/newsroom/press-releases/henley-private-wealth-migration-report-2024>.

⁵¹ Trends in UK real GDP per head: 2022 to 2024 // Office for National Statistical. 2024. 18.10. <https://www.ons.gov.uk/economy/grossdomesticproductgdp/articles/trendsinukrealgdpperhead/2022to2024>.

поиска работы⁵². Это же обстоятельство обуславливает относительно низкий уровень безработицы в диапазоне 4,0–4,4 %⁵³. Принимая во внимание разнонаправленные силы, действующие на рынке труда, в 2025 г. можно ожидать повышения безработицы, но весьма сдержанного.

Таблица 16. Прогноз динамики ВВП и безработицы Великобритании.

Страна	Динамика ВВП, %			Безработица, % экономически активного населения		
	2023	2024	2025	2023	2024	2025
Великобритания	0,3	1,0	1,2	4,0	4,3	4,8

Источник: прогноз ИМЭМО РАН.

В 2025 г. основным фактором экономического роста станут государственные расходы, и в целом за год экономика может прибавить 1,2 %. Инфляция будет превышать установленные в качестве целевого ориентира 2,0 %, что потребует от Банка Англии осторожного подхода к снижению процентных ставок. Поскольку США являются крупнейшим торговым партнером Соединенного Королевства, определенное влияние на состояние британской экономики в 2025 г. может оказать внешнеторговая политика республиканской администрации: в случае если торговых пошлин удастся избежать, можно рассчитывать на более уверенный рост.

Что касается отношений Соединенного Королевства с Россией, то по состоянию на середину 2024 г. торговый оборот между этими странами составил 0,1 % от общего объема внешней торговли Соединенного Королевства, а Россия оказалась на 69-м месте среди торговых партнеров⁵⁴. С учетом того, что зависимость британской экономики от российского импорта и экспорта была невысокой и ранее, ответное влияние санкций на нее незначительно.

⁵² Следует также иметь в виду снижение надежности статистических данных о состоянии рынка труда в связи с сокращением выборки домохозяйств, участвующих в выборочном обследовании рабочей силы, в период пандемии. Подробнее см.: Research Briefing. House of Commons Library. UK Labour Market Statistics // UK Parliament. 2024. 15.10. P. 27–31. <https://researchbriefings.files.parliament.uk/documents/CBP-9366/CBP-9366.pdf>.

⁵³ Unemployment rate (aged 16 and over, seasonally adjusted): % // Office for National Statistics. 2024. 12.11. <https://www.ons.gov.uk/employmentandlabourmarket/peoplenotinwork/unemployment/timeseries/mgsx/lms>.

⁵⁴ Department for Business & Trade. Trade and investment factsheets: Russia. // GOV.UK. 2024. 01.11. <https://assets.publishing.service.gov.uk/media/67220e7510b0d582ee8c48b3/russia-trade-and-investment-factsheet-2024-11-01.pdf>.

Соединенные Штаты Америки

Экономика США в 2024 г. демонстрировала хорошие макроэкономические показатели. Валовый внутренний продукт, согласно данным Бюро экономического анализа (БЭА), вырос на 6,1 % в 2021 г., на 2,5 % в 2022 г. и на 2,9 % в 2023 г. и, по предварительным оценкам, в 2024 г. возрастет на 2,9–3,0 %. В 2025 г., по нашим оценкам, рост продолжится и составит порядка 3 %. Номинальный рост зарплат, согласно БЭА, в октябре 2024 г. составил 5,6 % год к году. Уровень безработицы продолжает оставаться довольно низким и в октябре 2024 г. составил 4,1 %, согласно Бюро статистики труда (БСТ). Годовой рост индекса потребительских цен продолжил снижаться до 2,6 % в октябре 2024 г. год к году, согласно БСТ. Это все еще выше целевых 2 %, однако устойчивый тренд на снижение потребительской инфляции позволил ФРС начать цикл снижения ставки с 5,5 до 5 % в сентябре и с 5 до 4,75 % в ноябре 2024 г. При этом индекс потребительской уверенности Мичиганского университета хоть и вырос с минимальных значений в июне 2024 г. 66,4 п. до 70,5 п. в октябре 2024 г., однако все еще не достиг ни значений на начало 2024 г. в 79 п., ни предпандемийного максимума в феврале 2020 г. (101 п.). Из-за расхождений между макроэкономической статистикой и опросами американцев в деловой прессе стали говорить о проблеме восприятия экономической реальности населением.

Однако есть основания полагать, что проблема не в восприятии, а в трактовке макроэкономической статистики. Так, согласно данным БСТ, с мая 2023 г. по май 2024 г. средний часовой доход вырос на 4,0 %, в то время как индекс потребительских цен — на 3,3 %; иными словами, реальный рост средних доходов за обозначенный период составил 0,7 %. Таким образом, реальные доходы большинства росли очень медленно. Медианный годовой доход домохозяйств в 2023 г. составил 80 610 долл., что выше, чем 77 540 долл. в 2022 г. и 79 260 долл. в 2021 г., однако большинство избирателей сравнивают свое положение с 2019 г., когда медианный годовой доход составлял 81 210 долл. в долларах 2023 г.

Между тем инфляция всегда неравномерно распределяется между людьми с разными доходами. Наибольшие тяготы инфляции несут беднейшие слои населения. Рост ставки ФРС в 2022–2023 гг. повлек за собой рост стоимости обслуживания потребительского кредита, объем которого на конец октября 2024 г. составлял более 1082 млрд долл., что еще сильнее било по бюджетам людей с низкими доходами.

С точки зрения промышленной политики уходящая администрация смогла добиться ограниченных результатов. Принятые в 2021 и 2022 гг. законы об инфраструктуре, снижении инфляции и развитии полупроводниковой промышленности должны были привести к инвестиционному буму. Реальные валовые внутренние инвестиции, действительно, росли с 4679,7 млрд долл. в 2021 г. до 4903,8 млрд долл. в 2022 г. и до 4966,2 млрд долл. в 2023 г. Однако чистые инвестиции с 2022 по 2023 г. упали на 57,9 млрд долл. Более того, в структуре чистых частных инвестиций большую часть занимают инвестиции в интеллектуальную собственность в размере 288,6 млрд долл., что больше инвестиций как в оборудование (226,1 млрд долл.), так и в строительство нежилых сооружений (204,4 млрд долл.). Такое же распределение сохраняется в структуре государственных инвестиций, причем на федеральном уровне амортизация превышает валовые инвестиции в строительство сооружений.

Данные за 2024 г. гипотетически еще могут изменить общую картину, однако на данный момент это сложно назвать взрывом инвестиционной активности, и политика Байдена не привела к структурным изменениям экономики США. Это отражено в том числе в структуре занятости: согласно БСТ, наибольший прирост занятости в среднем с октября 2023 г. по октябрь 2024 г. произошел в медицинских услугах, в том числе услугах по уходу (82 тыс. в месяц), в государственных структурах (41 тыс. в месяц) и в индустрии гостеприимства (21 тыс. в месяц).

В совокупности эти факторы привели к общему недовольству политикой администрации Байдена и стали одной из причин поражения на выборах вице-президента Камалы Харрис, у которой не получилось позиционировать себя иначе как продолжателя политики действующей администрации. Дональд Трамп был избран во многом на ожиданиях, что при нем удастся вернуть экономику 2019 г., однако эти ожидания, скорее всего, будут обмануты. Экономическая политика новой администрации, насколько это известно на сегодняшний день, будет состоять из 3 основных элементов: снижение налогов, протекционизм во внешней торговле и реформирование регуляторного аппарата федерального правительства.

В качестве директора Национального экономического совета Дональд Трамп номинировал Кевина Хассета, который в первый срок Трампа был одним из главных авторов поправок в налоговое законодательство в 2018 г. Эти поправки истекают в 2025 г., и Трамп уже обещал не только их продлить, но и снизить некоторые ставки, в частности ставку налога на прибыль корпораций с 21 до 15 %. Так как маловероятно, что будут значительно сокращены расходы по принятым в 2021–2022 гг. субсидиям, снижение налогов, вероятно, усилит давление на федеральный бюджет, дефицит которого за 3 квартала 2024 г. уже составил 6,1 % ВВП. Во избежание долговой спирали новой администрации будет необходимо либо снизить стоимость обслуживания долга, либо возместить выпадающие доходы бюджета, либо сократить расходы бюджета. Снижение ставки прогнозируется ФРС на 2025 г. вплоть до 3 %, однако этого может быть недостаточно. Во II квартале 2024 г. стоимость обслуживания федерального долга уже составила 3,15 % от стоимости долга, и при росте дефицита, скорее всего, также будет продолжать расти. Значительные изменения монетарной политики, в том числе более агрессивное снижение ставки, скорее всего, будут возможными только после ухода с должности председателя ФРС Джерома Пауэлла, что произойдет в 2026 г.

Дополнительные доходы новая администрация планирует получить за счет общего роста экономики и введения внешнеторговых пошлин. Достичь роста выше того, который демонстрировала экономика до сего момента, будет довольно тяжело для развитой экономики, и успех здесь зависит от слишком большого числа труднопрогнозируемых факторов. Одним из перспективных секторов, где новая администрация вполне может достичь ранних успехов, является строительство жилых помещений. Это недоинвестированная сфера, где уровень чистых инвестиций в 2023 г. был на 23,2 % ниже, чем в 2022 г., а количество новых стартов построек, согласно Бюро переписи населения, в октябре 2024 г. составило 1353 тыс. — намного меньше, чем на пике в январе 2006 г. (2273 тыс.), притом что с тех пор процент домовладельцев упал с 68,8 до 65,9 %. Контуры строительной политики новой администрации еще не определены, однако во время предвыборной кампании Трамп заявлял о готовности убрать большую часть регуляторных

ограничений, а также приватизировать федеральные земли. Увеличение предложения жилья само по себе не увеличит значительно экономический рост, однако доступность жилья повлияет на его цену и, следовательно, освободит часть располагаемого дохода для других трат, что также положительно скажется на экономическом росте. Для количественной оценки этого эффекта необходимо больше определенности в том, какие именно меры новой администрации удастся провести.

Что касается торговых пошлин, то Трамп еще во время предвыборной кампании угрожал ввести общую пошлину в размере от 10 до 20 % на весь импорт, и отдельно дополнительную пошлину 60 % на весь импорт из Китая. Номирование главы хедж-фонда на пост министра финансов Скотта Бессента говорит скорее о том, что пошлины, если вообще будут вводиться, будут вводиться постепенно, во избежание резких инфляционных шоков. Однако в каком бы виде ни были введены пошлины, они в первую очередь ударят по американскому потребителю из-за традиционно отрицательного сальдо торгового баланса: дефицит в торговле товарами и услугами составил 221,78 млрд долл. в IV квартале 2023 г., 240,98 млрд долл. в I квартале 2024 г. и 266,79 млрд долл. во II квартале 2024 г. В отличие от многих других назначений, экономический блок новой администрации имеет значительный опыт работы в финансовой сфере, и, скорее всего, реальная внешнеторговая политика будет отличаться от предвыборных заявлений, которые переговорщики США будут пытаться использовать для улучшения переговорных позиций в обсуждениях с торговыми партнерами.

В свою очередь, сокращение дискреционных расходов бюджета (те программы, финансирование которых конгресс определяет каждый год), может, гипотетически, сохранить контроль над ростом стоимости обслуживания долга, однако для этого потребуются действительно масштабные сокращения государственных программ, т. к. бо́льшая часть государственных расходов — 5 трлн долл. из 6,8 трлн долл. в фискальном 2024 г. — являются обязательными, которые политически гораздо сложнее сократить. Для подобного изменения Дональду Трампу и его советникам, в первую очередь выбранным им для повышения эффективности государства Илону Маску и Вивеку Рамасвами, придется сначала выиграть аппаратную борьбу против вашингтонской бюрократии, враждебно настроенной по отношению и к самому Дональду Трампу, и к его программе.

Таким образом, в экономике США, вероятнее всего, сохранится фискальное доминирование, а также повышенная инфляция, которая может быть как монетарного, так и немонетарного характера, в зависимости от того, какую окончательную форму примет политика новой администрации. Инфляционный налог будет продолжать сокращать реальный располагаемый доход беднейших слоев населения, что, вероятнее всего, помешает республиканцам сохранить контроль над конгрессом в 2026 г. Скорее всего, это понимает и новая администрация, в связи с чем будут предприняты попытки осуществить максимум возможного за первые 1,5 года.

Япония

Главный фактор, определяющий структуру и динамику процессов, протекающих сегодня в японской бизнес-среде, — это продолжающаяся перестройка производственных и торговых цепочек, начало которой положили ограничения, дезорганизовавшие транснациональные хозяйственные связи в период пандемии COVID-19, и интенсифицировавшаяся в результате очевидного обострения политических противоречий между коллективным Западом, с одной стороны, и Россией и КНР — с другой. Для экономики Японии, которая в предшествующие два десятилетия значительно увеличила включенность в свои цепочки контрагентов, дислоцированных на территории континентального Китая, рост напряженности в китайско-американских и японо-китайских политических отношениях создал немало проблем — как технических, так и более фундаментального свойства.

Крупнейшие японские промышленные корпорации в течение 2010-х гг. успели включить активную работу на китайском направлении в свои долгосрочные стратегии, и нынешнее ухудшение деловой среды в этом сегменте, равно как и необходимость переоценки сопутствующих рисков, отрицательно сказалось на их инвестиционной активности. Теоретически это должно было привести к ее переориентации на активы внутри страны, однако статистика пока не отразила всплеска внутренних инвестиций в оборудование и инфраструктуру. Корпоративная инвестиционная активность в течение 2023 г. и I квартала 2024 г. оставалась вялой, чему также способствовали скромные размеры государственных вложений в развитие цифровой и «зеленой» трансформации, несмотря на активную риторику по этим направлениям. Лишь во II и III кварталах 2024 г. частные инвестиции в оборудование показали заметный (более 2 % в реальном выражении) прирост к соответствующему кварталу предшествующего года. С учетом спада инвестиций в недвижимость это означает, что расчет на заметный позитивный вклад динамики капиталовложений в экономический подъем пока не оправдывается: даже на фоне выросших объемов производственных инвестиций в марте–сентябре 2024 г. общий объем расходов на формирование основного капитала в реальном выражении составлял чуть более 101 % от соответствующих расходов 2023 г.⁵⁵

Главным же элементом, определяющим динамику роста японской экономики в 2024–2025 гг., является потребительский спрос. После нескольких кварталов негативной динамики он вышел на восходящую траекторию начиная со II квартала 2024 г. Это связывают с весомым повышением ставок оплаты труда в ходе кампании перезаключения трудовых договоров на 2024 финансовый год, а также эффектом от мер по поддержке низкодоходных семей в форме субсидий на топливо и единоразовых выплат в форме денежной помощи либо специальных налоговых освобождений. Свою роль сыграло также повышение инфляционных ожиданий, снизившее мотивацию к сбережению текущих доходов.

Как ожидается, все эти факторы, особенно с учетом утвержденного в ноябре 2024 г. нового «стимулирующего пакета» бюджетной поддержки нуждающихся семей и предприятий

⁵⁵ Department of National Accounts. Economic and Social Research Institute. Quarterly Estimates of GDP: July–September 2024 (The First Preliminary) // Cabinet Office, Government of Japan. 2024. November. P. 2. https://www.esri.cao.go.jp/jp/sna/data/data_list/sokuhou/files/2024/qe243/pdf/jikei_1.pdf.

мелкого бизнеса, как минимум еще несколько кварталов будут сказываться на складывающейся картине частного потребления, обеспечивая его устойчивый рост.

В результате прирост японского ВВП в 2025 г. ускорится до 1,0–1,2 % против 0,5–0,7 %, ожидаемых в 2024 г.⁵⁶ Вместе с тем это будет означать, что ставившаяся еще 10 лет назад задача достижения устойчивого самоподдерживающегося роста экономики на уровне 2–3 % в год остается нереализованной и, по-видимому, нуждается в переосмыслении.

Другую задачу, поставленную десятилетие назад, а именно: «преодоление дефляции», которое считалось ключом к запуску механизма взаимоподдерживающего роста цен (с целевым уровнем инфляции 2 %), доходов, потребления и производства, удалось выполнить, хотя и с рядом оговорок. Главная из этих оговорок состоит в том, что сохранение потребительской инфляции на уровне 2–3 % в годовом выражении в течение последних 2 лет имеет своей причиной не столько политику денежных властей, сколько внешние факторы, прежде всего рост цен на мировых рынках. Соответственно, нынешнюю инфляцию трудно назвать управляемой, и фиксируемые статистикой ее параметры легко могут измениться в любую сторону. Кроме того, цены на товары, не включаемые в базу для расчета «базовой» инфляции (топливо и продовольственные товары, не подлежащие длительному хранению), обладают высокой волатильностью и существенно влияют на потребительские ожидания и поведение, что затрудняет решение задачи поддержания положительной экономической динамики.

Что же касается осуществляемой монетарной политики Банка Японии, то в 2024 г. ее содержание претерпело существенные изменения. После 10 лет сверхмягкой политики, когда Банк Японии масштабными операциями по покупке гособлигаций удерживал их доходность на уровне, близком к нулю, а ставки по сверхнормативным депозитам на счетах коммерческих банков с 2016 г. были отрицательными (–0,1 %), началась постепенная осторожная коррекция курса. В ноябре 2023 г. целевой коридор доходности долгосрочных облигаций госдолга был скорректирован вверх на 1 п. п., а в июле 2024 г. было объявлено о повышении ориентира процентной ставки для краткосрочных кредитов («овернайт») на денежном рынке с 0–0,1 до 0,25 % — весьма существенное повышение по меркам японского денежного рынка.

Подобная коррекция целевых показателей была связана с необходимостью нейтрализации побочных эффектов мягкой денежной политики, в последние годы находившейся в противофазе с рестрикционной линией центральных банков других развитых стран. Следствием ее, в частности, было снижение курса иены в 2022–2023 гг., вызвавшее у бизнеса серьезное беспокойство. Очевидно, что немалую роль в этом падении сыграла увеличившаяся разница в процентных ставках на денежных рынках Японии и США, и переход к ужесточению монетарной политики мог уменьшить волатильность обменного курса, задержав его снижение.

⁵⁶ Официальный правительственный прогноз на 2024 финансовый год (апрель 2024 г. — март 2025 г.), опубликованный в июле, содержит оценку 0,9 %: Cabinet Office. Mid-Year Economic Projection for FY2024 // Cabinet Office, Government of Japan. 2024. 19.07. <https://www5.cao.go.jp/keizai1/mitoshi/2024/r060822shisan-e.pdf>.

Другим нежелательным последствием затянувшейся фазы проинфляционного курса Банка Японии стало накопление на его балансе более половины всех эмитированных правительством долговых обязательств. Такой объем покупок гособлигаций центральным банком страны не может не вносить существенных искажений в работу фондовых рынков, затрудняя диагностику состояния государственных финансов и планирование привлечения финансовых ресурсов корпоративным сектором. Июльским решением в 2024 г. совет директоров банка объявил план «количественного ужесточения», в соответствии с которым ежемесячные покупки гособлигаций на баланс центрального банка в течение 2 лет должны сократиться вдвое.

После проведенной коррекции своей политики Банк Японии делает акцент на поддержании стабильности условий для корпоративного финансирования, обещая вносить изменения в свою политику только после того, как он убедится в их «нейтральности» для ключевых субъектов хозяйствования. Другими словами, денежные власти обещают обеспечить достаточную меру предсказуемости своей политики, чтобы не препятствовать формированию корпорациями своих долгосрочных финансовых планов.

Что же касается бюджетной политики, то ее приоритеты в последние годы не меняются, а первые шаги С. Исибы как нового главы крупнейшей политической партии Японии и ее правительства подтверждают преемственность политики в этой ее части. Расходы на экономику по-прежнему предстают, с одной стороны, в форме регулярных пакетов мер по ее стимулированию, главными объектами которых являются уязвимые слои домохозяйств и мелкого бизнеса, страдающие от ценовых скачков и структурных изменений. А с другой — в виде финансируемых из госбюджета многочисленных программ, связанных с цифровизацией, стимулированием «зеленых» технологий и использованием локальных ресурсов для регионального развития. Бенефициарами последних является, как правило, локальный бизнес, включая ту его часть, которая налаживает тесные связи с местными политиками. Такие программы традиционно включают в себя не только покрытие текущих затрат, но и большую инвестиционную составляющую, подкрепляемую целевым кредитованием.

Наконец, волна протекционизма, поднявшаяся в последние годы в США, а затем и в странах Евросоюза, заставила японское правительство направить значительные средства на субсидирование собственного производства микроэлектронных компонентов и необходимых для этого инвестиций. Это было сделано главным образом в ответ на федеральные субсидии американским производителям высокотехнологичной продукции в критически важных, по мнению правительственных экспертов, областях, несмотря на обоснованные сомнения в эффективности подобных расходов.

Получает дальнейшее развитие и наметившийся ранее сдвиг в формулировках долгосрочных целей экономической политики и экономического развития в целом. Вместо количественных ориентиров макроэкономических индикаторов на первый план выводятся менее конкретные, но более фундаментальные понятия социальной и экологической устойчивости, инновационности экономики, повышения ценности человеческих ресурсов и комплексной безопасности.

Китай

Все негативные тенденции и факторы риска для экономики Китая, обозначенные в прогнозе на 2024 г., в целом сохраняют актуальность и в настоящее время.

По итогам первых 3 кварталов 2024 г. ВВП КНР вырос на 4,8 % (при росте на 5,2 % в 2023 г.). В III квартале 2024 г. темпы роста замедлились до 4,6 % — минимального показателя начиная с I квартала 2023 г.

На экономическую активность в Китае давят как циклические факторы: низкая потребительская активность, кризис на рынке недвижимости, сокращение иностранных инвестиций, — так и более долгосрочные структурные явления: избыточно высокая доля инвестиций в ВВП, обеспечиваемая высокой долговой нагрузкой корпоративного сектора и местных органов власти, рост уровня безработицы среди молодежи, старение населения и сокращение его численности второй год подряд, напряженность в отношениях с ключевыми торгово-экономическими партнерами (США и ЕС).

По оценкам ряда западных экспертов, экономическая модель Китая все больше демонстрирует признаки долгосрочной неустойчивости. Об этом главным образом свидетельствует низкий уровень потребительских расходов в ВВП. По данным Всемирного банка (ВБ), уровень потребления домохозяйств в Китае составляет около 38 % ВВП (для сравнения: в США — 68 % ВВП).

На протяжении последних лет правительство Китая старалось балансировать проблему неадекватных потребительских расходов, создавая гигантский пузырь на рынке недвижимости, а также несоразмерно наращивая кредиты и займы для бизнеса и граждан, что в итоге привело к стремительному росту долгового бремени корпоративного сектора и домохозяйств.

В промышленности 5 месяцев подряд, с апреля по август 2024 г., зафиксировано падение темпов роста производства (в августе — на 4,5 %). Подобная динамика не наблюдалась с осени 2021 г. Но если тогда это объективно объяснялось локдаунами в рамках политики нулевой терпимости к эпидемии COVID-19, то теперь подобные форс-мажорные обстоятельства отсутствуют. Официальные китайские СМИ в качестве главной причины называют падение спроса и, как следствие, инвестиций и деловой активности. Вместе с тем в терминах классической политической экономии это явление может быть охарактеризовано как противоречие между производством и ограниченным платежеспособным спросом, которое неизбежно ведет к экономическому кризису.

На этом фоне зарубежные компании выводят свои активы из Китая. В частности, прямые иностранные инвестиции (ПИИ) за январь–сентябрь 2024 г. сократились почти на 13 млрд долл.⁵⁷ С января по август 2024 г. объем ПИИ в экономику Китая упал на 31,5 %, до 81,7 млрд долл. Китайский фондовый рынок сокращается четвертый год подряд, потеряв уже более 6,5 трлн долл. капитализации после пиковых значений 2021 г.

⁵⁷ Bloomberg News. Chinese Stocks in Hong Kong Fall as Fiscal Plan Fails to Impress // Bloomberg. 2024. 11.11. <https://www.bloomberg.com/news/articles/2024-11-11/chinese-stocks-face-pressure-as-fiscal-stimulus-underwhelms?srnd=phx-markets&sref=Y0jVLcFo>.

За 9 месяцев 2024 г. индекс потребительских цен (главный показатель инфляции) вырос лишь на 0,2 % (худший результат с 2009 г.), а индекс цен производителей упал на 3 % (максимальное снижение с 2015 г.).

Таким образом, Китай фактически вошел в зону дефляции. Дефляция является одним из признаков того, что китайской экономической модели требуется полномасштабная реструктуризация. Она также отражает слабый внутренний спрос и избыток производственных мощностей.

В докладе Всемирного банка по Азии отмечается, что меры, предпринятые китайским правительством для поддержания экономики, не могут заменить глубоких структурных реформ, необходимых для долгосрочного экономического роста.

S&P Global Ratings сравнивает текущую ситуацию в Китае с экономической стагнацией в Японии после прорыва пузыря на рынке недвижимости в 1991 г. В последнее время экономисты все чаще указывают на риск «японизации» китайской экономики, но на более низком уровне благосостояния населения. Примечательно, что китайские власти пытаются пресечь закрепление этого дискурса в СМИ и блогосфере.

Традиционно ближе к концу года Пекин принимает серию мер, стимулирующих экономическую активность и стабилизирующих финансовый сектор, в попытке достичь планового показателя темпов роста ВВП.

В частности, в октябре 2024 г. в рамках мер по снижению долговой нагрузки регионов правительство одобрило повышение верхнего лимита долга местных органов власти на 6 трлн юаней, до 35,5 трлн юаней, что позволит им рефинансировать внебалансовые или скрытые долги в течение следующих 3 лет.

Эмитенты также получают доступ к дополнительным ресурсам на сумму 4 трлн юаней в рамках новой специальной квоты для рефинансирования задолженности в течение 5 лет. Это, в частности, позволит местным органам власти сэкономить 600 млрд юаней на процентных выплатах. Таким образом, в общей сложности на эти цели Китай направляет 10 трлн юаней (1,4 трлн долл.).

С 2020 г. Пекин разрешил местным правительствам выпускать так называемые специальные облигации рефинансирования, с тем чтобы заменить часть их скрытых долгов официальной задолженностью. На 2024 г. объем размещения этих бумаг, выпускаемых правительствами 29 городов и провинций, одобрен в размере 1,2 трлн юаней, а в 2023 г. их выпущено на 2,2 трлн юаней.

По данным Министерства финансов КНР, скрытые долги местных органов власти по состоянию на конец 2023 г.а составили 14,3 трлн юаней. Пекин рассчитывает сократить их до 2,3 трлн юаней к 2028 г.

По данным МВФ, в 2022 г. долг местных органов власти достиг 92 трлн юаней, или 76 % ВВП Китая, по сравнению с 62,2 % в 2019 г.

По оценкам ведущих банков США, общий объем внебалансового госдолга в КНР составляет от 7 до 11 трлн долл. В него входят корпоративные облигации так называемых механизмов финансирования местных правительств, посредством которых активно привлекались заемные средства для строительства объектов инфраструктуры и финансирования расходов местного уровня.

По данным UBS Group AG, общий объем инвестиций китайских банков в механизмы финансирования местных правительств в конце 2023 г. был равен 6,9 трлн долл., что составляло около 13 % совокупных активов банковского сектора КНР.

Экономисты оценивают наиболее проблемную часть долга с высоким риском дефолта в 400–800 млрд долл. При этом для урегулирования большей части проблемного скрытого долга требуется объем рефинансирования не менее чем в 700 млрд долл.

В негативном сценарии развития ситуации с долгами местных правительств гипотетическая серия дефолтов может перерасти в общенациональный финансовый кризис в случае массового изъятия вкладов из банков, владеющих большим количеством облигаций местных органов власти. По данным Wind, на долю последних приходится почти половина внутреннего рынка корпоративных облигаций Китая.

В сущности, указанные выше меры предполагают не реструктуризацию, а рефинансирование задолженности. Таким образом, большая часть проблем с долгами на местах сохранится. Продление срока долговых выплат, вероятно, нанесет ущерб экономическому росту Китая в долгосрочной перспективе, поскольку для погашения задолженности потребуется больше бюджетных ресурсов.

Что касается стимулирующих мер в рамках денежно-кредитной политики, Народный банк Китая (НБК) подготовил самый масштабный со времен пандемии COVID-19 пакет мер на основе смягчения условий кредитования. В частности, с целью поддержки рынка недвижимости НБК сократил минимальный размер первоначального взноса на покупку второго жилья до рекордных 15 с 20 %. Ранее, в мае 2024 г., до 15 % был снижен нормативный стартовый взнос по ипотеке на первое жилье.

НБК также понизил процентную ставку по недельным операциям обратного репо на 0,2 п. п., до 1,5 %, сократил норму резервирования для банков на 0,5 п. п., до 9,5 %, что высвободило для кредитования свыше 1 трлн юаней⁵⁸.

В мае 2024 г. Госсовет КНР совместно с НБК обнародовал крупнейшую программу поддержки рынка недвижимости. Целью программы заявлены преодоление резкого спада рынка путем ликвидации превышения предложения над спросом (оценивается в 25 месяцев будущих продаж) и стабилизации цен.

На первом этапе программы НБК выделил 42 млрд долл. на поддержку кредитования госбанками местных правительств с целью выкупа жилой недвижимости у застройщиков под социальное жилье. По оценкам экспертов, в рамках программы общий объем прямых и

⁵⁸ Боровикова К. Юань бери — не хочу // Коммерсантъ. 2024. 24.09. <https://www.kommersant.ru/doc/7181678>.

непрямых инвестиций в низколиквидную жилую недвижимость достигнет нескольких триллионов юаней.

Аналитики HSBC связывают программу поддержки с одновременно принятым проектом долгосрочных заимствований КНР: в 2024 г. в его рамках выпущены 30-летние гособлигации на 138 млрд долл.

Что касается актуальных прогнозов динамики экономического роста в Китае, многие финансовые институты пересмотрели свои оценки после публикации данных о темпах роста ВВП КНР в III квартале 2024 г. (4,6 %), которые оказались самыми низкими с начала 2023 г. Из 74 ведущих аналитических центров, отслеживаемых Bloomberg, 51 оценивает, что темпы роста ВВП Китая по итогам 2024 г. будут ниже 5 %-го целевого показателя. В том числе JPMorgan Chase прогнозирует рост на 4,6 %, Nomura Holdings — на 4,5 %, Goldman Sachs и Citigroup — на 4,7 % (ранее — 4,9 и 4,8 % соответственно), UBS Group AG — 4,6 % (ранее — 4,9 %), МВФ — 4,8 % (ранее — 5 %), ВБ — 4,8 %, ОЭСР — 4,9 %.

В свою очередь, консенсус-прогноз Reuters предполагает замедление темпов роста экономики Китая до 4,6 % в 2024 г. и до 4,5 % в 2025 г.⁵⁹ В том числе в отношении 2025 г. ВБ улучшил свой прогноз до 4,3 % с 4,1 %, ОЭСР сохранила на уровне 4,5 %.

Дополнительным фактором риска для экономики КНР стало избрание 47-м президентом США Дональда Трампа, который в ходе предвыборной кампании заявлял о намерении обложить китайские товары дополнительной пошлиной в размере от 60 до 100 %. В этой связи можно прогнозировать, что уже в течение 2025 г. новая администрация Д. Трампа введет дополнительные тарифы на импорт из Китая, однако пока неясны стоимостные масштабы ожидаемых решений.

С учетом результатов президентских выборов в США банк UBS Group AG уменьшил свой прогноз темпов экономического роста в Китае на 2025 г. до «около 4 %» с 4,5 %. Банк Goldman Sachs сохранил оценку на уровне 4,3 %, Citigroup понизил прогноз до 4,2 с 4,5 %⁶⁰. МВФ оставил в силе свой прогноз на уровне 4,5 %. По оценке Фонда, снижение темпов роста в Китае будет постепенным, несмотря на продолжающийся спад в секторе недвижимости и низкую активность потребителей.

По прогнозу Института финансов и банковского дела Китайской академии общественных наук (КАОН), на 2025 г. Пекин вновь установит целевой показатель темпов роста ВВП на уровне около 5 %.

Вместе с тем в условиях ожидаемого ухудшения внешней политико-экономической среды в 2025 г. правительство Китая будет вынуждено наращивать внутреннюю составляющую

⁵⁹ UBS снизил прогноз по экономике Китая на 2024–2025 годы // Финанс. 2024. 29.08. <https://www.finam.ru/publications/item/ubs-snizil-prognoz-po-ekonomike-kitaya-na-2024-2025-gody-20240829-1106/?ysclid=m35rdkevqa159725769>.

⁶⁰ Аналитики ухудшили прогнозы роста экономики Китая в 2024 году // Независимая газета. 2024. 17.09. https://www.ng.ru/economics/2024-09-17/4_9095_news1.html.

национальной экономики, в первую очередь активизировать политику, направленную на стимулирование внутреннего спроса и компенсацию возможных внешних потрясений⁶¹.

С учетом того, что в 2025 г. правительственные стимулирующие меры, предположительно, будут в значительной степени нивелированы низким потребительским спросом, продолжающимся спадом в секторе недвижимости, достаточно жесткой фискальной политикой, можно прогнозировать темпы роста ВВП Китая на уровне 4,1–4,5 %.

На динамике и структуре внешней торговли Китая в 2025 г., предположительно, неблагоприятно скажутся напряженность в отношениях с США и ЕС, санкционные ограничения, высоковероятное введение дополнительных таможенных пошлин на китайский экспорт и прочие торговые ограничения, постепенный перенос производственных цепочек в политически более близкие Западу развивающиеся страны.

Под воздействием неблагоприятных макроэкономических факторов китайский юань, вероятно, будет плавно девальвироваться по отношению к более сильному доллару США. На протяжении 2025 г. можно ожидать внутреннего курса в диапазоне 7,3–7,6 юаня за один доллар.

С высокой долей вероятности новым крайне негативным фактором для китайской экономики станет дефляция. Дефляционная спираль в настоящее время демонстрирует признаки нарастания, побуждая домохозяйства еще больше сокращать расходы или откладывать покупки в ожидании дальнейшего падения цен. Таким образом, есть основания для прогноза дальнейшего замедления динамики потребительских расходов со среднесрочной перспективой их стагнации. В этом случае будут снижаться корпоративные доходы, что приведет к дальнейшему сокращению зарплат, найма новых сотрудников и увольнениям.

⁶¹ Jennings R. China's 2025 GDP growth forecast cut by UBS on Trump threat, others wait and see // South China Morning Post. 2024. 11.11. https://www.scmp.com/economy/china-economy/article/3286060/chinas-2025-gdp-growth-forecast-cut-ubs-trump-threat-others-wait-and-see?module=perpetual_scroll_0&pgtype=article.

Индия

В 2025 г. прогнозируется некоторое замедление темпов роста ВВП (до 6 %⁶²). Весь набор вызовов, с которыми индийская экономика сталкивалась в течение последних лет (избыток рабочей силы и скрытая безработица, проблемы с транспортной инфраструктурой и продовольственной безопасностью), сохранится, причем ключевыми останутся проблемы нехватки рабочих мест и низкой рентабельности сельского хозяйства.

Возможно, будут запущены новые программы, нацеленные на укрепление благосостояния и конкурентоспособности отдельных групп и слоев населения. Стоит ожидать, что особое внимание будет уделяться проблемам деревни: результаты выборов в 2024 г. показали, что сельское население недовольно политикой Дели, в частности его неспособностью справиться с инфляцией. Правительство уже приняло определенные меры: так, в октябре 2024 г. отменен введенный в августе 2022 г. запрет на экспорт дробленого риса⁶³. Он позволил сдерживать продовольственную инфляцию, но оттолкнул от Модии часть фермеров, благосостояние которых зависело от продаж риса на внешний рынок.

В условиях продолжающегося сокращения западных инвестиций (по итогам 2023 г. объем ПИИ упал на 43 %)⁶⁴, постепенного смягчения декаплинга и опасений относительно будущей политики Трампа⁶⁵ Индия будет поощрять инвестиции со стороны региональных (арабские государства и страны ЮВА) и внешних (Россия, возможно, Китай) игроков, продолжая при этом искать возможность нарастить инвестиции из США, ЕС, Японии. В случае если эти попытки окончатся неудачей, правительство может пойти на монетарные реформы. Если они будут осуществлены, то, скорее всего, либо в начале года, чтобы минимизировать их негативное влияние на результат осенних выборов в Бихаре, либо сразу после них.

Динамика торговли с Россией будет зависеть в первую очередь от объема западных санкций и их выполняемости. Пока индийский бизнес сравнительно мало инвестирует в Россию, опасаясь вторичных санкций, которые обходятся в основном благодаря третьим странам. Проблема с платежами крупным российским экспортерам на данный момент в целом решена; в дальнейшем торговля продолжится частично в долларах в обход санкций, частично в рупиях с последующим инвестированием их в совместные проекты в Индии. На данный момент львиную долю российской торговли с Индией составляет экспорт нефти, который по итогам 2024/25 финансового года может достичь 70–75 млрд долл. Переход на несырьевой экспорт потребует создания новых производственных цепочек, формирование которых может замедлиться в случае изменения санкционного режима. От него же зависит и сохранение положения Индии как страны-посредника, обеспечивающей закупку российской нефти, ее переработку и перепродажу на Запад.

⁶² Trump, rupee and economic growth: What's in store for India in 2025? // The Economic Times. 2024. 18.11. <https://economictimes.indiatimes.com/news/economy/policy/trump-rupee-and-economic-growth-whats-in-store-for-india-in-2025/articleshow/115409606.cms>.

⁶³ India ends non-basmati rice export ban // Work-Grain.com. 2024. 10.03. <https://www.world-grain.com/articles/20531-india-ends-non-basmati-rice-export-ban>.

⁶⁴ Chitravanshi R. India sees 43 % decline in FDI inflows in 2023, drops to 15th spot // Business Standard. 2024. 20.06. https://www.business-standard.com/economy/news/india-sees-43-fall-in-fdi-inflows-in-2023-drops-to-15th-spot-unctad-124062000868_1.html.

⁶⁵ Khan A. Why foreign investors are exiting India // The New Indian Express. 2024. 21.11. <https://www.newindianexpress.com/explainers/2024/Nov/24/why-foreign-investors-are-exiting-india>.

Пакистан

Преодоление затяжного социально-экономического кризиса останется основной задачей пакистанских элит. На повестке дня сохраняются такие хронические проблемы пакистанской экономики, как дефицит бюджета, высокий уровень государственного внешнего долга, низкая норма сбережений и накоплений, а также высокая инфляция.

Малая вероятность их разрешения обуславливается особенностями пакистанской экономики: концентрация ресурсов в руках узкой прослойки элит, которая довольствуется использованием ренты для повышения собственного благосостояния⁶⁶, не предполагает создания благоприятной среды для устойчивого экономического развития.

В таких условиях основным средством поддержания макроэкономической стабильности останется получение заемных средств от союзников (КНР, страны Залива) и международных финансовых организаций, в первую очередь — МВФ. Обращение к последнему остается единственным средством оперативного решения проблем в экономике, доступным для Исламабада. В июле 2024 г. финансовый институт объявил о выделении очередного займа для Пакистана на сумму 7 млрд долл. при условии продолжения структурных экономических реформ. К таким, например, относится повышение эффективности налоговой системы и отказ от субсидирования энергетического сектора.

Успешная реализация таких реформ в 2025 г. может благотворно повлиять на экономику Пакистана лишь в среднесрочной и долгосрочной перспективе. В краткосрочной перспективе же подобные меры ударят по рядовым домохозяйствам, что еще больше повысит социальную напряженность и, как следствие, риски политической нестабильности.

Бангладеш

Из-за внутривнутриполитической турбулентности в стране и непоследовательной экономической политики основные вызовы, стоящие перед Бангладеш, в 2024–2025 гг. обострятся. Негативные тенденции в развитии бангладешской экономики наблюдались задолго до протестного движения за реформу системы квот летом 2024 г.: в январе 2023 г. МВФ одобрил льготный кредит в размере 4,7 млрд долл. США⁶⁷.

Несмотря на стабилизацию ситуации усилиями временного правительства, в 2024–2025 гг. бангладешская экономика столкнется с сокращением объема золотовалютных резервов (только за июль 2024 г. их объем снизился на 1,3 млрд долл. США до 20,48 млрд долл. США; по состоянию на ноябрь 2024 г., объем уменьшился до 18,46 млрд долл. США⁶⁸), снижением темпов роста вторичного сектора экономики, уменьшением притока ПИИ (за 2024 финансовый год объем чистого притока ПИИ сократился на 8,8 %, с 1,61 млрд до 1,47 млрд

⁶⁶ Белокреницкий В. Экономика Пакистана — причины и последствия замедленного роста // Мировая экономика и международные отношения. 2024. Т. 68. № 3. С. 69–78. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2024-68-3-69-78> EDN: ZPOIUJ.

⁶⁷ IMF agrees to provide Bangladesh with \$1.15B as 3rd installment of its multi-billion-dollar loan program // Anadolu Agency. 2024. 08.05. <https://www.aa.com.tr/en/asia-pacific/imf-agrees-to-provide-bangladesh-with-115b-as-3rd-installment-of-its-multi-billion-dollar-loan-program/3213864>.

⁶⁸ Reserves drop below \$20b after ACU payment // The Daily Star. 2024. 13.11. <https://www.thedailystar.net/business/news/reserves-drop-below-20b-after-acu-payment-3751161>.

долл. США⁶⁹), раскручиванием инфляционной спирали (вопреки прогнозам МВФ о снижении уровня инфляции до 7,25 %⁷⁰ к концу 2024 г., по данным за сентябрь 2024 г., ее уровень составил 9,92 %⁷¹) и проблемой двойного дефицита, т. е. сохранением дефицита бюджета в сочетании с ростом дефицита текущего счета платежного баланса. Сохранятся и дополнительные факторы, дестабилизирующие бангладешскую экономику: частые наводнения и непрекращающийся приток беженцев-рохинджа из Мьянмы.

Если в отчете «Глобальные экономические перспективы» от 11 июня 2024 г. Всемирный банк прогнозировал замедление темпов роста экономики Бангладеш до 5,7 % в 2025 финансовом году⁷², то в опубликованном 10 октября 2024 г. докладе «Обновленная сводка по развитию Южной Азии» ожидаемый показатель на 2025 финансовый год для Бангладеш был снижен до 4 % ВВП⁷³. В своей совокупности негативные тенденции способны затормозить намеченный на 2026 г. процесс выхода Бангладеш из группы наименее развитых стран, согласно используемой ООН классификации стран по доходу, а также более амбициозные программы по переходу в группу стран с доходом выше среднего к 2031 г. и в группу стран с высоким уровнем дохода к 2041 г.

Динамика торговли Бангладеш с Россией постепенно стабилизируется, о чем свидетельствует прогресс в отдельных отраслях (в 2024 г. Бангладеш вошла в тройку ведущих импортеров российской пшеницы⁷⁴).

⁶⁹ FDI drops by 8.8 % in FY24 amid economic volatility // The Business Standard. 2024. 30.10. <https://www.tbsnews.net/economy/fdi-drops-88-fy24-amid-economic-volatility-979726>.

⁷⁰ IMF board clears first review of Bangladesh's \$4.7 billion bailout // Reuters. 2023. 13.12. <https://www.reuters.com/world/asia-pacific/imf-board-clears-first-review-bangladeshs-47-billion-bailout-2023-12-12/>.

⁷¹ Current Inflation // Bangladesh Bank. <https://www.bb.org.bd/en/index.php/econdata/inflation>.

⁷² Global Economic Prospects // A World Bank Group Flagship Report. 2024. June. P. 4.

⁷³ Office of the Chief Economist of the South Asia Region. South Asia Development Update: Women, Jobs, and Growth // The World Bank Group. 2024. October. P. 5.

⁷⁴ Russian wheat exports to Bangladesh up 42 % in 9M — Agroexport // Interfax. 2024. 24.10. [https://interfax.com/newsroom/top-stories/107022/#:~:text=Oct %2024 %20\(Interfax\) %20 %2D %20Russia,of %20Russian %20wheat %20in %202024](https://interfax.com/newsroom/top-stories/107022/#:~:text=Oct%202024%20(Interfax)%20%2D%20Russia,of%20Russian%20wheat%20in%202024).

Анализ достоверности прогноза на 2023 г.

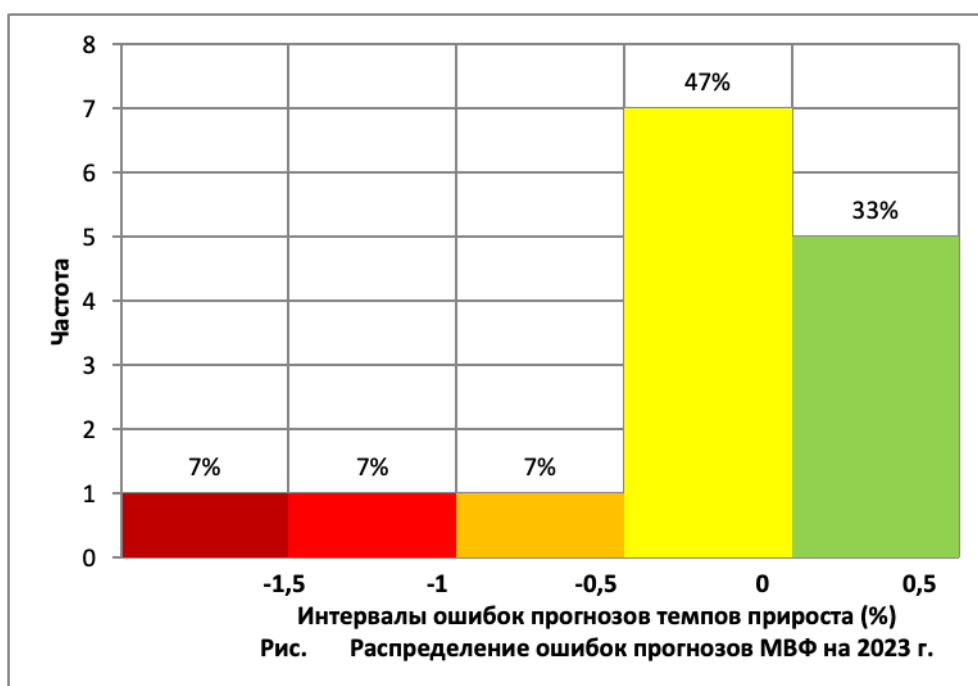
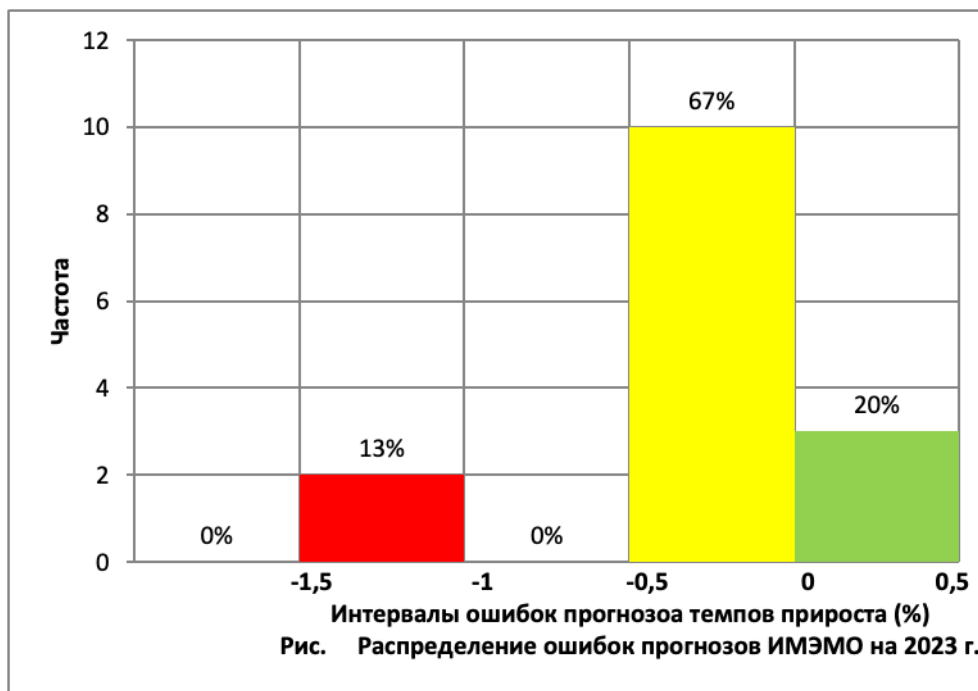
Прогнозы на 2023 г. разрабатывались осенью 2022 г. на основании имеющихся данных за II и III кварталы 2022 г., т. е. в условиях большой неопределенности. Основная проблема при прогнозировании — количественная оценка действия тех факторов и тенденций, которые авторы учитывают в первую очередь. Представленные в таблице № 17 ценки МВФ (октябрь 2022 г.) и оценки ИМЭМО РАН (ноябрь 2022 г.) оказались очень близки к реальным показателям роста мировой экономики. Об этом свидетельствует сопоставление этих оценок с фактическими данными, опубликованными МВФ в октябре 2023 г.

Таблица 17. Сопоставление прогнозов темпов прироста ВВП с фактическими данными на 2023 г.

	МВФ	ИМЭМО	Фактические данные
Мир	3,0	3,3	3,3
Развитые страны	1,5	1,6	1,7
США	2,1	2,5	2,9
Япония	2,0	1,7	1,7
Великобритания	0,5	0,6	0,3
Зона евро	0,7	0,6	0,4
ЕС	0,7	0,6	0,6
Германия	-0,5	-0,4	-0,3
Франция	1,0	1,0	1,1
Италия	0,7	0,7	0,7
Развивающиеся и страны с формирующимся рынком	4,0	4,2	4,4
Китай	5,0	5,1	5,2
Индия	6,3	6,8	8,2
Бразилия	3,1	3,3	2,9
Россия	2,2	2,5	3,6

Отклонение прогнозных оценок от фактических данных хорошо видны на гистограммах, на которых эти отклонения указаны на оси абсцисс, а доля оценок в процентах, попавших в соответствующий интервал, — на оси ординат (гистограммы 1, 2).

Из этих гистограмм видно, что оба прогноза показали вполне удовлетворительную точность, при этом прогноз ИМЭМО точнее. Максимальное отклонение прогноза ИМЭМО — 0,4 п. п., МВФ — 0,3 п. п. Минимальное отклонение прогноза ИМЭМО — 1,4 п.п., МВФ — -1,9 п. п. На гистограммах видно, что в интервал ошибок $-0,5...+0,5$ попало 13 ошибок ИМЭМО и только 2 ошибки ИМЭМО попали в интервал $0...-1$. В интервал ошибок $-0,5...+0,5$ попало 13 ошибок МВФ, 1 ошибка МВФ попала в интервал $0...-1$ и еще одна ошибка МВФ оказалась в интервале $0...-1,5$.

Статистический анализ показывает, что стандартная ошибка прогноза ИМЭМО составила 0,124, а прогноза МВФ — 0,110. Средний квадрат ошибки прогноза ИМЭМО оказался равен 0,25, а прогноза МВФ — 0,46. Среднее абсолютное значение ошибки прогноза ИМЭМО — 0,29, а МВФ — 0,44. Приведенные данные свидетельствуют о том, что в условиях высокой степени неопределенности перспектив развития мировой экономики в конце 2022 г. оба прогноза оказались на высоком уровне.

ЧАСТЬ III

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ АМЕРИКИ

2025 г. для США – год больших ожиданий. Триумфальные победы Д. Трампа и республиканцев в Конгрессе создают редкую возможность для Республиканской партии и ее лидера положить начало серьезным изменениям во внутренней и внешней политике страны. У Президента и его партии будет всего один год и один шанс. От того, как они им воспользуются, будет зависеть не только краткосрочный, но и среднесрочный вектор развития США.

Однозначный мандат, который получил Д. Трамп по итогам выборов, партийный истеблишмент, значительно пополнившийся его сторонниками за последние четыре года, республиканский контроль над обеими палатами, а также общественные ожидания — все это создает благоприятные условия для нового президента, чтобы перейти от слов к действиям. Среди его множественных приоритетов можно выделить два ключевых, которые будут определять все остальные действия республиканской администрации, как во внутренней, так и во внешней политике, — реформирование бюрократии и противостояние с Китаем.

Новая борьба с бюрократией

В 2024 г. Д. Трамп, так же, как и в первый раз, пришел в Белый дом на протестной волне. Недовольство граждан тем, как развивается их страна, остается стабильно высоким на протяжении первых двух десятилетий XXI в., а доверие к федеральному правительству неуклонно падает. По данным опросов общественного мнения Gallup, только 26 % граждан удовлетворены состоянием дел в стране — еще меньше, чем в кризисном 2008 г. (28 %) ⁷⁵. По данным еще одного ведущего центра исследования общественных настроений — Pew Research, доверие граждан федеральному правительству в 2024 г. колебалось на уровне 22 %, также ниже, чем в разгар финансового кризиса (24 %) ⁷⁶.

Так же как в 2016 г., Д. Трамп обещает вернуть доверие граждан с помощью борьбы с федеральной бюрократией. Его первое президентство не принесло заметных изменений в работе федеральной власти. Однако в этот раз Д. Трамп серьезно подготовился: мозговой центр «Херитедж Фаундейшн» (Heritage Foundation) подготовил многостраничный доклад «Проект 2025», в котором подробно описано, что и как будет реформировать новый президент. И хотя сам Д. Трамп в ходе избирательной кампании дистанцировался от этого жесткого консервативного документа, его первые назначения говорят о том, что экспертная подготовка реформ велась не даром. Так, главой ключевого ведомства администрации — Административно-бюджетного управления (АБУ) выдвинут один из авторов доклада Рассел Воут, который уже пробовал себя на этой должности в первой администрации Д. Трампа.

Цель реформирования федеральных ведомств — усилить контроль Президента над исполнительными структурами, вернув ему право снимать и назначать чиновников, распределять выделенные из бюджета средства между программами и ведомствами в соответствии со своими приоритетами. При этом реформирование предполагает не только

⁷⁵ Essential Public Opinion Indicators for the 2024 US Presidential Election // Gallup. 2024. <https://news.gallup.com/610757/2024-presidential-election-center.aspx#ite-610778>.

⁷⁶ Public Trust in Government: 1958-2024 // Pew Research Center. 2024. 24.06. <https://www.pewresearch.org/politics/2024/06/24/public-trust-in-government-1958-2024/>.

смещение баланса между Президентом и Конгрессом, но и расширение зоны ответственности штатов относительно федерального правительства. Для усиления контроля президента Трамп намерен переквалифицировать десятки тысяч государственных служащих в политических назначенцев, чтобы их можно было легко уволить и заменить в случае неподчинения главе исполнительной власти, при этом пересмотрев зарплату госслужащих по единой шкале эффективности. Реформированию прежде всего подвергнется силовой блок — Министерство юстиции, Пентагон и Федеральная служба безопасности, а также министерства по вопросам миграции, образования, здравоохранения и внутренних дел. В дальнейшем аудиту и оптимизации будет подвергнуто большинство бюрократических институтов Вашингтона.

План новой администрации по расширению федерализации США предполагает масштабное сокращение социальных программ федерального правительства и передачу полномочий по поддержанию граждан на уровень штатов, городов и муниципальных образований. В частности, с большой вероятностью можно ожидать отмены федерального финансирования школ с низким доходом, сокращения программ школьного питания, остановки программы по списанию студенческих кредитов, снижения приоритетности борьбы с изменением климата, отмены субсидии на экологически чистую энергию, сокращения федерального регулирования программ медицинского страхования, сокращения федеральных расходов на нужды бедных.

Оптимизация федерального правительства и перенос ответственности на уровень штатов будут проявляться и в пересмотре эффективности внешнеполитических ведомств и расходов. В основном это выразится в сворачивании программ по климату, и/или прекращению финансирования различных программ по линии ООН и других международных организаций, упразднению ряда должностей в Государственном департаменте, учрежденных администрацией Дж. Байдена, сокращении программ помощи развитию. Главным прогнозируемым трендом в распределении американской зарубежной помощи станет сокращение финансирования программ на общерегиональные нужды в пользу страновой спецификации и конкретных, поддающихся измерению программ.

Повышение эффективности внешней политики выразится в оптимизации расходов, подотчетности инвестиций, введении «измеримости» результатов запускаемых программ.

Ужесточение иммиграционного регулирования

В рамках реформаторских инициатив Д. Трампа самостоятельную общественную значимость будет иметь реформирование иммиграционного законодательства. Тандем Т. Хомана и К. Ноэм, назначенных на ключевые для контроля за потоками въезжающих должности министра внутренних дел и министра внутренней безопасности соответственно, свидетельствует о разработке комплексных мер по пересмотру и ужесточению миграционного законодательства в США, которые будут имплементированы не позднее II квартала 2025 г. Можно предположить, что ужесточение будет происходить по нескольким ключевым направлениям.

Во-первых, действия по обеспечению безопасности границ. Продолжится строительство стены с Мексикой, часть федеральных правоохранительных органов будет переведена в

иммиграционную службу, часть военнослужащих будет передислоцирована на южную границу, будет усилена охрана границ с Канадой и Россией, военно-морской флот будет обеспечивать так называемую фентаниловую блокаду, будут осуществлены значительные финансовые вливания в компании, поставляющие передовые технологии мониторинга и других систем обеспечения безопасности, в частности программы СВР1.

Во-вторых, в рамках ужесточения мер в отношении нелегальных мигрантов будут увеличены финансирование и кадровый потенциал иммиграционных и таможенных органов (ICE), увеличены штрафы за незаконный въезд и просрочку виз, возобновятся другие запреты и ограничения. Многократно вырастет число отказов в рассмотрении/продлении заявлений на получение убежища, усилится административное давление на руководителей городов-убежищ⁷⁷.

Наконец, можно ожидать серьезного поражения в правах легальных иммигрантов, сокращения федерального финансирования программ поддержки иммигрантов. Приоритет будет отдан иммиграции, основанной на заслугах, позитивном вкладе в общество и экономику, без нагрузки на государство; возможно введение ценза по здоровью иммигранта, по количеству иждивенцев в его семье.

Новая борьба с Китаем

За последние 8 лет стало очевидно, что борьба с Китаем — это не временный сдвиг в политике США, связанный с экстравагантной личностью Трампа, а долгосрочный стратегический вектор развития американского лидерства, относительно которого в стране существует двухпартийное согласие⁷⁸. Несмотря на то что конкретные шаги демократов и республиканцев по реализации этой стратегии могут отличаться, в ней есть несколько общих составляющих: усиление автономии внутриэкономического развития, торгово-экономическая конкуренция, информационно-технологическое сдерживание, формирование антикитайских альянсов с союзниками и выстраивание отношений с другими регионами и странами с учетом фактора Китая.

Усиление автономии американской экономики

Д. Трамп продолжит политику администрации Байдена по стимулированию экономического роста, с тем чтобы вернуть стране лидирующие позиции в сфере промышленного производства⁷⁹. В списке первоочередных задач, к выполнению которых администрация Трампа приступит уже в 2025 г., значатся налоговая реформа, пересмотр антимонопольного законодательства, энергетической и климатической политики, либерализация правил госзакупок для ВПК. Ставку федерального налога с корпораций предлагается понизить с 21 до 20 %, и еще ниже — до 15 % для компаний, которые производят свою продукцию внутри

⁷⁷ Порядка 200 городов и округов в США, которые не желают сотрудничать с иммиграционной и таможенной службами по вопросу о поиске и выдаче нелегальных иммигрантов.

⁷⁸ National Security Strategy of the United States of America // The White House. 2017. December. <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf>; National Security Strategy of the United States of America // The White House. 2022. October. <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf>.

⁷⁹ Savage C., Swan J. and Haberman M. A New Tax on Imports and a Split from China: Trump's 2025 Trade Agenda // The New York Times. 2023. 26.12. <https://www.nytimes.com/2023/12/26/us/politics/trump-2025-trade-china.html>.

страны. Будет также продлено действие налоговых мер, срок действия которых истекает в конце 2025 г.

В рамках доктрины «энергетического доминирования» Трамп намерен придерживаться принципа сочетания задач «энергетического реализма и климатического прагматизма». Трамп повторно пообещал выйти из Парижского соглашения и, вероятно, будет уделять меньше внимания глобальным климатическим инициативам, перераспределяя часть ресурсов, выделяемых на развитие технологий ВИЭ, в пользу сланцевой нефти и СПГ. При этом он вряд ли откажется от инвестиционных инициатив Байдена на общую сумму 3 трлн долл.

Трамп утверждал, что по-прежнему открыт для производства электромобилей в США, но при этом намерен сократить или отменить налоговые льготы для покупателей электромобилей, что в целом может иметь негативные последствия для и без того замедлившегося перехода США на электротранспорт.

Будут ослаблены ограничения для бурения на федеральных землях и создаваться предпосылки для ускорения модернизации энергетической инфраструктуры — трубопроводов, экспортных терминалов для СПГ, а также объектов атомной и водородной энергетики и хранилищ энергии⁸⁰. Вашингтон приступит к выполнению программы утроения производства ядерной энергии к 2050 г. Это позволит США активизировать присутствие американского бизнеса на рынке оборудования для АЭС, где у американских компаний есть технологические компетенции.

Повышенное внимание будет уделяться развитию инноваций, в том числе на таких ключевых направлениях, как искусственный интеллект (ИИ), блокчейн-технологии, инновационные полупроводники, беспилотные автомобили и БПЛА. Трамп намеревается отменить указ Байдена по управлению рисками национальной безопасности, создаваемыми внедрением ИИ, которые, по мнению новой администрации, затрудняют инновационный процесс.

Ускорится процесс импортозамещения с целью «полностью устранить зависимость от Китая во всех критически важных областях», побудить компании производить инновационные товары в США, диверсифицировать цепочки поставок и решить проблемы избыточных мощностей в мире⁸¹. Озвучен четырехлетний план по поэтапному отказу от импорта из КНР целого ряда товаров — от электроники до стали и фармацевтических препаратов.

Торгово-экономическая и технологическая конкуренция

На внешнеэкономической арене в противостоянии с Китаем новая администрация готовится проводить еще более агрессивную, в сравнении с курсом Байдена, политику

⁸⁰ Schadow N. How America Can Regain Its Edge in Great-Power Competition: A Second Trump Term Would Require a New Strategy // Foreign Affairs. 2024. 09.10. https://www.foreignaffairs.com/united-states/how-america-can-regain-its-edge-great-power-competition-trump?s=ESPZZ004NX&utm_medium=promo_email&utm_source=edit&utm_campaign=special_send_election24_prospects&utm_content=20241106&utm_term=ESPZZ004NX.

⁸¹ Huld A. and Zhou Q. Trump 2.0: What Does it Mean for China? // China Briefing. 2024. 07.11. <https://www.china-briefing.com/news/trump-china-us-relations-2024-election-victory-implications-businesses/>.

«экономического национализма», заявляя о своей готовности нести краткосрочные политические издержки ради стратегической выгоды. США будут придерживаться «транзакционного» подхода в торговых переговорах, перенося акцент на двусторонние соглашения, при подготовке которых основное внимание будет уделяться неурегулированным тарифным вопросам, проблеме доступа на рынки и выравниванию торгового баланса США. При этом Трамп продолжит настаивать на реформировании ВТО и ряда других международных организаций и соглашений в соответствии со стандартами США. Он также пообещал сделать криптовалюты ключевым элементом своей торговой стратегии, создать стратегические запасы биткоинов и привлечь в США большое число майнинговых компаний.

Можно ожидать нового ужесточения правил экспортного контроля в отношении технологического и производственного секторов Китая с целью ограничить его возможности в сфере ИИ, квантовых вычислений, а также в производстве передовых графических процессоров, беспилотных автомобилей и литографического оборудования.

Разрабатывается механизм поэтапного повышения пошлин в ответ на то, что США считают намеренным обесцениванием Китаем своей валюты и недобросовестными торговыми практиками. Трамп неоднократно заявлял о своем намерении ввести дополнительный тариф на импорт из КНР по ставке 60 % (более реалистичной считается ставка 20–40 %). Ставка тарифа может возрасти даже до 200 %, в случае если Китай прибегнет к активным действиям против Тайваня. Трамп также угрожал повышением на 100 % пошлин на электромобили из КНР, в случае если будут налажены их поставки в США в существенных объемах⁸². Главная задача «драконовских тарифов» — сократить торговый дефицит и создать рычаг давления в переговорном процессе с целью принудить Китай в одностороннем порядке устранить существующие барьеры для импорта американских товаров.

В случае реализации тарифного плана Трампа средний уровень таможенного обложения в США может повыситься с 4 до 20 %, что вернет страну к уровням защиты внутреннего рынка, которые не наблюдались в течение всего послевоенного периода. Ожидается, впрочем, что тарифы начнут вводиться не ранее второй половины 2025 г. из-за опасений ускорения инфляции. Повышение пошлин, скорее всего, будет осуществляться не в полном объеме, а поэтапно и при этом выборочно применяться к разным товарам. Исключения, отсрочки, а в ряде случаев только угроза применения пошлин могут быть сделаны в отношении товаров, имеющих критическое значение для внутреннего производства США.

В переговорном процессе с КНР американская сторона попытается выйти за рамки дискуссии по вопросам тарифов и экспортного контроля и сместить акценты на обсуждение американских претензий в части соблюдения прав человека в Синьцзян-Уйгурском автономном районе, ситуации с Тайванем и Гонконгом, а также роли Китая в контрабанде фентанила в США. Сторонники Трампа еще до выборов объявили Китай валютным манипулятором и подготовили законопроект «О восстановлении справедливости в торговле», который в случае его одобрения Конгрессом, что пока представляется маловероятным, лишит Китай режима «наиболее благоприятствуемой нации» в торговле с

⁸² Singleton C. Donald Trump Changed the Game with China. Now He Could Win It // The New York Times. 2024. 14.11. <https://www.nytimes.com/2024/11/14/opinion/china-trump-us-rivalry.html>.

США. Заявлено также о необходимости пересмотра статуса этой страны в ВТО и других МЭО. Могут подвергнуться пересмотру правила инвестирования в инновационные предприятия Китая и условия покупки китайскими компаниями активов, владение которыми «угрожает национальной и экономической безопасности» США. При этом планируется разрешать только те инвестиции, «которые явно служат американским интересам». Трамп также намерен запретить федеральным агентствам заключать закупочные контракты с компаниями, инвестирующими в производство в КНР. В выигрыше от этих действий Вашингтона могут оказаться только американские компании, наименее интегрированные в глобальные цепочки поставок с участием китайских компаний, например в горнодобывающей и текстильной промышленности, а также такие американские партнеры, как Мексика, которая уже сейчас является вторым по величине покупателем американских товаров, Вьетнам, Канада и Индия.

Введение повышенных тарифов в совокупности с другими ограничениями может оказаться чувствительным для перспектив развития внешнеэкономических связей США с Китаем. Главными результатами усиления давления на Пекин может стать колоссальное сокращение объемов двусторонней торговли и инвестиций. И это притом что за последние 6 лет доля Китая в американском импорте уже понизилась с 20 до 13 %⁸³. В ответ на действия Вашингтона Пекин разработал упреждающую стратегию противодействия протекционистским мерам США, основанную на стимулировании внутреннего спроса, импортозамещении и диверсификации цепочек поставок. С высокой долей вероятности можно также прогнозировать, что применение всеобъемлющих тарифов Трампа приведет к усилению заинтересованности союзников США к сотрудничеству с Китаем со всеми вытекающими отсюда отягчающими последствиями для союзнических отношений. Возрастет вероятность принятия ответных мер для защиты от экономического принуждения Вашингтона.

Есть основания полагать, что Вашингтон проявит гибкость при решении сложных торгово-политических проблем. Не исключено, что, продолжая усиливать давление на Пекин, Трамп будет продвигать план стабилизации двусторонней торговли, предусматривающий получение от Пекина в обмен на тарифные исключения новых уступок, включая обещание урегулирования проблемы торгового дисбаланса, а также обязательства покупать больше американского СПГ и сельхозпродукции. Трамп, например, изменил свое мнение в отношении китайского гиганта социальных сетей TikTok и пообещал защитить эту компанию от угрозы запрета ее деятельности в США. Со стороны руководства КНР, в свою очередь, было заявлено о готовности «расширять сотрудничество и урегулировать разногласия», поскольку «ни разрыв связей, ни нарушение цепочек поставок не являются (подходящим) решением»⁸⁴.

⁸³ Liu J. China Is Armed and Ready for Trade War 2.0 With Donald Trump // CNN. 2024. 22.11. <https://edition.cnn.com/2024/11/22/business/china-is-armed-and-ready-for-trade-war-2-0-with-donald-trump/index.html>.

⁸⁴ Leonard J. Xi Says China Is Ready to Work with Trump to Boost Relations // Bloomberg. 2024. 07.11. <https://www.bloomberg.com/news/articles/2024-11-16/xi-says-china-is-ready-to-work-with-trump-to-boost-relations?srnd=homepage-europe>.

Принуждение к антикитайским мерам союзников и партнеров

В своем противостоянии с Китаем США серьезную роль отводят союзникам. Однако если Дж. Байден пытался подвести идейную базу под согласование политики партнеров, с тем чтобы мотивировать их на реализацию далеко не всегда выгодных антикитайских мер, то Д. Трамп намерен добиваться от союзников нужной политики такими же методами давления, какие США применяют к самому Китаю, — тарифами и пошлинами. Самым проблематичным компонентом плана действий Трампа может стать введение всеобъемлющего тарифа на импорт из большинства стран мира в размере 10 % или более, что расценивается рядом партнеров США как свидетельство наметившегося сдвига в сторону переоценки отношений с союзными странами. Д. Трамп, в частности, считает, что европейские страны должны безоговорочно поддерживать антикитайскую политику США, поставив заслон импорту китайских электромобилей, аккумуляторов, а также оборудования и материалов для продвижения ВИЭ. При этом им игнорируются предупреждения со стороны стран ЕС, что введение всеобъемлющих тарифов может рассматриваться союзниками как нарушение обязательств США перед ВТО и их партнерами по зонам свободной торговли. В рамках политики защиты внутреннего рынка администрация Трампа, вполне вероятно, будет готова использовать тарифные ограничения в качестве инструмента регулирования импорта и европейской продукции. Сюда стоит отнести автомобилестроение и авиастроение (не исключено возвращение противоречий по линии Boeing — Airbus).

В 2025 г. также истекает договор США и ЕС «Глобальное соглашение по устойчивому производству стали и алюминия», регулировавший американские пошлины в отношении не только этих двух, но также и ряда других категорий товаров, что может оказаться еще одной точкой потенциального роста противоречий.

США будут стремиться к сохранению своего контроля над Европой в области энергетической безопасности. Это будет благоприятствовать дальнейшему перетоку европейских стартапов на территорию США, росту входящих европейских ПИИ в сферах финансов, химической промышленности, микроэлектроники, искусственного интеллекта и информационно-коммуникационных технологий⁸⁵.

Отдельное внимание будет уделяться мерам по пресечению реэкспорта в США китайских товаров через третьи страны. Трамп угрожал ввести тариф в размере от 25 до 100 % на импорт из Мексики, если эта страна не поставит заслон нелегальной миграции и контрабанде прекурсоров наркотиков в США и не примет превентивные меры против ожидаемого роста поставок китайских автомобилей через свою территорию. Учитывая, что более 80 % экспорта Мексики приходится на США, Трамп попытается воспользоваться приближающимся сроком пересмотра Соглашения между США, Мексикой и Канадой (USMCA) для заключения «намного более выгодной сделки». Трамп также готов применить санкции против Тайваня, обвиняя Тайбэй в доминировании на рынке полупроводников, «краже» американских рабочих мест и недостаточной активности в части наращивания закупок американских вооружений.

⁸⁵ Europe — International Trade and Investment Country Facts // Bureau of Economic Analysis. URL: <https://apps.bea.gov/international/factsheet/factsheet.html#399> (дата обращения: 26.11.2024).

Укрепление региональных альянсов

В логике противостояния с Китаем от новой администрации стоит ожидать сохранения политики дальнейшего укрепления региональных альянсов. Так же как его предшественник, Д. Трамп будет поддерживать существующие альянсы и расширять партнерства в области безопасности в русле наращивания Китаем своих военных возможностей. Ключевая роль в Азиатско-Тихоокеанском регионе будет отдаваться сотрудничеству с Индией, Японией и Австралией в рамках QUAD и с Великобританией и Австралией в рамках AUKUS.

Сохранится однозначная поддержка Тайваня со стороны США и противодействие предполагаемой военной угрозе со стороны Китая в отношении острова. Тайбэй останется одним из главных региональных союзников Вашингтона, получающим американские вооружения по статусу как основной союзник США вне НАТО, а также играющим ключевую роль на мировом рынке производства полупроводников.

Также в логике антикитайской стратегии Соединенные Штаты в значительной степени будут рассматривать альянсы с другими странами **Южной и Юго-Восточной Азии**. В русле перестраивания региональных экономических отношений Индия для США сохранит центральное место в качестве главного альтернативного Китаю экономического партнера. Но прогнозировать качественный переход американо-индийских отношений на новый уровень по-прежнему затруднительно из-за конъюнктурного характера их текущего развития в контексте антикитайской повестки. Потенциальный рост давления Вашингтона на Нью-Дели из-за экономического и военного сотрудничества с Москвой по-прежнему чреват отдалением Индии от США и, соответственно, подрывом целей американской антикитайской стратегии.

Интенсивность взаимодействия с ней, а также с Бангладеш и Шри-Ланкой будет зависеть от сонаправленности политик этих стран с Соединенными Штатами в противодействии КНР. Политика Вашингтона будет направлена на продвижение экономической независимости стран от Пекина и распространение образа Китая как враждебной силы в регионе. В этом контексте не исключается пересмотр Д. Трампом проекта экономического коридора Индия — Ближний Восток — Европа (IMEC).

Д. Трамп с большой вероятностью будет пересматривать политику в отношении **Европейского союза**. Без идейной составляющей демократов ему будет сложнее сбалансировать давление на союзников с целью формирования единого антикитайского фронта: чрезмерное давление может подтолкнуть их в сторону Китая и усилить настроения отдельных стран на выстраивание стратегической автономии ЕС. Однако с большой вероятностью от «карательных мер» в отношении союзников Д. Трамп все равно не откажется, в том числе исходя из политики защиты внутреннего рынка.

Помимо давления на союзников и повышения тарифов, можно ожидать переориентации Вашингтона на те европейские страны, чьи лидеры больше симпатизируют новой администрации, а также на создание новых коалиций, нацеленных на укрепление не общеевропейских, а именно межгосударственных отношений. Прежде всего этот процесс коснется стран Центральной и Северной Европы, а также, несмотря на то что Трамп не склонен рассматривать Балканы в качестве стратегически приоритетного региона, новая

команда Белого дома может сделать определенные шаги навстречу развитию отношений с ними для нивелирования долгосрочного роста влияния там Пекина.

При этом, несмотря на вероятные разногласия, военное сотрудничество США и европейских стран продолжит укрепляться. На 2025 г. запланировано проведение не менее 10 совместных военных учений, в том числе на Балтике и в Скандинавии, в Черном море совместно с Украиной, а также в Румынии, Германии, Нидерландах и других странах ЕС. Саммит НАТО, намеченный к проведению в Нидерландах в конце июня 2025 г., должен подтвердить успешность расширения Организации за счет Финляндии и Швеции. Трамп будет активно продвигать тему увеличения доли расходов европейских союзников по НАТО, но, несмотря на его жесткую риторику и напряженные отношения с лидерами других стран-членов, США подтвердят свой статус определяющей державы в Альянсе. Вне зависимости от ситуации на Украине его участники будут стараться создать хотя бы видимость общей повестки и способности к принятию консолидированных решений, как это было в период президентства Байдена.

Фактор Китая в политике в других регионах мира

Значительную преемственность и подчиненность внерегиональным императивам сохранит политика США в **Центральной Азии**, которая имеет серьезную тактическую значимость для США в контексте противодействия влиянию России и Китая. За последнее десятилетие США проявляли завидную последовательность в своей активности в этом регионе, несмотря на смену трёх президентских администраций различных политических партий⁸⁶. С большой вероятностью можно утверждать, что Центральная Азия и в 2025 г. будет оставаться в фокусе внешней политики США, направленной на сдерживание экспансии Китая в мире⁸⁷. Политика будет строиться на основе нейтрально-позитивных практик межгосударственного политико-дипломатического взаимодействия в рамках формата С5+1, развития торгово-экономических отношений, в том числе для обмена информации о порядке соблюдения санкционного режима против России, поддержания благоприятного климата для американских инвестиций, прежде всего в казахстанский топливно-энергетический комплекс. Не исключено, что США примут более активное участие в развитии проекта Транскаспийского международного транспортного маршрута для укрепления логистических связей между странами Центральной Азии и Закавказья в обход России. Также с высокой долей вероятности Соединенные Штаты приложат значительные лоббистские усилия для продвижения строительства своего проекта атомной электростанции в Казахстане.

В отношении **Афганистана** не следует ожидать кардинальной смены политической линии Вашингтона. Потенциальное выстраивание дипломатического диалога между новой администрацией и движением талибов будет в первую очередь зависеть от стратегических императивов США в сопредельных регионах. На двустороннем уровне, вероятно, следует

⁸⁶Central Asia: Implications of Russia's War in Ukraine Central Asia: Implications of Russia's War in Ukraine // CRS. 2023. 09.06. <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/R/R47591>.

⁸⁷Central Asia Pivot // International Trade Administration. 2022. 19.05. <https://www.trade.gov/market-intelligence/central-asia-pivot>; The Future of Central Asia's Development: Between Russia and China // The US Department of State. 2023. 02.05. <https://www.state.gov/the-future-of-central-asias-development-between-russia-and-china/>.

ожидать пересмотра миграционных программ, начатых правительством США для поддержки афганских беженцев, которые ранее были связаны с бывшим республиканским правительством страны и сотрудничали с американскими вооруженными силами.

В фокусе **ближневосточной** политики США останется палестино-израильский конфликт. С высокой вероятностью администрация Д. Трампа займет более жесткую произраильскую позицию, главной задачей которой станет борьба с исходящими для союзника угрозами с территорий сектора Газа и Ливана. Долгосрочная цель по дипломатическому признанию государства со стороны других стран на Ближнем Востоке (продвижение Авраамических соглашений) при такой постановке приоритетов окажется куда более сложной задачей. Его перспектива будет в первую очередь зависеть от того, будет ли и сможет ли республиканская администрация сформулировать свой долгосрочный план помощи палестинцам с перспективой практического воплощения принципа «два государства для двух народов».

Реанимация **антииранской** стратегии первого срока президентства Д. Трампа маловероятна. За пределами использования военных мер у Соединенных Штатов мало серьезных рычагов давления непосредственно на Тегеран. Задачи по сдерживанию влияния Тегерана в регионе и развития его ракетной и ядерной программ будут решаться несиловыми средствами (прежде всего санкциями), чтобы не усугублять военную эскалацию в регионе, поскольку это будет в первую очередь угрожать безопасности Израиля и повысит риск необходимости прямого американского вовлечения в конфликт.

Остальные же вопросы региональной повестки будут носить второстепенный характер и со значительной долей вероятности будут рассматриваться в логике противостояния экспансии Китая. В этой связи значительную динамику могут приобрести американо-саудовские отношения. Саудовская Аравия является одним из наиболее крупных рынков сбыта американских вооружений, а до недавнего времени имела юридические договоренности (договор 1974 г.), обязывающие Королевство продавать свою нефть исключительно за доллары США. Роль Эр-Рияда как одного из ключевых поставщиков нефти в Китай, возможность воздействия на мировой энергетический рынок и вероятность дипломатического признания Израиля значительно увеличивают вероятность того, что администрация Д. Трампа будет стремиться добиться долгосрочных договоренностей с Саудовской Аравией для решения глобальных стратегических целей американской внешней политики.

Политика США в отношении **украинского конфликта** также будет формироваться под влиянием антикитайского вектора. Со значительной долей вероятности смена администрации в Белом доме будет содействовать началу переговоров между Москвой и Вашингтоном и приведет к изменению динамики кризиса. Тем не менее эскалация настолько же вероятна, как деэскалация. Задача, открыто декларируемая Д. Трампом, состоит в том, чтобы снять с США бремя этого конфликта. В отличие от демократов, новый президент не сильно обеспокоен идейной составляющей этого конфликта, поэтому задача поддерживать военные действия до победы Украины для него не стоит. Но его цель на скорейшее сворачивание «затратного» для США конфликта, который отвлекает внимание от Китая, пока означает лишь готовность нового президента перенести тяжесть конфликта на плечи европейских союзников, а вовсе не согласие с планами России. Общий декларируемый

подход Дональда Трампа содействовать установлению мира между Украиной и Россией и сосредоточить ресурсы США для противодействия Китаю может на практике обернуться потенциальным ростом поставок вооружений Киеву и еще большим ужесточением санкционного режима против Москвы.

В целом отношения США с **Россией** будут по-прежнему складываться в логике украинского конфликта. Маловероятно, что в 2025 г. Д. Трамп будет готов привнести что-то новое в отношения двух стран и инициировать восстановление диалога, хотя бы в силу инерции военной фазы противостояния на территории Украины. Двухпартийное восприятие Вашингтоном России как противника не изменится с появлением в Белом доме нового президента. Более того, стратегически США все еще не определили, какое место займет Россия в их политике глобального противостояния с Китаем и готовы ли они дружить с одним из противников против другого. Пока сохраняется логика одновременного противостояния сразу двум региональным державам, в рамках которой функционирует военно-политический блок федеральной власти и ВПК: ставятся цели, запрашиваются средства, заключаются контракты.

Африканское направление внешней политики США в ближайший год имеет низкий потенциал к росту своей значимости даже в контексте сдерживания экспансии Китая. Отсутствие серьезного прогресса в реализации стратегических планов США подтолкнет новую администрацию пересмотреть свои подходы к политике в регионе, однако презентация качественно новой подробной стратегии в первый год президентства маловероятна. В условиях деградации отношений США с рядом африканских стран, потери стратегических позиций и повышения общего уровня конфликтности в регионе в 2025 г. ожидается сокращение финансирования «нерезультативных» программ зарубежной помощи и перезапуск инициативы повышения подотчетности американских инвестиций, направляемых в Африку к югу от Сахары. Вместе с тем не исключается, что Д. Трамп предпримет ряд тактических шагов по нормализации отношений со странами региона для восстановления диалога и повышения качества разведывательных возможностей США в регионе.

В рамках Партнерства по глобальной инфраструктуре и инвестициям (PGII) «Большой семерки» со следующего года в некоторых африканских странах (с заделом на охват всего континента) начнет работу Африканская виртуальная инвестиционная платформа (AVIP) для сбора данных и информации и усовершенствования политики в области инвестиций⁸⁸. Помимо этого, можно ожидать поддержки новой администрацией трансграничных транспортных коридоров, а также предложенного Италией создания AI Hub для устойчивого развития в сотрудничестве с Программой Развития ООН (ПРООН), в том числе с целью преобладания над Китаем в «меняющей мир» гонке технологий.

Политика США в отношении **Латинской Америки** в 2025 г. будет сочетать два противоречивых тренда. С одной стороны, США будут стимулировать страны к принятию мер в области миграционного законодательства, нераспространения наркотиков (фентанила),

⁸⁸ Fact Sheet: Partnership for Global Infrastructure and Investment at the G7 Summit // The White House. 2024. 13.06. <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2024/06/13/fact-sheet-partnership-for-global-infrastructure-and-investment-at-the-g7-summit-2/>.

сдерживания организованной преступности. Выраженная в ультимативной форме политика США может снизить качество дипломатического взаимодействия с Мексикой и странами Карибского бассейна⁸⁹. Ультимативность, к примеру, выражается в планах по удержанию в 2025 финансовом году не менее 30 % от общего объема финансовой помощи Мексике до тех пор, пока страна не примет ряд мер по противодействию распространению фентанила. С другой стороны, возросшая важность региона в контексте сдерживания КНР может увеличить долю Мексики и других стран Латинской Америки в торговле с США.

Что же касается **Арктики**, то, в отличие от первого срока, Д. Трамп с большой вероятностью продолжит курс предыдущей администрации, в том числе по производству ледоколов в рамках трехстороннего «Ледяного» пакта (ICE Pact) с участием США, Канады и Финляндии. Предполагается выделение 1 млн долл. для поддержки секретариата Арктического совета, постоянных участников Арктического совета, расположенных в США, и программ Арктического совета, а также дальнейшее укрепление соглашений со странами Скандинавии и Канадой для противодействия стратегическому партнерству России и Китая в регионе.

⁸⁹ Immigration and Border Security // Council on Foreign Relations. 2024. 26.11. <https://www.cfr.org/election2024/candidate-tracker/immigration-and-border-security>.

ЕВРОПА

Европейский союз — 2025

К началу 2025 г. общую картину расклада политических сил в ЕС определяют три фактора:

- итоги выборов 2024 г., как в Европейский парламент, так и в государствах — членах ЕС;
- общественные настроения, периодически выливавшиеся в протестные акции и насильственные эксцессы, обусловленные внешними кризисами и конфликтами, как, например, нападение на израильских болельщиков в Амстердаме или массовые протесты польских фермеров, перекрывавших дороги сельскохозяйственному экспорту из Украины;
- одновременно, как показывают острые дебаты в правящих и экспертных кругах Европы накануне и сразу после выборов в США, еще большее влияние на политическую жизнь ЕС в 2025 г. окажет приход к власти в США администрации Д. Трампа.

Европейский парламент

Выборы зафиксировали не столь драматический, как ожидалось, но продолжающийся сдвиг вправо. В Европарламенте (ЕП) укрепились позиции фракции Европейской народной партии (188) и евроскептиков, произошло движение к крайне правому флангу в некоторых партиях в составе самой ЕНП. Также выборы продемонстрировали дальнейшую фрагментацию ЕП. Первые два места остались за Европейской народной партией и несколько теряющим поддержку избирателей Прогрессивным альянсом социалистов и демократов (136). Ухудшили свои позиции «Европейские консерваторы и реформисты» (78) и фракция «Обновим Европу» (77), наиболее чувствительные потери голосов граждан ЕС понесли «Зеленые — Европейский свободный альянс» (53), незначительно улучшили свои показатели «Объединенные европейские левые» (46 депутатов). Фракция «Европейские консерваторы и реформисты» имеет в новом парламенте 78 депутатских мест. В ЕП образовались две новые фракции: объединившая умеренных евроскептиков и достаточно влиятельная «Патриоты за Европу» (84 парламентария), чей костяк составили депутаты от «Национального объединения» (Франция), «Фидес» (Венгрия), «Лига» (Италия), и малочисленная политическая группа «Европа суверенных наций», куда вошли 25 парламентариев — радикальных евроскептиков, большинство которых представляют «Альтернативу для Германии».

Результаты европейских выборов в целом (за исключением Италии и Франции) коррелируют с политическими тенденциями и итогами национальных выборов в странах — членах ЕС.

Можно утверждать, что смещение ЕП вправо закрепило «правый поворот», уже произошедший в Европейском совете, и содействовало более правому составу Еврокомиссии по сравнению с предыдущим. Очевидно, что решения правоцентристского блока в ЕК и Евросовете будут поддержаны правым большинством в ЕП. В то же время, учитывая относительную слабость «большой проевропейской коалиции» трех ведущих сил в ЕП (ЕНП,

Прогрессивный альянс социалистов и демократов и «Обновим Европу»), все большая политизация и фрагментация ЕП будет порождать разногласия и открытые конфликты как на общеевропейском, так и на национальном и субнациональном уровнях.

Что касается ключевых приоритетов работы ЕП нового созыва, то их три: окружающая среда, безопасность и оборона (здесь полномочия ЕП значительно возросли) и дебаты о будущем единой Европы. При этом изменилось понимание целей и задач в сфере климатической повестки и экологии. «Зеленые» партии стали главными проигравшими на выборах в ЕП. «Зеленый курс» и основные связанные с ним законодательные акты, которые уже были приняты, останутся, однако защита интересов фермеров и автомобильной промышленности ЕС обусловят пересмотр наиболее амбициозных целей климатической стратегии ЕС, а также расходов общего бюджета ЕС на эти цели.

Учитывая влияние евроскептиков, в том числе «жестких», в новом составе ЕП, а также планы по дальнейшему расширению состава ЕС за счет западно-балканских и постсоветских стран, не следует ожидать серьезного развития европейской интеграции «вглубь». Однако внешние факторы могут оказаться триггером противоположного тренда, хотя пока сложно сказать, можно ли назвать такого рода триггером политику новой администрации США или завершение конфликта на Украине, которые Евросоюз может рассматривать в категориях угроз в отношении себя.

Несмотря на увеличение числа депутатов ЕП от радикальных правых и крайне левых политических сил, которые, как принято считать, симпатизируют России, в вопросах безопасности и обороны новый состав Европарламента выступает за продолжение поддержки Украины и занимает все более жесткую позицию по отношению к Российской Федерации, в том числе на фоне результатов президентских выборов в США и скорой инаугурации Д. Трампа. Ведущие фракции ЕП при поддержке «зеленых» будут отстаивать идею более целенаправленной и масштабной оборонной политики ЕС.

Учитывая антииммигрантский дискурс, активно продвигаемый праворадикальными партиями, в повестке нового состава ЕС сохранятся вопросы регулирования миграции и общей миграционной политики ЕС. Очевидного внимания потребуют политика сплочения ЕС и особенно ее адресная направленность, учитывая не только секторальную специфику (несогласие предприятий и работников сельского хозяйства с климатической политикой ЕС), но и конкретную географию евроскептических настроений в Союзе, которую показывает новый состав Европарламента, что уже нашло отражение в экспертных заключениях Еврокомиссии прошлого созыва⁹⁰.

Германия

В ноябре 2024 г. в Германии распалась правящая коалиция, поэтому в феврале 2025 г. состоятся выборы в Бундестаг. Вероятно, лучший результат получит блок партий «Христианско-демократический союз» / «Христианский социальный союз» (ХДС/ХСС), который и возглавит правящую коалицию. Младшим партнером может стать Социал-

⁹⁰ Forging a sustainable future together: cohesion for a competitive and inclusive Europe: report of the High-Level Group on the Future of Cohesion Policy // Publications Office of the European Union, European Commission, Directorate-General for Regional and Urban Policy. 2024. February. <https://data.europa.eu/doi/10.2776/974536>.

демократическая партия Германии (СДПГ). Для малых партий — Свободная демократическая партия (СвДП), «Левые», «Союз Сары Вагенкнехт» (ССВ) — есть риск не пройти в Бундестаг. Новым канцлером, вероятно, станет Фридрих Мерц, под его руководством внутривнутриполитический и экономический курс ФРГ сдвинется вправо.

Правопопулистская «Альтернатива для Германии» (АдГ) сохранит свое влияние и может стать крупнейшей оппозиционной силой в парламенте. Высокие результаты в 2024 г. АдГ и «Союза Сары Вагенкнехт» (ССВ) затруднят создание правящих коалиций на федеральном и региональном уровнях. В 2025 г. сохранятся проблемы формирования правительств в восточных землях — Саксонии и Бранденбурге. В Тюрингии сформируется новое правительство, но из-за больших разногласий между партиями ХДС/ХСС, ССВ и СДПГ оно будет нестабильным.

В ФРГ сохранятся низкие темпы экономического роста. В связи с этим проблемой для новой коалиции станет формирование бюджета. Вероятно, правительство будет проводить реформы, направленные на повышение экономической эффективности, разрабатывать меры по снижению налогов, а также сокращать расходы на социальную сферу и экологические инициативы. Берлин не снизит военные расходы, продолжит действовать Специальный фонд модернизации бундесвера. На фоне низкого старта будут несколько увеличены мощности производства артиллерийских снарядов, ПВО (САУ IRIS-T). Однако серьезный рост мощностей военной промышленности Германии не ожидается.

ФРГ ужесточит политику сдерживания нелегальной миграции (контроль на границах, облегчение высылки) и продолжит практики привлечения квалифицированной рабочей силы по двусторонним договоренностям из других стран (Узбекистан, Индия, Кения). К приему и ассимиляции украинских беженцев сохранится благожелательное отношение, продолжатся программы подготовки украинцев к немецкому рынку труда.

Основным вызовом для *внешней политики* Германии станет выстраивание отношений с США. Главным противоречием будет возможность введения 10–20 %-х американских пошлин на европейский импорт, особенно немецкие автомобили. Берлин и автомобильные концерны, как и в 2016 г., могут пытаться убедить Д. Трампа не вводить пошлины взамен на уступки с немецкой стороны. Вторым вопросом станет подтверждение американских гарантий безопасности европейским союзникам по НАТО и продолжение помощи Украине.

Но, несмотря на ряд противоречий с Д. Трампом, важность трансатлантических отношений останется константой для Германии. В сфере безопасности трансатлантические связи только укрепятся: в ФРГ продолжится размещение американской 2-й Многосферной оперативной группы (Multi Domain Task Force), немецкая оборонная промышленность будет интегрироваться в американские цепочки производства вооружений (расширение производства PAC-2 GEM-T — ракет для комплекса Patriot и др.).

Приверженность евроинтеграции останется императивом немецкой политики. Однако Берлин не будет готов во всех вопросах поддерживать курс Парижа на укрепление стратегической автономии и интеграцию закупок и военного производства стран — членов ЕС. В 2025 г. продолжится реализация немецкой инициативы ПВО и ПРО «Европейский небесный щит», к которой не присоединилась Франция.

В отношениях с Китаем Германия продолжит опираться на формулу «партнер, конкурент, соперник». Выстраивая свой политический курс, ФРГ будет стремиться совместить солидарность с курсом ЕС⁹¹, собственные торговые интересы и попытки сократить экономическую зависимость, особенно в «критических поставках и технологиях», путем диверсификации цепочек поставок и контроля за инвестициями⁹². При этом значение КНР для немецкой экономики останется высоким. Важнейшим вопросом в отношениях с Китаем останется будущее немецкого автопрома. Германия, с одной стороны, будет выступать против европейских ограничительных мер для китайских электроавтомобилей, так как опасается за свои продажи автомобилей в КНР. С другой стороны, немецкие автомобильные концерны (Volkswagen Group, BMW, Mercedes-Benz) будут выработать стратегии, чтобы остановить спад спроса на немецкие автомобили в Китае, противостоять возможной конкуренции со стороны дешевых китайских электроавтомобилей, а также выйти на новые рынки с целью диверсифицировать торговлю.

Германия продолжит развивать сотрудничество со странами Глобального Юга, в т. ч. ФРГ продолжит работать над углублением экономического и политического сотрудничества с Индией. При этом подписание в ближайшем будущем Соглашения о ЗСТ ЕС и Индии крайне маловероятно. Берлин продолжит курс на улучшение отношений с монархиями Персидского залива (Саудовской Аравией, Катаром, ОАЭ), что выражается в росте поставок энергоносителей из стран Залива в ФРГ и смягчении немецкой позиции относительно экспорта вооружений в Саудовскую Аравию. Берлин продолжит сближение с рядом африканских стран (вопросы миграции, ископаемых ресурсов). Однако роль Германии на континенте останется невысокой.

На постсоветском пространстве роль Германии также существенно не возрастет. ФРГ продолжит экономическое сотрудничество с Казахстаном, в первую очередь по вопросам энергетики. Продолжится активный политический диалог с Молдовой и поддержка М. Санду. Взаимодействие с остальными странами (в первую очередь Узбекистаном, Кыргызстаном, Арменией) будет осуществляться в рамках политики развития: по линии партийно-политических фондов и НКО. При сохранении в Грузии правительства партии «Грузинская мечта» Берлин поддержит снижение европейской экономической помощи и политических контактов с Тбилиси.

Маловероятно, что новая коалиция серьезно изменит немецкую политику в отношении Украины. ФРГ продолжит оказывать экономическую и военную поддержку Киеву, однако объемы помощи будут ниже, чем в 2024 г. ФРГ передаст около 40 танков Leopard 1, ЗСУ Gepard, около 15 ЗПК IRIS-T средней и малой дальности, инженерные танки Dachs, дроны, артиллерийские снаряды и др.⁹³ Германия не станет ведущим инициатором урегулирования украинского конфликта и будет выстраивать свою политику в зависимости от позиции европейских союзников, США и Киева.

⁹¹ Мельникова Ю.Ю. «Европеизация» китайского направления внешней политики ФРГ в начале 2020-х гг.: национальные интересы и наднациональные ограничения // Сравнительная политика. 2024. № 15(2). С. 50–75. <https://doi.org/10.46272/2221-3279-2024-2-15-3>.

⁹² Белов В.Б. Германо-китайские экономические отношения в условиях актуальных геополитических вызовов // Современная Европа. 2023. № 7. С. 111–126.

⁹³ Diese Waffen und militärische Ausrüstung liefert Deutschland an die Ukraine // Bundesregierung. 2024. 10.11. <https://www.bundesregierung.de/breg-de/aktuelles/lieferungen-ukraine-2054514>.

Берлин не будет также предпринимать активных попыток урегулирования ближневосточного кризиса. Новое правительство ФРГ продолжит продавать оружие Израилю и воздержится от критики его действий. Подобная позиция опирается на обусловленную преодолением нацистского прошлого концепцию *Staatsräson* (государственного интереса), согласно которой безопасность Израиля является неотъемлемой частью внешней политики ФРГ⁹⁴. Особое беспокойство Берлина будут вызывать возможные выступления сторонников Палестины в самой Германии.

Франция

Динамика *социально-экономического развития* Франции в 2025 г. ожидается скромной. Рост ВВП останется минимальным (1,1 % по прогнозу МВФ), что в целом соответствует показателям еврозоны (1,2 % в 2025 г.): Франция будет отставать от США (2,2 %) и тем более от Китая (4,5 %)⁹⁵. Скромный рост будет обусловлен в основном частным внутренним спросом. Ожидается, что снижение инфляции (около 1,8 %), рост покупательной способности и инвестиции ускорят потребление и деловую активность. В 2025 г. сохранится дефицит госбюджета (5,0–5,3 %⁹⁶), но в 2026 г. возможно его сокращение, если правительство примет меры по оздоровлению финансов. Одновременно сохранится, а возможно, и вырастет уровень безработицы (7,6 %⁹⁷) — отчасти из-за снижения расходов государства на стимулирование политики занятости. Покупательская способность французов должна упасть (0,7 % РРД по ППС)⁹⁸ из-за сокращения занятости, слабого роста социальных пособий и сокращения доходов от накоплений⁹⁹.

Внутриполитическая ситуация будет отражать партийно-политический расклад, неопределенность которого серьезно усугубили события 2024 г. Поражение макронистской партии «Возрождение» на выборах в Европарламент (где выиграло ультраправое «Национальное объединение» М. Ле Пен), а затем на внеочередных выборах в Национальное собрание (где выиграл левый блок «Новый народный фронт») не только не позволило ей вернуть себе абсолютное большинство, но и превратило ее в партию меньшинства. Рейтинг Макрона упал в октябре 2024 г. до 22 % — минимальный показатель с 2017 г. Однако он отказал левым (формальным победителям выборов в Национальное собрание) в мандате на формирование правительства и вынужденно сформировал из макронистов и

⁹⁴ Хдери К. Конфликт в Газе обнажил кризис внешней политики ФРГ // Российский совет по международным делам. 2024. 21.11. <https://russiancouncil.ru/analytcs-and-comments/columns/europeanpolicy/konflikt-v-gaze-obnazhil-krizis-vneshney-politiki-frg/>.

⁹⁵ Bohineust A. Derrière une «résilience exceptionnelle», de multiples risques menacent l'économie mondiale // Le Figaro. 2024. 22.10. <https://www.lefigaro.fr/conjoncture/face-aux-risques-persistants-le-fini-reste-prudent-pour-l-economie-mondiale-et-prevoit-une-croissance-a-3-2-en-2025-20241022>.

⁹⁶ Publication du Rapport économique, social et financier — PLF pour 2025 // Ministre de l'Économie, des Finances et de l'Industrie. 2024. 14.10. <https://www.tresor.economie.gouv.fr/Articles/2024/10/14/publication-du-rapport-economique-social-et-financier-plf-pour-2025>; Économie : à quoi s'attendre en 2025 pour la France? // Sud Ouest. 2024. 16.10. <https://www.sudouest.fr/economie/finances/economie-a-quoi-s-attendre-en-2025-pour-la-france-dette-emploi-croissance-l-annee-s-annonce-douloureuse-21787031.php>.

⁹⁷ Projections macroéconomiques pour la France établies par la Banque de France // Banque de France. 2024. 17.09. https://www.banque-france.fr/system/files/2024-09/projections-macroeconomiques_septembre-2024.pdf.

⁹⁸ Heyer E. et Timbeau X. (dir.). L'heure des comptes : perspectives 2024-2025 pour l'économie française // OFCE. 2024. 10.04. <https://www.ofce.sciences-po.fr/pdf/pbrieff/2024/OFCEpbrieff126.pdf>.

⁹⁹ Économie : à quoi s'attendre en 2025 pour la France? // Sud Ouest. 2024. 16.10. <https://www.sudouest.fr/economie/finances/economie-a-quoi-s-attendre-en-2025-pour-la-france-dette-emploi-croissance-l-annee-s-annonce-douloureuse-21787031.php>.

«Республиканцев» правоцентристский кабинет под руководством опытного политика — ветерана партии «Республиканцев» М. Барнье.

Перед Барнье стояла сложная задача: принять проект госбюджета на 2025 г. Предполагалось сэкономить около 60 млрд евро, урезав госрасходы на 40 млрд и повысив на 20 млрд налоги на крупный бизнес¹⁰⁰. Эти планы во многом обусловили парламентский вотум недоверия и отставку правительства М. Барнье 4 декабря 2024 г. Учитывая непрочную поддержку макронистов в парламенте, формирование лояльного к президенту нового правительства будет сопряжено с трудностями. Ситуацию усугубляет начавшееся расследование дела М. Ле Пен о нецелевой растрате средств с перспективой запрета ей выставлять кандидатуру на президентские выборы — 2027. Если же к июню 2025 г. правительство не сможет принять новый бюджет, сохранив старый (с дефицитом свыше 3 % ВВП), стране грозят санкции Брюсселя в виде сокращения субсидий из фондов ЕС¹⁰¹.

На этом фоне источниками социальной напряженности могут стать протесты фермеров (в свете переговоров ЕС и МЕРКОСУР на тему создания зоны свободной торговли), а также попытки правительства провести выборную реформу в Новой Каледонии, включая перенос местных выборов, вызвавших волнения в мае 2024 г., на конец 2025 г. Противоречия между макронистами, левыми и ультраправыми по этим вопросам, а также по поводу миграционной политики, ужесточения которой требуют правые партии, способны привести в 2025 г. к падению правительства М. Барнье и проведению новых выборов после 9 июня 2025 г.

Внешнеполитический курс. Приход к власти в США Д. Трампа и политический кризис в Германии становятся для Франции как вызовом, так и возможностью объединить вокруг себя партнеров по ЕС для продвижения инициатив «стратегической автономии»¹⁰². Макрону придется столкнуться с ростом торговых тарифов США, экспансией американских компаний ВПК на оружейном рынке ЕС, давлением США на страны ЕС с целью ужесточить позицию европейцев в отношении Китая и, наоборот, усилить поддержку Израиля. Все это способно осложнить франко-американские отношения. Показательно, что 62 % французов встретили переизбрание Трампа с беспокойством, полагая, что это усугубит урегулирование целого ряда проблем: борьбы с изменениями климата, отношений США с Европой, мировой экономики, украинского и ближневосточного конфликтов¹⁰³. В то же время Франция продолжит рост оборонных расходов (с 47,2 млрд евро в 2024 г. до 50,5 млрд евро в 2025 г.¹⁰⁴), что должно превысить 2 % ВВП. На этом фоне призывы Трампа к европейцам брать на себя больше ответственности будут стимулировать поддержку во Франции идеи «стратегической автономии». Хотя США будут стремиться переложить на ЕС оборонные

¹⁰⁰ Garcin-Berson W. Budget 2025 : visualisez comment se répartissent précisément les 60 milliards d'euros d'efforts // Le Figaro. 2024. 10.10. <https://www.lefigaro.fr/conjoncture/budget-2025-visualisez-comment-se-repartissent-precisement-les-60-milliards-d-euros-d-efforts-20241010>.

¹⁰¹ Bordet M. Le gouvernement Barnier en sursis : les 5 dates de tous les dangers // Le Point. 2024. 23.09. https://www.lepoint.fr/economie/le-gouvernement-barnier-en-sursis-les-5-dates-de-tous-les-dangers-23-09-2024-2570906_28.php.

¹⁰² Duclos M. [Trump II] — Quel nouveau partenariat entre la France et les États-Unis? // Institut Montaigne. 2024. 07.11. <https://www.institutmontaigne.org/expressions/trump-ii-quel-nouveau-partenariat-diplomatique-avec-paris>.

¹⁰³ Les Français et l'élection de Donald Trump. // Elabe. 2024. 07.11. <https://elabe.fr/election-us-donald-trump/>.

¹⁰⁴ LOI n° 2023-703 du 1er août 2023 relative à la programmation militaire pour les années 2024 à 2030 et portant diverses dispositions intéressant la défense // Legifrance. 2023. 01.08. <https://www.legifrance.gouv.fr/jorf/id/JORFTEXT000047914986>.

расходы по поддержке Украины, речь может пойти о «разделении страновых специализаций» в рамках НАТО (например, в вопросе о создании «ЕвроПРО», где Франция и Германия пока не могут найти общий подход).

Политический кризис в Германии (до формирования новой коалиции) на первых порах будет на руку Макрону: до избрания нового канцлера ФРГ весной 2025 г. у Макрона появляется шанс выступить в качестве лидера либерал-демократических сил ЕС и найти общий язык с Трампом, заступающим на пост президента США в январе. В случае победы правоцентристского блока ХДС/ХСС Макрону, вероятно, будет проще находить общий язык с немцами, чем при социал-демократе О. Шольце — особенно по вопросам развития инноваций, конкурентоспособности ЕС и экологизации энергоперехода — в духе доклада Драги¹⁰⁵. Здесь не исключены франко-германо-польские инициативы в формате Веймарского треугольника.

Франция продолжит курс на поддержку Украины, как политическую, включая вступление Украины в ЕС и НАТО, так и военно-экономическую, включая поставку Киеву артиллерии — САУ Caesar, дальнебойных ракет Scalp и, возможно, истребителей Mirage. Париж приложит усилия для привлечения к западному лагерю стран Глобального Юга (через ООН и G20) в целях изоляции России. По данным 2024 г., большинство французов обеспокоены украинским конфликтом (75 %) и опасаются вовлечения в него Франции (65 %). При этом 55 % поддерживают продолжение военной поддержки Украины, 54 % выступают за обучение украинских летчиков, но против отправки на Украину французских войск (83 %) или инструкторов (57 %)¹⁰⁶. Интересно, что, по мнению большинства французов (68 %), военная поддержка Франции должна способствовать дипломатическому урегулированию, и лишь для 32 % — победе Украины на поле боя¹⁰⁷. Впрочем, это мало отразится на отношениях с Россией: 51 % французов заявили, что Макрон должен воспринимать Россию как «необходимое зло, с которым нужно смириться», 37 % — как «противника, с которым нужно сражаться», и лишь 11 % — как «союзника или партнера»¹⁰⁸. В этих условиях до окончания СВО или заморозки боевых действий в какой-либо форме потепления российско-французских отношений не ожидается.

В Африке, где французское влияние за последние годы оказалось под вопросом, Франция будет бороться за сохранение позиций. Ее основная задача — сформировать новую стратегию, способную выстроить ее диалог не только с политическими кругами африканских стран, но и с представителями их гражданского общества и молодежью. Можно предположить, что «демократическое мессианство» будет уступать место более прагматичным подходам. Скорее всего, продолжится секьюритизация африканской политики Франции, которая будет предпринимать усилия как по борьбе с исламомизмом в Магрибе и

¹⁰⁵ Quel leadership franco-allemand au sein de l'UE après les élections européennes ? // Euradio. 2024. 12.11. <https://euradio.fr/emission/KOXZ-paris-et-berlin-sur-les-ondes/oNq6-quel-leadership-franco-allemand-au-sein-de-lue-apres-les-elections-europeennes>.

¹⁰⁶ [Sondage] — Les Français et la guerre en Ukraine // Institut Montaigne. 2024. 13.06. <https://www.institutmontaigne.org/expressions/sondage-les-francais-et-la-guerre-en-ukraine>.

¹⁰⁷ Ifop-Fiducial pour Sud Radio. Balise d'opinion #267. Deux ans après le début de la guerre : le regard des Français sur le conflit russo-ukrainien // Ifop. 2024. Mai. <https://www.ifop.com/wp-content/uploads/2024/05/120531-Rapport-SR-N267.pdf>.

¹⁰⁸ Ukraine: pour 68 % des Français Emmanuel Macron a eu tort // Odoxa. 2024. 29.02. <https://www.odoxa.fr/sondage/ukraine-pour-68-des-francais-emmanuel-macron-a-eu-tort/>.

Сахеле, так и по подрыву влияния на континенте своих конкурентов — Китая, России и Турции¹⁰⁹.

Франция продолжит курс на укрепление присутствия в Индо-Тихоокеанском регионе (ИТР). Скорее всего, ее усилия будут сосредоточены на решении трех задач. Первая — урегулирование кризиса в Новой Каледонии — опоре Франции в регионе. Вторая — сохранение более мягкого подхода к Китаю, несмотря на нажим со стороны США. Третья — дальнейшие усилия по формированию дружественной коалиции стран в ИТР (такowymi во Франции видят прежде всего Индию, Австралию и страны АСЕАН) путем подписания новых крупных оружейных контрактов и развития политического диалога.

На Ближнем Востоке Франция будет стремиться к участию в урегулировании палестино-израильского конфликта, отстаивая позицию признания обоих государств. При этом симпатии французов, по сути, разделились примерно пополам (они осуждают и ХАМАС, и правительство Нетаньяху), а большинство занимает скорее равноудаленную позицию¹¹⁰. Основной вопрос состоит в том, сможет ли Франция привлечь государства — члены ЕС к тому, чтобы повлиять на Трампа и на Израиль, предложив политическое урегулирование конфликта.

Великобритания

Внутренняя политика. В июле 2024 г. по результатам всеобщих парламентских выборов Консервативная партия впервые с 2010 г. уступила власть лейбористам во главе с премьер-министром К. Стармером. На прошедших выборах ярко проявились тенденции последних лет, которые будут оказывать разнонаправленное воздействие на британскую политику в 2025 г.

С одной стороны, смена правящей партии и уверенное большинство одной из двух традиционно лидирующих в британской политике политических сил в Палате общин окажет стабилизирующее воздействие. Разочарование общества в консерваторах, внутрипартийные разногласия и отсутствие у тори новых идей и ярких лидеров также будут играть на руку правительству К. Стармера. С другой стороны, благоприятная для правящей партии ситуация ограничивается парламентом. Социальная напряженность и недоверие к политикам в целом остаются высокими и будут существенно ограничивать свободу действий правительства лейбористов в 2025 г.

Распределение мест между представителями различных политических сил в парламенте в еще большей степени, чем обычно, обусловлено особенностями британской избирательной системы и не полностью отражает общественные настроения. Поддержка правящей партии в обществе в реальности достаточно слабая. Победа лейбористов обеспечена разочарованием в результатах правления консерваторов, а не популярностью К. Стармера или привлекательностью представленной им предвыборной программы. На выборах 2024 г.

¹⁰⁹ Prod'homme P. Quelle stratégie pour la France en Afrique ? // Revue Defense Nationale. 2023. HS13. P. 375–394. <https://www.defnat.com/e-RDN/vue-article-cahier.php?carticle=614&cidcahier=1320>.

¹¹⁰ 7 octobre, un an après Conflit au Proche-Orient : quels impacts sur l'antisémitisme et l'islamophobie en France ? // Destin commun. https://www.destincommun.fr/media/jxgjt2be/destin-commun_antis%C3%A9mitisme-islamophobie_-rapport.pdf.

лейбористы получили 411 из 650 мест в Палате общин, однако за партию проголосовали лишь около 9,7 млн избирателей — меньше, чем на предыдущих, неудачных для лейбористов, выборах 2019 г., когда голоса партии отдали 10,2 млн чел. Результаты консерваторов — 121 депутатский мандат и 6,8 млн голосов, плачевные по сравнению с выборами 2019 г., когда партия получила почти 14 млн голосов и 365 мест в Палате общин, но недостаточные для того, чтобы занять место официальной оппозиции в качестве второй по величине парламентской фракции. В совокупности две 2 традиционно ведущие политические силы набрали рекордно низкую долю голосов избирателей.

Более 4 млн чел. в 2024 г. отдали голоса правой популистской партии Reform UK, что позволило ей занять пять мест в Палате общин. Набравшая 3,5 млн, или 12,2 % голосов Либерально-демократическая партия, благодаря грамотной работе в избирательных округах, завоевала 72 места — на 15 больше, чем на успешных для партии выборах 2010 г., когда за нее было отдано 6,8 млн голосов¹¹¹.

В 2025 г. усиливающийся дисбаланс в отношениях общества и власти становится фактором риска. Уже к концу 2024 г. после непродолжительного подъема сразу после выборов рейтинги лейбористской партии и правительства оказались практически такими же низкими, как у их предшественников: в ноябре 2024 г., по данным исследовательской компании YouGov, деятельность правительства одобряли около 20 % и не одобряли 56 % респондентов опросов¹¹².

Благодаря особенностям национальной избирательной системы, обеспечивающей преимущество крупным традиционным партиям и их кандидатам на местах, протестные настроения остаются в основном за пределами парламента и могут при неблагоприятных условиях проявиться. В июле–августе 2024 г. в крупных городах Великобритании прошли массовые протесты и беспорядки, связанные с неудовлетворительной, с точки зрения части общества, иммиграционной политикой. Спонтанные всплески недовольства в различных формах не исключены и в 2025 г. Улучшение социально-экономической ситуации способно снизить напряженность, однако для этого правительству нужно будет продемонстрировать значимые для общества успехи в какой-либо области. Учитывая накопившиеся в социально-экономической сфере дисбалансы и противоречия, сделать это в течение года будет непросто.

Несколько изменился политический ландшафт в Шотландии и в Северной Ирландии. Череда кризисов в Шотландской национальной партии (ШНП) привела к потере партией своих позиций: на всеобщих парламентских выборах она получила всего 9 мест в Палате общин вместо предыдущих 48. Потеря партией поддержки избирателей снижает вероятность нового референдума о независимости Шотландии. В 2025 г. эта тема, вероятно, продолжит оставаться на втором плане.

В Северной Ирландии в результате перераспределения голосов избирателей на выборах всех уровней усилились позиции партии «Шинн Фейн», выступающей за объединение Ирландии.

¹¹¹ Cracknell R., Baker C. General election 2024: Results and analysis // House of Commons Library. <https://researchbriefings.files.parliament.uk/documents/CBP-10009/CBP-10009.pdf>.

¹¹² Government approval // YouGov. <https://yougov.co.uk/topics/politics/trackers/government-approval>.

В то же время в 2025 г. стабилизирующее воздействие на Северную Ирландию могут оказать курс на восстановление тесных отношений Великобритании с ЕС и меры, направленные на стабилизацию социально-экономической ситуации, анонсированные правительством К. Стармера.

Социально-экономическая ситуация. К моменту прихода лейбористов к власти макроэкономические показатели указывали на некоторое улучшение ситуации по сравнению с предыдущими периодами. По оценкам Национальной службы статистики, рост ВВП составил 0,7 % в I квартале 2024 г., 0,5 % — во II квартале и 0,1 % в III квартале. Рост индекса потребительских цен в годовом измерении приблизился в 2024 г. к целевому показателю Банка Англии в 2 %. В августе 2024 г. впервые со времен пандемии COVID-19 Банк снизил базовую процентную ставку с 5,25 до 5 % годовых, а в ноябре последовало снижение еще на 0,25 п. п. Экономические прогнозы экспертов и международных организаций умеренно оптимистичные. Так, МВФ повысил прогноз роста ВВП Соединенного Королевства до 1,5 %¹¹³. Тем не менее существенные риски сохраняются: они связаны как с нестабильной геополитической ситуацией, так и с накопившимися социально-экономическими трудностями в самой Великобритании.

После прихода к власти премьер-министр К. Стармер заявил, что положение дел в стране «хуже ожидаемого», в частности сообщил об оставленной консерваторами «черной дыре в бюджете» размером в 22 млрд ф. ст. Эта риторика была использована для подготовки общественного мнения к мерам, анонсированным главой Минфина Р. Ривз при представлении бюджета страны в октябре 2024 г.

В предвыборном манифесте лейбористы обещали избирателям добиться наиболее высоких темпов экономического роста среди стран «группы семи». Маловероятно, что правительству удастся достичь поставленной цели в 2025 г., так как для этого придется обогнать по данному показателю США и Канаду. В то же время преодоление кризисных явлений и снижение инфляции, благодаря которым в 2025 г. не исключено дальнейшее снижение ключевой ставки Банка Англии, могут снизить давление на домохозяйства.

Лейбористам придется маневрировать между их предвыборными обещаниями «не повышать налоги для трудящихся» и необходимостью решения накопившихся социально-экономических трудностей. Одной из наиболее острых проблем остается состояние здравоохранения и социальных служб. Правительство К. Стармера заявило о выделении дополнительных 25,7 млрд ф. ст. на поддержку Национальной службы здравоохранения в 2025 г. Однако, по мнению экспертов, ситуация в данной сфере требует существенных реформ, а не просто дополнительного вливания бюджетных средств. В 2025 г. проблемы и вызовы сохранятся, и правительству будет непросто продемонстрировать убедительные для граждан результаты, свидетельствующие о преодолении негативных трендов.

Внешняя политика и оборона. Во внешнеполитической сфере существенным фактором, обуславливающим высокую степень неопределенности, стала победа на выборах в США Д. Трампа. Любые серьезные изменения американского внешнеполитического курса будут

¹¹³ World Economic Outlook: Policy Pivot, Rising Threats // International Monetary Fund. 2024. October. <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2024/10/22/world-economic-outlook-october-2024>.

иметь значительные последствия для британской политики практически на всех направлениях, будь то ситуация на Украине, конфликт на Ближнем Востоке, взаимодействие Великобритании с ЕС или с Китаем. В сфере обороны и безопасности партнерство Великобритании и США наиболее очевидно — помимо членства в НАТО страны также сотрудничают в рамках разведывательного альянса «Пять глаз» и трехстороннего оборонного альянса AUKUS. Определенную роль может сыграть и личностный фактор, традиционно значимый для американо-британских «особых отношений».

Правительство лейбористов ориентировано на восстановление более тесных отношений с Европейским союзом, пострадавших вследствие Брексита. Неопределенность в отношениях с США будет в еще большей степени способствовать такому сближению. Курс на усиление отношений с ЕС в целом и с отдельными европейскими странами уже проявился в 2024 г., в т. ч. во время визитов К. Стармера в Германию и Францию. Еще одним шагом в этом направлении стало назначение в ноябре 2024 г. на пост национального советника по безопасности опытного дипломата Дж. Пауэлла. Существует также вероятность, что опыт нового советника в области мирных переговоров и урегулирования может быть востребован в случае реализации инициатив Д. Трампа по прекращению украинского конфликта. В целом курс Великобритании на безоговорочную поддержку Украины и противодействие России остается неизменным. Несмотря на в целом критическое отношение к правительству, британская политика в отношении украинского конфликта по-прежнему находит поддержку у большей части населения.

В 2025 г. ожидается публикация нового Стратегического обзора в сфере безопасности — подготовка документа началась практически сразу после прихода правительства лейбористов к власти. В предвыборном манифесте партия объявила о намерении довести расходы на оборону до 2,5 % ВВП, однако сроки реализации этого обещания не указаны.

Великобритания находится на «развилке» в отношениях с КНР. В опубликованном при консерваторах стратегическом документе Китай назван «вызовом, определяющим эпоху», однако за последние годы британо-китайские отношения заметно ухудшились. Новое правительство намерено провести аудит двусторонних отношений, с тем чтобы «повысить способность Великобритании понимать те вызовы и возможности, которые создает Китай, и реагировать на них». Позиция США в отношении Китая продолжит играть значимую роль для Великобритании, что означает сохранение негативной динамики в отношениях с Пекином. В то же время экономические связи между странами сохраняются, и правительство лейбористов будет пытаться найти баланс между политическими ограничениями и экономическими интересами.

Продолжение конфликта на Ближнем Востоке оказывает негативное воздействие на британское общество. Заявления предыдущего премьера от Консервативной партии Р. Сунака и лидера лейбористов К. Стармера в поддержку Израиля способствовали снижению популярности обеих ведущих партий у определенной части электората в преддверии выборов. Первые шаги правительства лейбористов — возобновление финансирования БАПОР (UNRWA), приостановленного консерваторами, и отзыв 30 лицензий на экспорт оружия в Израиль в связи с ситуацией в секторе Газа — указывают на сдвиги британской стратегии на этом направлении. Однако, с точки зрения значительной части общества, такие

меры могут быть недостаточными. Респонденты опросов исследовательских организаций все чаще выражают симпатии палестинской стороне и выступают в поддержку полного запрета поставки вооружений Израилю. По некоторым оценкам, протесты британцев против действий Израиля были самыми массовыми за последнее время. Наблюдается также подъем преступлений на почве религиозной ненависти. Под давлением общественного мнения вероятно дальнейшее постепенное изменение политики и риторики правительства в отношении Израиля.

Центрально-Восточная Европа

В 2024 г. экономика стран Центрально-Восточной Европы (ЦВЕ) росла быстрее, чем Евросоюза в целом. Прирост ВВП был выше среднего «евросоюзного» в 8 из 11 стран ЦВЕ — членов ЕС. Ожидается, что в 2025 г. такой тренд укрепится. По оценкам Еврокомиссии (ЕК), лишь в Латвии и Эстонии годовой прирост ВВП будет ниже среднего по ЕС (1,5 %), а в остальных странах ЦВЕ составит 1,8–3,6 %¹¹⁴. В целом экономический рост стран региона ЦВЕ создает неплохую базу для достаточно спокойного политического развития. Однако довольно высокие энергетическая и продовольственная инфляции остаются негативными социально-политическими факторами. Не исключены и спорадические массовые протесты, особенно фермерские, связанные прежде всего с недовольством аграриев стран ЦВЕ ввозом дешевого продовольствия из Украины и угрозой либерализации такого импорта из стран МЕРКОСУР.

Официальный политический сезон 2025 г. в регионе ЦВЕ будет менее масштабным и значимым, чем в 2024 г. Парламентские выборы намечены лишь в Чехии, президентские — в Польше. Однако эти выборы будут достаточно напряженными. Кроме того, общерегиональную политическую ситуацию заметно осложнят продолжение затянувшегося парламентского кризиса в Болгарии и, особенно, внеплановые президентские выборы в Румынии — ключевых странах восточного фланга НАТО и ближайших соседях Украины.

Развитие политической ситуации в 2025 г. и, вероятно, в ближайшие последующие годы во многом будет оставаться под определяющим влиянием результатов двух ключевых событий 2024 г. — выборов в Европарламент (ЕП) и президентских выборов в США. Первые наглядно отразили резкий, нередко более значимый, чем в «старых» странах ЕС, правый политический разворот «младоевропейцев». Вторые придется учитывать при реализации долгосрочных экономических и военно-политических стратегий стран ЦВЕ в рамках общего курса ЕС и НАТО.

«Поправление» политической элиты стран ЦВЕ наглядно отразилось в распределении их представителей по политическим группам ЕП и «зонам ответственности» в Еврокомиссии (ЕК). При средней доле парламентариев от ЦВЕ в общем числе евродепутатов в 29 % их доля в основных правоцентристских группах (Европейской народной партии и группе «Европейские консерваторы и реформисты») в 1,3–1,6 раза выше. Напротив, «на левом фланге» — в социал-либеральной фракции «Обновить Европу» (пятой в ЕП) доля

¹¹⁴ Autumn 2024 Economic Forecast: A gradual rebound in an adverse environment // The European Commission. 2024. 18.11. https://economy-finance.ec.europa.eu/economic-forecast-and-surveys/economic-forecasts/autumn-2024-economic-forecast-gradual-rebound-adverse-environment_en#forecast-for-eu-candidate-countries.

представителей стран ЦВЕ составила лишь 27 %, в левоцентристской группе «Прогрессивный альянс социалистов и демократов» (второй в ЕП) — менее 25 %, в группе «Зеленые» — лишь 11 %, в группе «Левые» — 0. В маргинальных группах — националистической, евроскептической и популистской группе «Европа суверенных наций» и условной группе «Независимые» (преимущественно коммунистические и ультраправые партии) на страны ЦВЕ пришлось примерно по 30 %. В составе ЕК выходцы из правых и ультраправой партий заняли 7 из 11 мест для стран ЦВЕ, в т. ч. наиболее важных (по экономике и производительности, бюджету, исследованиям и инновациям, международному партнерству, обороне и космосу) При этом еврокомиссарами по стратегическим внешнеполитической и оборонной сферам назначены представители жестко антироссийски настроенных Эстонии и Литвы, а представитель «лояльной» к России Венгрии «понижен» с поста еврокомиссара по добрососедству и расширению ЕС до куратора здравоохранения¹¹⁵.

После победы Д. Трампа на выборах «правый уклон» в странах ЦВЕ в целом усилился. Так, в Польше опросы показали в 7 раз больший прирост общественной поддержки «протрамповской» партии «Право и Справедливость», чем «трампоскептической» правящей «Гражданской коалиции».

В целом «правоориентированный расклад» снижает потенциальные расхождения позиций законодательной и исполнительной ветвей власти в Евросоюзе, затрудняющие достижение консенсуса по стратегическим и наиболее важным тактическим вопросам — позиционированию ЕС в глобальном мире (отношения с США, Китаем, Россией, Глобальным Югом), обеспечению экономической, технологической и военно-политической автономии и безопасности, демографической и миграционной политике и др. Это особенно важно с учетом декларированных Д. Трампом изменений в подходах к экоклиматическим, торговым, технологическим и военно-политическим проблемам, в т. ч. «повышению ответственности» стран ЕС за их решение в своем регионе.

Соответствующая рационализация ключевых стратегий ЕС практически началась. Приоритетная для ЕС стратегия «зеленого перехода» и климатической нейтральности (с учетом ослабления внутренней общественной поддержки и угроз Трампа выйти из Парижского соглашения) в новом составе ЕК лишилась двух «специализированных» комиссаров, а некоторые страны ЦВЕ уже предлагают пересмотреть намеченные климатические цели ввиду невозможности их достичь «без глобальных союзников». По вопросам торгово-технологической автономии страны ЦВЕ, как и большинство других членов ЕС, высказываются против тарифных войн с США и Китаем, за «евроатлантическую» координацию действий, а также за активизацию поддержки технологического прогресса внутри стран: например, в ключевом для экономики ЕС автомобилестроении срок вывода на рынок новой модели в 2,5 раза дольше, чем в Китае, а рентабельность отрасли упала почти втрое — до 2–3 %.

В сфере военно-политической безопасности (в т. ч. военной поддержке Украины) они, в принципе, согласны взять на себя бóльшую ответственность, «не ожидая, что в долгосрочной перспективе США будут оплачивать расходы на оборону европейских стран НАТО». Однако

¹¹⁵ Commissioners-designate (2024–2029) // The European Commission. 2024. https://commission.europa.eu/about-european-commission/towards-new-commission-2024-2029/commissioners-designate-2024-2029_en.

возможности «вклада» стран ЦВЕ в автономию ЕС в обеспечении безопасности ограничены, большинство из них с трудом дотягивают до минимально требуемого в НАТО размера оборонных расходов в 2 % ВВП. Правда, из 5 стран НАТО, уже расходующих на оборону больше 3 % ВВП, — 3 страны ЦВЕ (Польша, Латвия и Эстония). Польша стала рекордсменом НАТО по доле оборонных расходов, доведя их в 2024 г. до 4,2 % ВВП с планом 4,7 % ВВП на 2025 г. При этом страны выдвигают новые региональные инициативы повышения обороноспособности «под флагом НАТО». Так, Польша вместе с Северо-Балтийской восьмеркой (Латвией, Литвой, Эстонией, Данией, Финляндией, Исландией, Норвегией, Швецией) обсуждали возможность создания общей «военно-морской полиции» для контроля и безопасности Балтики странами, «ощущающими угрозу» со стороны России¹¹⁶.

В целом повышение оборонных расходов уже начинает негативно сказываться на экономике стран ЦВЕ, в т. ч. ведя к росту кредитной задолженности государств (в Польше — более 25 млрд долл. за поставки вооружений из США и Республики Корея), ограничению социальных расходов бюджета и др. Кроме того, мощности оборонных отраслей и укомплектованность армий недостаточны. Многие страны ЦВЕ испытывают трудности с набором военнослужащих, а молодежь не мотивирована. По оценке начальника Генштаба Чехии, средний возраст чешских солдат — 40 лет, а из запланированных на 2030 г. 30 тыс. солдат удастся набрать лишь 24 тыс., и новую технику некому будет применять.

В этой связи приоритетом становятся новые обязательства по коллективной обороне и реагирование на конкретные угрозы, а не теория или выполнение формальных требований. Причем акцент делается на участии стран ЦВЕ (особенно малых) в развитии оборонно-промышленного комплекса ЕС. За последние 2 года, в т. ч. благодаря «европеизации» инвестиций в прежние и новые мощности в Венгрии и Литве, годовой выпуск боеприпасов натовского калибра 155 мм немецким концерном Rheinmetall возрос в 10 раз, а к 2026 г. увеличится еще в 1,4 раза. Особенно быстро наращивает мощности чешская оборонка. Чешский концерн CSG после начала конфликта на Украине резко нарастил производство тяжелых боеприпасов, почти утроил численность персонала на предприятиях в 8 странах и довел выручку до более 1,2 млрд долл., впервые в истории заняв 89-е место среди 100 крупнейших мировых продуцентов оружия. В 2025–2030 гг. подобные тренды, вероятно, сохранятся.

При традиционной единой позиции сохранения и укрепления своего места в ЕС в 2025 г. по ряду важных вопросов, видимо, сохранится, а может и усилится фрагментация стран ЦВЕ, в т. ч. между членами наиболее организованной Вишеградской группы — Венгрией и Словакией, с одной стороны, и Польшей и Чехией — с другой. Расхождения касаются как внутренних вопросов функционирования ЕС — промышленной, сельскохозяйственной и внешнеторговой политики (особенно торгового соглашения ЕС — МЕРКОСУР), так и внешней политики и политики безопасности, в т. ч. причин и перспектив урегулирования российско-украинского конфликта (Польша и Чехия возлагают вину на Россию, Венгрия и Словакия считают вину общей, включая влияние США и НАТО). Официально

¹¹⁶ Tusk, Kristersson forge strategic partnership, pledge 'ironclad' support for Ukraine // Euractiv. 2024. 29.11. <https://www.euractiv.com/section/politics/news/tusk-kristersson-forge-strategic-partnership-pledge-ironclad-support-for-ukraine/>.

подключившись к антироссийским ограничениям коллективного Запада, они фактически частично обходят их, прежде всего по закупкам российских энергоносителей и продаже своей машиностроительной продукции. Причем для скорейшего завершения конфликта страны ЦВЕ (кроме Польши и стран Балтии) фактически допускают территориальные уступки со стороны Украины. Близкую к венгерской и словацкой позицию занимают президент Болгарии Р. Радев и победивший в первом туре президентских выборов в Румынии в 2024 г. К. Джорджеску. В июне 2024 г. Р. Радев заблокировал принятие «Бухарестской девяткой» (созданной для усиления восточного фланга НАТО Болгарией, Венгрией, Латвией, Литвой, Польшей, Румынией, Словакией, Чехией, Эстонией) общей позиции по предоставлению военной помощи Киеву¹¹⁷. С учетом декларированного Д. Трампом акцента на договорно-дипломатическое урегулирование конфликта, «миротворческое» позиционирование в странах ЦВЕ в 2025 г. может активизироваться.

Особое внимание в 2025 г. будет привлечено к Польше, в т. ч. и потому, что, председательствуя в ЕС в I полугодии, она будет влиять на начало адаптации властей Евросоюза к новой администрации США.

Польша

Внутренняя и отчасти внешняя политика Польши в 2025 г. будут в значительной степени определяться подготовкой и результатами главного события электорального цикла 2023–2025 гг. — президентских выборов в мае 2025 г. Предвыборная кампания обещает быть напряженной. В I полугодии 2025 г. политическая жизнь Польши будет сосредоточена вокруг традиционного для страны противостояния кандидатов от 2 противоборствующих партий — К. Навроцкого от партии Я. Качиньского «Право и справедливость» (ПиС) и Р. Тшасковского от партии Д. Туска «Гражданская платформа» (ГП). Хотя, по опросам октября–ноября 2024 г., кандидат от партии премьер-министра Польши Д. Туска опережает ставленника оппозиции, результаты выборов будут зависеть не только от предвыборных кампаний кандидатов, но и от политических успехов правящей коалиции во главе с ГП.

Между тем проведение эффективной внешней политики для нынешнего коалиционного правительства во главе с Д. Туском будет серьезно затруднено несколькими факторами. Главным из них, безусловно, станет «фактор Трампа». Оппозиционная ПиС, как и многие другие правые и популистские партии в странах ЕС, восприняла победу Д. Трампа с воодушевлением. Представители правящей коалиции, глава правительства Д. Туск и министр иностранных дел Польши Р. Сикорский, напротив, не только делали ставку на победу демократов, но и неоднократно публично критиковали Д. Трампа во время его предвыборной кампании¹¹⁸. Установление эффективных контактов с администрацией Д. Трампа окажется поэтому для нынешнего польского правительства непростой задачей. Особенно с учетом возможных попыток ПиС, претендующей на роль главного союзника Трампа в Европе, договориться с новой администрацией США в обход правительства.

¹¹⁷ Bulgarian president blocks common Bucharest Nine position on Ukraine // Euractiv. 2024. 12.06. <https://www.euractiv.com/section/politics/news/bulgarian-president-blocks-common-bucharest-nine-position-on-ukraine/>.

¹¹⁸ Niewygodne słowa Donalda Tuska o Donaldzie Trumpie. Teraz zaprzecza sam sobie // Onet. 2024. 07.11. <https://wiadomosci.onet.pl/kraj/niewygodne-slowa-donald-tuska-o-donaldzie-trumpie-teraz-zaprzecza/wzywq44>.

В целом же для Польши одним из ключевых вопросов станет американская политика в отношении евроатлантического сотрудничества, НАТО и особенно восточного фланга Альянса. Занять четкую позицию в гипотетическом кризисе отношений между США и ЕС Польше пока вряд ли удастся: правительство и глава государства демонстрируют различные подходы к вопросам национальной и евроатлантической безопасности. Если действующий президент Польши А. Дуда убежден, что представления о способности Европы самостоятельно обеспечить свою безопасность являются лишь мечтами¹¹⁹, то премьер Д. Туск после победы Д. Трампа призвал европейских лидеров стремиться к «оборонной самодостаточности» и отказаться от «геополитического аутсорсинга»¹²⁰.

На европейском направлении амбиции Варшавы занять одно из ключевых мест в ЕС на фоне правительственных кризисов в ФРГ и Франции будут, с одной стороны, ограничены собственными внутривластными противоречиями, но с другой — подкреплены председательством Польши в Совете Европейского союза в I полугодии 2025 г. Польская программа председательства сосредоточится на семи измерениях европейской безопасности — от внутренней до информационной и климатической. Однако ключевыми для Польши останутся вопросы военной безопасности, увеличения расходов Евросоюза на свою оборону и энергетики. Польская дипломатия не оставит попыток оживить Веймарский треугольник и реактивировать, с прицелом на заинтересованность администрации Д. Трампа, сотрудничество в рамках региональной «Инициативы трех морей».

С серьезными вызовами Польша столкнется и на украинском направлении. Общим фоном для них станут обещания Трампа завершить украинский конфликт, к чему в Варшаве не готово ни правительство, ни оппозиция. В то же время на фоне снижающейся симпатии поляков к украинским беженцам в Польше и растущего недовольства расходами на помощь Киеву поддержка Украины все больше превращается в один из ключевых вопросов внутривластной борьбы. Кризис в польско-украинских отношениях, начавшийся в 2023 г. с «зернового вопроса» (экспорта украинской сельскохозяйственной продукции в Польшу), в 2024 г. распространился и на область исторической политики. Вплоть почти до конца 2024 г., когда Киев, наконец, пошел навстречу требованиям Варшавы, раздражение руководства Польши вызывала неготовность Киева начать процесс эксгумации жертв Волынской резни. В частности, Д. Туск заявлял, что без решения «Волынского вопроса» Украина не сможет вступить в ЕС¹²¹. Варшава может воспользоваться своим председательством в Совете Евросоюза, чтобы контролировать этот процесс в контексте обсуждения перспектив евроинтеграции Украины. Кроме того, Польше, как стране, которая одной из первых ощутила масштаб проблем, связанных с подключением Киева к рынку ЕС, предстоит выработать стратегию по сопряжению в вопросе поддержки Украины декларируемых геополитических целей и собственных торгово-экономических интересов. Можно ожидать, что в 2025 г. этот процесс в польском обществе и среди политической элиты будет запущен.

¹¹⁹ Prezydent Andrzej Duda: To mrzonka, że Europa sama zapewni sobie bezpieczeństwo // Bankier.pl. 2024. 11.11. <https://www.bankier.pl/wiadomosc/Swieto-niepodleglosci-Duda-To-mrzonka-ze-Europa-sama-zapewni-sobie-bezpieczenstwo-8843117.html>.

¹²⁰ Wencel J. Tusk o wyborach w USA: Era geopolitycznego outsourcingu dobiegła końca // Gazeta Wyborcza. 2024. 02.11. <https://wyborcza.pl/7,75398,31434394,tusk-o-wyborach-w-usa-era-geopolitycznego-outsourcingu-dobiegla.html>.

¹²¹ Donald Tusk reaguje na słowa ukraińskiego ministra. “Jednoznacznie zła ocena” // Onet. 2024. 30.09. <https://wiadomosci.onet.pl/kraj/dmytro-kuleba-mowil-o-wolyniu-jest-reakcja-donalda-tuska/2nd1617>.

Страны Балтии

В странах Балтии в 2025 г. продолжится нарастание внутривластных противоречий, связанных с проблемами в экономике, в т. ч. инфляцией и ростом цен на энергоносители. Как и в 2023–2024 гг., эти проблемы будут негативно отражаться на устойчивости коалиционных правительств трех балтийских республик. Помимо экономических, в странах Балтии сохраняются демографические проблемы, связанные с продолжающимся оттоком населения и депопуляцией региона. Также будут нарастать кризисные явления в общественной жизни: усиление раскола общества, рост недоверия к властям, ксенофобия. Миграционная проблематика в наибольшей степени будет беспокоить власти Литвы в связи с увеличением притока мигрантов из стран Центральной Азии.

Нарастание внутривластных трудностей в Литве, Латвии и Эстонии не скажется на изменении политики их правительств в отношении России. На внешнеполитическом треке можно ожидать требований усилить поддержку Украины со стороны ЕС и активизации собственных усилий стран Балтии по поставке боеприпасов Киеву. На внутреннем — дальнейшего дискриминационного давления на русскоязычные меньшинства в сфере политических прав и образования. Среди наиболее острых вопросов останутся угрозы массовой высылки русскоязычных жителей Латвии, а также усиление давления на православную церковь в Литве и Эстонии с целью официального разрыва их связей с РПЦ.

Смена администрации в США не приведет к пересмотру ориентации Вильнюса, Риги и Таллина на Вашингтон, однако может сделать политику в сфере трансатлантических отношений более гибкой. Страны Балтии будут активнее выступать за дальнейшую интеграцию со структурами Евросоюза, развитие регионального сотрудничества в области безопасности с Польшей и Скандинавией, усиление коллективной обороноспособности восточного фланга ЕС и НАТО. В последнем вопросе основные усилия будут направлены на эффективное завершение процессов развертывания немецкой бригады в Литве, укрепление британского военного присутствия в Эстонии. Все три страны продолжают выступать за дальнейшее повышение расходов на оборону до 3 % — Эстония и Латвия достигли этого показателя в 2024 г.¹²², Литва планирует достичь в 2025 г.

¹²² Bloomberg: восточный фланг НАТО увеличил расходы на оборону до \$70 млрд // ТАСС. 2024. 09.10. <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/22077545>.

БЛИЖНИЙ ВОСТОК И АФГАНИСТАН

Развитие ситуации на Ближнем Востоке в 2025 г. будет характеризоваться высоким уровнем неопределенности. Это обусловлено неурегулированностью конфликтов и сохранением военной напряженности, нарастанием внутренней нестабильности в наиболее уязвимых государствах, ожиданием изменений в американской политике в регионе при администрации Д. Трампа. Для России в новых условиях могут открываться дополнительные возможности и одновременно возникать ряд сложностей в двусторонних отношениях с отдельными региональными акторами.

Конфликты

В 2025 г. нет оснований ожидать урегулирования основных конфликтов на Ближнем Востоке, хотя попытки их разрешения или хотя бы снижения напряженности будут интенсифицироваться. Израильско-палестинский кризис не будет урегулирован в 2025 г. Можно ожидать лишь временных соглашений, которые откроют возможности для расширения гуманитарной помощи и начала восстановления базовой инфраструктуры Сектора Газа. Израильская операция привела к капитальным разрушениям (около 80 %¹²³) жилых зданий, больниц и школ, сетей энерго- и водоснабжения, канализации. Всемирный банк в марте 2024 г. оценивал ущерб в 18,5 млрд долл.¹²⁴

По оценкам ООН, только на расчистку территории потребуется 15 лет и более 650 млн долл.¹²⁵ Более 40 тыс. палестинцев Газы (подавляющее большинство которых — мирные жители) погибли, свыше 90 % (1,9 млн чел.) населения анклава стали внутренне перемещенными лицами¹²⁶, проживающими в наспех сооруженных лагерях. Почти 100 % жителей Газы живут за чертой бедности, рост цен на продовольствие и базовые товары, поставки которых в Сектор по-прежнему ограничиваются израильскими властями, составил почти 250 %¹²⁷. Сектор Газа обречен на зависимость от гуманитарной помощи, высокую степень изоляции и хроническую безработицу. В отсутствие изменений в политической ситуации и в области безопасности экономические проблемы Газы сохранятся, а возможности для самоподдерживающегося роста будут резко ограничены¹²⁸.

Между тем израильская операция в Газе будет продолжаться неопределенное время «до выполнения всех ее целей», полная реализация которых (за исключением освобождения заложников) в силу их размытых формулировок не подразумевает со стороны действующего

¹²³ Krauss J., El Deeb S. Gaza is in ruins after Israel's yearlong offensive. Rebuilding may take decades // AP. 2024. 09.10. <https://www.ap.org/news-highlights/spotlights/2024/gaza-is-in-ruins-after-israels-yearlong-offensive-rebuilding-may-take-decades/>.

¹²⁴ Gaza Strip Interim Damage Assessment: Summary Note // The World Bank. 2024. 29.03. <https://thedocs.worldbank.org/en/doc/14e309cd34e04e40b90eb19afa7b5d15-0280012024/original/Gaza-Interim-Damage-Assessment-032924-Final.pdf>.

¹²⁵ Krauss J., El Deeb S. Gaza is in ruins after Israel's yearlong offensive. Rebuilding may take decades // AP. 2024. 09.10. <https://www.ap.org/news-highlights/spotlights/2024/gaza-is-in-ruins-after-israels-yearlong-offensive-rebuilding-may-take-decades/>.

¹²⁶ Reported impact snapshot: Gaza Strip // OCHA. 2024. 05.11. <https://www.ochaopt.org/content/reported-impact-snapshot-gaza-strip-5-november-2024>.

¹²⁷ Gaza Strip in maps: How a year of war has drastically changed life in the territory // BBC. 2024. 07.10. <https://www.bbc.com/news/world-middle-east-20415675>.

¹²⁸ Ibid.

кабинета под руководством Нетаньяху каких-либо конкретных сроков. Не наблюдается в рядах израильского руководства стремления в кратчайшие сроки закончить «горячую» фазу конфликта. Отсутствует и план действий в отношении Газы (и палестинских территорий в целом) после эвентуального завершения операции¹²⁹.

Все, что относится к завершению конфликта, остается неясным: кто будет обеспечивать управление Газой, где сохранят контроль израильские войска, будут ли введены миротворческие силы с участием арабских государств, начнется ли процесс урегулирования палестинской проблемы. Судя по всему, новая администрация Трампа, несмотря заявления о готовности остановить конфликт, вряд ли сможет это сделать. В лучшем случае речь может идти о завершении широкомасштабных активных военных действий и о некоторой стабилизации обстановки, что даст части беженцев возможность вернуться в свои дома.

Вероятность сохранения достигнутого в конце ноября 2024 г. перемирия на ливанской границе очень высока. В проект о прекращении огня включили переходный период, в течение которого израильские военные будут выведены из южного Ливана, ливанская армия разместится в районах, близких к границе, а Хезболла отведет свои тяжелые вооружения к северу от реки Литани.

Соглашение о перемирии предусматривает создание возглавляемого США комитета по надзору за выполнением его условий и устранению нарушений. США согласились предоставить Израилю письмо с гарантиями, которое включает поддержку израильских военных действий против угроз с территории Ливана, включая восстановление военного присутствия Хезболлы вблизи границы или контрабанду тяжелого вооружения¹³⁰.

Все это должно обеспечить возвращение в свои дома жителей юга Ливана и севера Израиля. Вместе с тем нельзя полностью исключить вероятность обострений. В случае если окончательное примирение между Ливаном и Израилем не будет достигнуто в 2025 г., Хезболла может продолжить наносить отдельные военные удары по Израилю, вызывая с его стороны ответную реакцию. Судя по всему, Израиль не зря заручился гарантиями поддержки США, которые должны послужить дополнительным сдерживающим фактором для Хезболлы. Военная активность на границе (если она приобретет серьезные масштабы) может привести к усилению социального напряжения в Ливане, особенно среди той части населения, которая выступает против доминирования Хезболлы в политической жизни.

В Сирии свержение режима Башара Асада в декабре 2024 г. поставило страну в ситуацию опаснейшего дисбаланса. Территория разделена между различными фракциями. На севере и северо-востоке доминируют курдские формирования, поддерживаемые США. Северо-западная часть находится под контролем протурецких группировок, тогда как центральные и южные районы охвачены хаосом из-за противостояния исламистских группировок, таких как

¹²⁹ Ibish H. Sinwar's Death Changes Nothing // The Atlantic. 2024. 19.10. <https://www.theatlantic.com/international/archive/2024/10/sinwars-death-changes-nothing/680304/>.

¹³⁰ Ravid B. US believes Israel-Hezbollah ceasefire deal reached: senior official // Axios Media. 2024. 25.11. <https://www.axios.com/2024/11/25/israel-lebanon-near-hezbollah-ceasefire-deal>.

Хайят Тахрир аш-Шам¹³¹, и других фракций оппозиции. Это создает серьезные препятствия для формирования единой системы управления и восстановления суверенитета.

Сирийский кризис будет иметь серьезные международные последствия. Для Ливана сирийские события связаны с новыми гуманитарными вызовами: приток беженцев из Сирии создает нагрузку на социальную инфраструктуру. Однако ослабление сирийско-иранского альянса, а также Хезболлы открывает новые возможности для Бейрута в отношениях с арабскими странами, дает больше свободы для решения задач восстановления страны и укрепления политической системы.

Для Ирана потеря ключевого союзника в лице Асада может иметь серьезные последствия. В сложившейся ситуации Тегеран постарается усилить поддержку своих прокси в регионе, чтобы сохранить свое влияние, особенно в Ливане и Ираке. Для Ирака ситуация остается сложной. Усиление радикальных группировок в Сирии угрожает безопасности на его границах. Возможны усиление пограничного контроля и проведение совместных операций с международными партнерами.

Для Саудовской Аравии и монархий Залива смена власти в Сирии чревата рисками усиления ультрарадикальных идей и настроений. Саудовская Аравия, вероятно, сосредоточится на поддержке умеренных группировок внутри Сирии. Кроме того, она может активизировать инвестиции в восстановление разрушенной инфраструктуры, связывая это с продвижением своего видения регионального порядка. Восстановление Сирии может стать важным элементом стратегии Саудовской Аравии по укреплению ее роли как лидера арабского мира.

Для Турции Сирия остается важным элементом ее внешней политики в регионе, а также имеет острое внутривнутриполитическое измерение в связи с пребыванием на ее территории 3,5 млн сирийских беженцев и проблемой терроризма со стороны Рабочей партии Курдистана (РПК), которая, по мнению турецких властей, сотрудничает с сирийскими курдами. Анкара может воспользоваться сменой власти в Дамаске, реализованной при ее поддержке, для укрепления своих позиций в северной Сирии и противодействия любым автономистским устремлениям курдов.

Однако конфликты турецкой армии с курдскими формированиями и радикальными группировками будут угрожать стабильности приграничных районов. Смена режима в Сирии предоставляет Израилю шанс на ослабление иранского влияния в регионе. Однако усиление исламистских группировок, таких как ХТШ, вызывает превентивные действия со стороны Израиля. Он объявил о намерении сохранять военное присутствие в буферной зоне на Голанских высотах до получения гарантий безопасности на границе с Сирией. В 2025 г. израильская армия закрепится на новых рубежах и продолжит бомбежки военных объектов Сирии. США будут поддерживать курдские формирования, контролирующие нефтяные регионы. Усиление хаоса в Сирии может потребовать от Вашингтона более активных действий (политических, военных, экономических), чтобы предотвратить дальнейшее углубление кризиса. В этом контексте вывод войск США из Сирии представляется крайне маловероятным.

¹³¹ Запрещена в РФ.

Россия сохраняет шансы остаться важным игроком в Сирии. Не исключено, что новая власть в Дамаске обратится к России с просьбами о поддержке. Москва, со своей стороны, может предложить поставки зерна для решения продовольственных проблем, а также некоторых объемов топлива. Россия имеет потенциал для участия в восстановлении технической базы регулярной сирийской армии. Это поможет новой власти создать эффективные вооруженные силы, способные обеспечить контроль над территорией. Кроме того, Россия обладает опытом в восстановлении инфраструктуры и поддержании базовых социальных услуг. При этом Москва сталкивается с неопределенностью относительно сохранения своих военных баз. Новый сирийский режим может пересмотреть условия присутствия российских сил, что станет серьезным вызовом для российской политики на Ближнем Востоке. Вместе с тем заинтересованность в налаживании отношений с Россией по различным направлениям может побудить новую власть с большим пониманием отнестись к российским интересам.

Конфликт в Ливии с высокой вероятностью останется в замороженном состоянии. Раскол страны на Киренаику (восток) и Триполитанию (запад) сохранится. Противоборствующие стороны, Ливийская национальная армия (Бенгази) и Правительство национального согласия (Триполи), не располагают ресурсами для проведения наступательных операций, а их внешние спонсоры, ОАЭ и Турция соответственно, не заинтересованы в возобновлении боевых действий. В свете начавшихся в 2024 г. контактов между Турцией и командующим ЛНА Халифой Хафтаром можно ожидать попыток возобновления межливийского диалога в интересах национального примирения, проведения выборов главы государства и восстановления единства страны.

Кризис в Йемене сохранит два измерения — внутреннее и внешнее. Динамика внутреннего конфликта (противостояние международно признанного правительства и движения «Ансар Алла») будет зависеть от развития отношений между Саудовской Аравией и Ираном, которые являются основными внешними спонсорами враждующих сторон. При условии сохранения разрядки по линии Эр-Рияд — Тегеран возобновление гражданской войны маловероятно. При этом с высокой вероятностью продолжатся антиизраильские акции хуситов. Не исключены как новые удары по самому Израилю с территории, подконтрольной «Ансар Алла», так и операции против коммерческого судоходства. Баб-эль-Мандебский пролив останется зоной боевых действий, несмотря на сокращение присутствия там военно-морских сил европейских стран.

Проблема Западной Сахары, за контроль над которой борются Марокко и поддерживаемый Алжиром Фронт ПОЛИСАРИО, де-юре останется неразрешенной. Вероятность начала широкомасштабных военных действий с обеих сторон низкая. Будет идти процесс закрепления статус-кво, когда приблизительно две трети данной территории остаются под контролем Рабата. Марокко продолжит продвигать план, подразумевающий включение Западной Сахары в состав королевства на условиях широкой автономии. Данный план уже поддержала Испания, многие африканские государства, а в октябре 2024 г. в ходе своего визита президент Франции Эммануэль Макрон также заявил, что будущее Западной Сахары возможно только в составе Марокко¹³². Более того, также в октябре 2024 г. специальный

¹³² La France réaffirme la souveraineté marocaine sur le Sahara occidental mais l'imbroglio juridique reste intact // Le Monde. 2024. 30.10. https://www.lemonde.fr/afrique/article/2024/10/30/la-france-reaffirme-la-souverainete-marocaine-sur-le-sahara-occidental-mais-l-imbroglio-juridique-reste-intact_6366771_3212.html.

представитель ООН Стефан ди Мистура предложил свой план, согласно которому территория Западной Сахары будет разделена на две части: северная окажется в составе Королевства Марокко, а южная станет независимым государством¹³³. Впрочем, предложение спецпредставителя было отвергнуто обеими сторонами конфликта.

В Судане продолжится гражданская война между Вооруженными силами (ВС) под руководством Абдель Фаттаха аль-Бурхана и Силами оперативной поддержки (СБР) под командованием Мухаммада Хамдана Дагло. Ни одна из сторон не располагает ресурсами, чтобы одержать решительную военную победу. Активное вовлечение в данный конфликт внешних игроков (Саудовская Аравия, ОАЭ, Египет) значительно усложнило ситуацию, что делает урегулирование в 2025 г. маловероятным, хотя не исключены попытки договориться о прекращении огня или локальных гуманитарных перемириях. Следует также ожидать дальнейшего ухудшения гуманитарной ситуации как в самом Судане, так и в соседних странах.

Экономические тенденции

В 2025 г. основные экономические тенденции в странах БСВ будут обусловлены сочетанием неблагоприятной геополитической обстановки (продолжающимся противостоянием по линии Россия — западные страны, Китай — США, Иран — Израиль, региональными конфликтами и зонами тлеющей нестабильности) и сложной ситуацией в мировой экономике (включая возможный избыток предложения нефти и СПГ, нестабильный рост китайской экономики, вызовы четвертого энергоперехода и общую политизацию вопросов поставок энергоносителей), а также неопределенными перспективами внутренних реформ, направленных на приспособление экономик стран БСВ к текущим и новым вызовам¹³⁴. Отдельный вызов для экономик стран БСВ будет представлять деятельность администрации Д. Трампа, которая может как ухудшить, так и улучшить положение ряда стран¹³⁵.

На этом фоне в ближайший год основные усилия наиболее состоятельных стран БСВ (в первую очередь арабских монархий Персидского залива) будут направлены на реализацию следующих задач:

1. Сохранение конкурентоспособности собственного нефтегазового сектора на фоне растущего соперничества на традиционных для них азиатских рынках сбыта. В этой связи можно ожидать активизацию контактов и инвестиционного сотрудничества с основными азиатскими игроками; наращивание добывающих мощностей с сокращением или поддержанием низкой себестоимости производства; взаимодействие с игроками в рамках ОПЕК+ для сохранения приемлемого уровня цен; наращивание внутреннего потребления (а,

¹³³ UN envoy proposes Western Sahara partition plan // Reuters. 2024. 17.10. <https://www.reuters.com/world/africa/un-envoy-proposes-western-sahara-partition-plan-2024-10-17/>.

¹³⁴ Statistical Review of World Energy. 73rd edition // Energy Institute. 2024. https://www.energyinst.org/_data/assets/pdf_file/0006/1542714/684_EI_Stat_Review_V16_DIGITAL.pdf; Ingram J. IEA Warns Of Global Economy Concerns Ahead of OPEC+ Meeting // MEES. 2024. 17.05. <https://www.mees.com/2024/5/17/opec/iea-warns-of-global-economy-concerns-ahead-of-opec-meeting/6c894920-1457-11ef-86f7-154b01e295d7>.

¹³⁵ Salih Mohammed A. Between Activism and Isolationism: What to Expect From Trump's Middle East Policy // Foreign Policy Research Institute. 2024. 15.11. <https://www.fpri.org/article/2024/11/trump-second-term-middle-east-policy/>.

по возможности, и производства) природного газа и возобновляемых источников энергии (ВИЭ) для максимизации экспортных объемов нефти¹³⁶;

2. Ускорение процессов диверсификации экономик за счет реализации крупномасштабных проектов и инвестиций в такие секторы, как туризм, финансы, ВИЭ и высокие технологии. Особое внимание будет уделено инвестициям (как внутренним, так и зарубежным) в развитие нефтехимического сектора. За пределами стран ССАГПЗ существенные усилия по диверсификации экономик будут приложены в Алжире. В ряде других стран (Египет, Ирак) эти процессы столкнутся с финансовыми и структурными сложностями¹³⁷;

3. Расширение спектра инициатив по развитию и использованию ВИЭ, в том числе и при добыче нефтегазовых ресурсов, производстве СПГ и нефтехимической продукции. Страны БСВ будут активно участвовать в «зеленых» инициативах, в том числе и с собственной моделью «углеводородной экономики замкнутого цикла». За пределами стран Персидского залива особое внимание развитию ВИЭ будет уделяться в Марокко и Египте¹³⁸;

4. Нарращивание инвестиций в цифровую экономику. Саудовская Аравия, ОАЭ и Египет создают технологические центры для привлечения глобальных инвесторов и талантов, уделяя особое внимание искусственному интеллекту, финансовым технологиям и инициативам по созданию умных городов¹³⁹;

5. Усиление как внутрирегионального сотрудничества, так и взаимодействия по линии страны БСВ — Глобальный Юг. Перспективным вопросом будет увеличение поставок энергоносителей внутри региона БСВ, а также развитие транспортных коридоров и формирование субрегиональных энергетических узлов (внутри ССАГПЗ, ССАГПЗ — Ирак, ССАГПЗ — Левант). На этом фоне в 2025 г. особенно заметно будет расти экономическое присутствие на БСВ Китая и Индии. Усилится взаимодействие стран БСВ с государствами Африки. Также более ориентированные на ЕС Марокко, Алжир и Египет могут попробовать развивать торговое и инвестиционное сотрудничество с Европой. Отдельным вопросом для стран Южного и Восточного Средиземноморья останется вопрос формирования энергетических хабов, в том числе с участием европейцев¹⁴⁰;

6. Национализация рабочей силы в условиях молодого и растущего населения ряда стран региона (КСА), а также складывающегося в ряде государств (Катар) ощущения угрозы традиционным ценностям со стороны сообщества экспатов. В странах ССАГПЗ с минимальным количеством местного населения этот процесс может приобретать форму арабизации и исламизации рабочей силы¹⁴¹;

¹³⁶ Kozhanov N. Securitization of the Energy Transition and the Interests of the GCC Oil Producers // Orient. 2024. № 3.

¹³⁷ Sim Li-Chen. “The Gulf states: Beneficiaries of the Russia-Europe energy war?” // Middle East Institute. 2023. 12.01. <https://www.mei.edu/publications/gulf-states-beneficiaries-russia-europe-energy-war>.

¹³⁸ Renewable capacity statistics 2024 // International Renewable Energy Agency. 2024. <https://www.irena.org/Publications/2024/Mar/Renewable-capacity-statistics-2024>.

¹³⁹ Arab Federation for Digital Economy. al-Muashir al-Arabii lil-Iqtisad al-Raqmii. 2024. Abu Dhabi, 2024. 517 p.

¹⁴⁰ Ali Layla. Gulf Investments in China: A New Era of Strategic Partnerships // ISPI. 2024. 18.06. <https://www.ispionline.it/en/publication/gulf-investments-in-china-a-new-era-of-strategic-partnerships-177971>; Ingram J. Saudi Red Sea Crude Exports To Europe Soar // MEES. 2024. 22.03. <https://www.mees.com/2024/3/22/opec/saudi-red-sea-crude-exports-to-europe-soar/a7e6cd50-e860-11ee-8ef9-1f9ceedbcbbf>.

¹⁴¹ Winckler O. Numbers Increasing, Dependence Decreasing: the GCC Changing Labor Immigration Emphasis // Gulf Research Center. 2024. <https://gulfmigration.grc.net/numbers-increasing-dependency-decreasing-the-gcc-changing-labor-immigration-emphasis/>.

7. Развитие туристической индустрии как одного из двигателей экономической диверсификации. Саудовская Аравия, Катар и ОАЭ вкладывают значительные средства в инфраструктуру, культурные мероприятия и гостиничный бизнес, чтобы привлечь как из стран БСВ, так и из других регионов. Эти тенденции отражают значительный сдвиг в сторону открытия стран региона, по мере того как они адаптируются к новым экономическим реалиям, позиционируя себя как конкурентоспособные и устойчивые экономики в сложных глобальных условиях¹⁴².

Для Ирака, Египта, Туниса и Марокко актуальность сохраняют вопросы проведения структурных экономических реформ, направленных на сокращение госдолга и бюджетного дефицита, увеличение прозрачности системы госрасходов, улучшение условий деятельности частного бизнеса и привлекательности стран для внешнего инвестирования.

Страны Северной Африки в меньшей степени затронуты негативными последствиями кризиса в Газе, но они также будут испытывать экономические трудности из-за колебаний мировых цен на сырье и возможных сбоях в цепочках поставок, что в конечном счете негативно скажется на темпах их экономического роста¹⁴³.

Наиболее серьезные социально-экономические потрясения ждут в 2025 г. Сирию и Ливан, и их последствия в настоящее время не представляется возможным оценить.

Египет в 2025 г. будет сталкиваться с вызовами в энергетическом секторе. Снижение объемов добычи газа и рост внутреннего потребления создают предпосылки для энергетического кризиса, который создаст дополнительное давление на экономику страны¹⁴⁴. Страна будет вынуждена наращивать закупки сжиженного природного газа (СПГ), что чревато истощением валютных резервов в условиях общего ослабления египетского фунта и ограниченного доступа к внешнему финансированию.

В краткосрочной перспективе экономические трудности могут привести к росту социальной напряженности и усилению протестных настроений. Однако правительство Египта, вероятно, будет применять жесткие меры для минимизации масштабов протестов.

Египет будет стремиться привлекать капитал из стран Персидского залива. В 2025 г. укрепление связей с Саудовской Аравией и ОАЭ останется приоритетом. Эти страны продолжают поддерживать Египет финансово, но также будут настаивать на координации позиций по региональным вопросам. Рост участия Египта в инициативах БРИКС+ может стать драйвером экономического сотрудничества с Китаем¹⁴⁵.

¹⁴² Koechling J. G. Tourism in the GCC // Roland Berger Middle East. 2024. <https://www.rolandberger.com/en/Insights/Publications/Tourism-in-the-GCC.html>.

¹⁴³ Regional Economic Outlook. Middle East and Central Asia. Navigating the Evolving Geoeconomic Landscape // The International Monetary Fund. 2024. <https://www.imf.org/en/Publications/REO/MECA/Issues/2024/10/24/regional-economic-outlook-middle-east-central-asia-october-2024>.

¹⁴⁴ Египет рискует не преодолеть кризис из-за нехватки газа // ИА «Африканская инициатива». 2024. <https://afrinz.ru/2024/04/egipet-riskuet-ne-preodolet-krizis-iz-za-nehvatki-gaza/>.

¹⁴⁵ Ismaili-Bastien S. Egypt's Entry into BRICS+: Implications for Corporate Governance in Emerging Markets // The European Corporate Governance Institute. <https://www.ecgi.global/publications/blog/egypts-entry-into-brics-implications-for-corporate-governance-in-emerging-markets>; Khalid M. Egypt officially in BRICS: What should we expect? // Ahram Online. 2024. 05.01. <https://english.ahram.org.eg/NewsContent/3/12/515127/Business/Economy/Egypt-officially-in-BRICS-What-should-we-expect.aspx>.

Для Турции основным вызовом станет задача по выходу из экономического кризиса, с которым правительство борется уже несколько лет. В ноябре 2024 г. Центральный банк Турции повысил свой прогноз по инфляции, которая превышает 48 % в годовом выражении. Если ранее эксперты ЦБ рассчитывали, что в 2025 г. размеры инфляции удастся снизить до 14 %, то новый прогноз предполагает инфляцию на уровне 21 %¹⁴⁶. Международные институты ожидают замедления темпов роста турецкой экономики в 2025 г. Согласно прогнозу МВФ, в 2024 г. темпы роста составят 3 %, а в 2025 г. понизятся до 2,7 %¹⁴⁷. Тот же прогноз предполагает, что безработица в Турции в 2025 г. сохранится на уровне 9,6 %¹⁴⁸.

Экономические перспективы Ирана на 2025 г. в целом негативны. Экономический рост все еще возможен за счет экспорта энергоносителей, региональных партнерств и инвестиций во внутреннюю промышленность, но политические и экономические риски остаются высокими. Многие зависят от геополитических событий, в частности от санкций и способности Ирана использовать альтернативные экономические партнерства для смягчения экономического давления Запада. В целом на конец 2024 г. эксперты исходили из того, что страна смогла приспособиться к жизни в условиях санкций и существенно ухудшить ее положение через этот рычаг уже невозможно. Однако с учетом переизбрания Д. Трампа ситуация может поменяться. Новый американский президент готов на куда более жесткие шаги в отношении ИРИ, что может привести к новым трудностям в и без того достаточно экономически ослабленной стране¹⁴⁹.

В Израиле экономические проблемы будут нарастать. Международный валютный фонд (МВФ) прогнозирует снижение экономического роста Израиля до 0,7 % к концу 2024 г., что значительно ниже предыдущих ожиданий в 1,6 %. Корректировка связана с опасениями по поводу непредсказуемого влияния региональных конфликтов на экономику Израиля.

Помимо снижения экономического роста, МВФ изменил прогноз и в отношении инфляции. Ожидается, что в 2024 г. уровень инфляции достигнет 3,1 %, что выше предыдущего прогноза в 2,4 %, а также превышает установленный правительством Израиля желательный диапазон 1–3 %. Инфляционные ожидания касательно 2025 г. также были увеличены с 2,5 до 3 %¹⁵⁰. Возможны долгосрочные негативные последствия для экономической стабильности Израиля, включая падение кредитного рейтинга и рост долговых ставок. Отсутствие экономической стабильности может привести к массовому оттоку инвестиционного капитала, что усугубит экономический кризис в Израиле.

¹⁴⁶ Центробанк Турции повысил прогнозы инфляции на 2024 и 2025 годы // Интерфакс. 2024. 08.11. <https://www.interfax.ru/business/990828>.

¹⁴⁷ IMF, Türkiye'nin 2025 yılında %2,7 büyümesini bekliyor // EKOTÜRK. 2024. 24.10. [https://www.ekoturk.com/haberler/imf-turkiyenin-2025-yilinda-27-buyumesini-bekliyor/#:~:text=Uluslararası%20Para%20Fonu%20\(IMF\)%2C,%252%2C7%20olarak%20kald%C4%B1](https://www.ekoturk.com/haberler/imf-turkiyenin-2025-yilinda-27-buyumesini-bekliyor/#:~:text=Uluslararası%20Para%20Fonu%20(IMF)%2C,%252%2C7%20olarak%20kald%C4%B1).

¹⁴⁸ Ibid.

¹⁴⁹ Iran Economic Monitor, Spring 2024 : Sustaining Growth Amid Rising Geopolitical Tensions — With a Special Focus: Recent Poverty and Inequality Trends in Iran (2020–2022) // The World Bank. 2024. <https://documents.worldbank.org/en/publication/documents-reports/documentdetail/099051007102421530/idu1398008291628d14b5a1a9f91728b946987e4>.

¹⁵⁰ World Economic Outlook. Policy Pivot, Rising, Threats. October 2024 // The International Monetary Fund. <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2024/10/22/world-economic-outlook-october-2024>.

В негативном сценарии экономика Израиля в 2025 г. может перейти в стадию рецессии. В связи с увеличением оборонных расходов и снижением налоговых поступлений бюджетное давление останется высоким.

ВВП и национальные бюджеты

По расчетам и прогнозам мировых финансовых институтов^{151, 152}, прирост реального ВВП в странах ССАГПЗ в 2025 г. составит примерно 4,2 %. Ускорение темпов прироста связано с постепенным отказом от добровольного сокращения добычи нефти, которое начнется с декабря 2024 г. Однако даже в условиях увеличения цен на нефть страны ССАГПЗ ощутят сокращение профицита государственного бюджета в 2025 г. до 0,2 % ВВП по сравнению с 0,5 % в 2023 г. Необходимо отметить, что профицитный государственный бюджет сохранится в Омане, Катаре и ОАЭ. Такая ситуация будет поддерживаться благодаря стабильности государственных доходов от экспорта газа, которые обеспечены долгосрочными контрактами в случае с Катаром, а в ОАЭ — успехами в диверсификации экономики. В Саудовской Аравии, Кувейте и Бахрейне государственные бюджеты останутся дефицитными из-за увеличения расходов на оплату труда, различные гранты, субсидии, программы развития и диверсификации экономики, а также в случае с КСА на финансирование мегапроектов.

Темпы прироста реального ВВП в 2025 г. в остальных странах региона будут выглядеть следующим образом: в Иране 2,9 %, в Ираке 4 %, в Египте 3,5 %, в Иордании 2,6 %, в Ливии 10,7 %, в Йемене 1,5 %. Резкое сокращение ожидает сирийскую экономику из-за последствий силового свержения режима и общей нестабильности.

Все нефтегазовые страны в 2025 г. столкнутся с дефицитом государственного бюджета на среднем уровне в 4,6 %. Такая ситуация связана с увеличением объемов выплат социальных субсидий, ростом уровня бедности в данной группе стран и сокращением туристического потока. Нет оснований ожидать, что в 2025 г. ситуация изменится.

Страновые перспективы

Монархии Залива

Ключевым принципом, определяющим региональную и в целом внешнюю политику монархий Залива, остается приверженность прагматизму и стремление к деэскалации, недопущению большой войны на Ближнем Востоке во имя главной цели — обеспечения успешного социально-экономического развития. Показательной в этом отношении представляется позиция монархий в отношении кризиса в Палестине, переросшего в наземную операцию на юге Ливана и обмен ракетными ударами между Израилем и Ираном.

Руководство монархий (в особенности Саудовской Аравии и ОАЭ) сохраняет нейтралитет и последовательно выступает с призывами к мирному урегулированию и решению острых

¹⁵¹ Middle East and North Africa Economic Update — October 2024 // The World Bank. 2024. <https://www.worldbank.org/en/region/mena/publication/middle-east-and-north-africa-economic-update>.

¹⁵² World Economic Outlook. Policy Pivot, Rising, Threats. October 2024 // The International Monetary Fund. 2024. <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2024/10/22/world-economic-outlook-october-2024>.

гуманитарных проблем. Аравийские монархии участвуют в поставках гуманитарной помощи в Газу, переговорах о прекращении огня, освобождении израильских заложников и палестинских заключенных. Катар превратился в одного из ключевых медиаторов в палестино-израильских переговорах, пользуясь своими особыми отношениями с движением ХАМАС.

Монархии Залива постарались занять сбалансированную позицию после ударов Израиля по территории Ирана 26 октября 2024 г. Лидеры «аравийской шестерки» выступили с осуждением «нарушений иранского суверенитета и территориальной целостности», но «осуждение» было сконцентрировано не столько на Израиле, сколько на возможных разрушительных последствиях израильских ударов, «угрожающих стабильности и безопасности в регионе». При этом подчеркивалась необходимость недопущения дальнейшей «эскалации конфликта и роста насилия», а также призывы к конфликтующим сторонам проявлять «сдержанность»¹⁵³.

Следует ожидать дальнейшего активного продвижения монархиями Залива, провозгласившими свой «нейтралитет»¹⁵⁴ в израильско-иранской эскалации, тенденций к «нормализации» в отношениях с Ираном, контакты с которым (особенно со стороны Эр-Рияда) на высоком и высшем уровне заметно участились в октябре на различных площадках — на полях саммитов БРИКС+ в Казани и Диалога азиатского сотрудничества в Дохе, визитов иранского министра иностранных дел в пять из шести монархий Залива¹⁵⁵.

Антииранская позиция новой администрации Трампа, скорее всего, не станет препятствием для «нормализации» отношений аравийских монархий с Тегераном. Эти страны успели убедиться в неэффективности и разрушительности в первую очередь для них самих политики «максимального давления», которую проводила прошлая администрация Трампа¹⁵⁶. Поэтому следует ожидать, что монархии Залива будут пытаться смягчить курс новой американской администрации по отношению к Тегерану.

В целом приверженность монархий Залива сотрудничеству с США, которые по-прежнему являются для них основным гарантом безопасности и одним из важнейших поставщиков технологий, больше не рассматривается их лидерами как ограничивающий фактор при решении приоритетных для них задач внешней политики. Скорее, они будут настойчиво требовать особых преференций, все более уверенно разговаривая с Вашингтоном почти на равных, демонстрируя независимость, самостоятельность и, что более важно, свою принципиальную полезность для США как партнеров по безопасности.

Параллельно сотрудничеству с США продолжают развиваться отношения монархий Залива с крупнейшими странами незападного мира. Наибольшую активность на этом направлении

¹⁵³ Kouachi I.I. Arab nations condemn Israeli strikes on Iran // Anadolu Agensi. 2024. 26.10. <https://www.aa.com.tr/en/middle-east/arab-nations-condemn-israeli-strikes-on-iran/3375245>.

¹⁵⁴ Ibish H. Gulf Countries Seek to Avoid Getting Drawn Into the Israel-Iran Confrontation // AGSIW. 2024. 11.10. <https://agsiw.org/gulf-countries-seek-to-avoid-getting-drawn-into-the-israel-iran-confrontation/>.

¹⁵⁵ Ulrichsen K.C. Gulf States Choose Diplomacy Facing Region on Fire // AGSIW. 2024. 01.11. <https://agsiw.org/gulf-states-choose-diplomacy-facing-region-on-fire/>.

¹⁵⁶ Ibish H. Gulf Countries Seek to Avoid Getting Drawn Into the Israel-Iran Confrontation // AGSIW. 2024. 11.10. <https://agsiw.org/gulf-countries-seek-to-avoid-getting-drawn-into-the-israel-iran-confrontation/>.

проявляют (и будут проявлять) ОАЭ, расширяющие географию соглашений о всеобъемлющем экономическом партнерстве¹⁵⁷.

Сотрудничество с Китаем будет наращиваться не только в традиционных сферах углеводородной энергетики и торговли. Так, расширяется деятельность китайских компаний, в первую очередь в ОАЭ и Саудовской Аравии, в области солнечной энергетики: в ОАЭ в сотрудничестве с Китаем была запущена крупнейшая в мире солнечная станция Аль-Дафра, реализуются планы по созданию новых станций в рамках развития промышленной зоны Халифа в Абу-Даби, в Дубае открыта Академия солнечной энергетики; в Саудовской Аравии при китайском участии началось строительство солнечной энергостанции, достигнуты договоренности о реализации новых объектов в области производства солнечной энергии и энергохранения¹⁵⁸. В этой связи следует ожидать усиления давления со стороны новой администрации Трампа на монархии Залива (в первую очередь ОАЭ и Саудовскую Аравию) с целью ограничения их сотрудничества с Китаем.

Сохранит значимость для монархий Залива и сотрудничество с Россией. В первую очередь это касается сохранения договоренностей в рамках ОПЕК+, причем, по некоторым оценкам¹⁵⁹, их взаимодействие с Москвой не встретит сопротивления со стороны администрации Трампа. Важным для монархий Залива также остается привлечение России к урегулированию конфликтов (в первую очередь решению палестинской проблемы, деэскалации ирано-израильского противостояния и стабилизации ситуации в Сирии).

Сирия

Перспективы развития событий в Сирии отличаются высоким уровнем неопределенности. Вероятнее всего, Сирия в 2025 г. останется разделенной на зоны влияния, где различные силы будут продолжать конкурировать за контроль над ключевыми регионами, нефтяными месторождениями и стратегическими городами. В этих условиях возрастают риски гуманитарного кризиса, массовой миграции и локальных конфликтов.

Наиболее оптимистичный сценарий предполагает создание инклюзивного переходного правительства, которое сможет интегрировать все основные группы, включая этнические и религиозные меньшинства. Этот вариант может быть реализован только при значительной международной поддержке, включая дипломатическую активность, финансовые вливания, обеспечение безопасности и предоставление базовых социальных услуг. Принимая во внимание глубокие противоречия между оппозиционными фракциями и нарастающий хаос, реализация этого сценария представляется затруднительной.

Самый опасный сценарий предусматривает усиление наиболее радикальных исламистских группировок, у которых идейные установки традиционно доминируют над прагматическими соображениями. Это приведет к дальнейшему разрушению государственных институтов и усилению экстремизма в стране и за ее пределами.

¹⁵⁷ Mason R. The UAE Leads the Way on Gulf-South America Ties // AGSIW. 2023. 19.12. <https://agsiw.org/the-uae-leads-the-way-on-gulf-south-america-ties/>.

¹⁵⁸ Calabrese J. China's Expanding Solar Footprint in the Gulf. // AGSIW. 2024. 13.09. <https://agsiw.org/chinas-expanding-solar-footprint-in-the-gulf/>.

¹⁵⁹ Ibish H. For Gulf Countries, There May Be No Clear Preference Between Trump and Harris // AGSIW. 2024. 07.10. <https://agsiw.org/for-gulf-countries-there-may-be-no-clear-preference-between-trump-and-harris/>.

Турция

Анкара продолжит стратегию балансирования между Россией и странами Запада на мировой арене. Перспективы потепления отношений между Анкарой и Вашингтоном после избрания нового президента будут зависеть от решения болезненного для Турции вопроса о военном сотрудничестве Вашингтона с сирийскими курдами (YPG). Не меньшую сложность будет представлять урегулирование разногласий в подходах сторон к отношениям с Ираном и израильско-палестинскому конфликту. Вместе с тем очевидно, что руководство Турции и США будет пытаться перезагрузить отношения, которые находятся не в лучшем состоянии.

Российско-турецкое взаимодействие на международной арене по-прежнему будет выстраиваться в духе прагматичного партнерства с опорой на совпадающие интересы в ряде сфер и с учетом необходимости нейтрализации существующих противоречий. Разница в подходах двух стран к некоторым международным конфликтам будет определять наличие потенциала роста напряженности, особенно в связи с турецкими поставками оружия Украине.

В 2025 г. Турция продолжит свою региональную активность и будет стремиться к расширению своего влияния, используя как инструменты дипломатии и культуры, так и опираясь на фактор силы. Неурегулированность проблемы Кипра и турецко-греческих противоречий в районе Эгейского моря будет создавать перманентный риск роста напряженности между Анкарой и Афинами, однако стороны будут стремиться ограничивать ее масштабы.

Анкара не только сохранит готовность противодействовать устремлениям сирийских курдов, в том числе посредством односторонних трансграничных военных операций, но и продолжит поддержку сил вооруженной оппозиции в Сирии, которые в декабре 2024 г. свергли режим Башара Асада. Турция хотела бы сохранить за собой ведущую роль в Сирии, внедрив систему управления, которую она использовала в контролируемых северных районах, а также приняв участие в восстановлении страны при помощи своего строительного сектора. Задача по возвращению из Турции 3,5 млн сирийских беженцев наделяет Анкару дополнительными возможностями для участия в ситуации в Сирии. В сложившихся условиях диалог с Турцией остается для России важнейшим форматом обсуждения как сирийских, так и других региональных проблем.

Турция сохранит высокую заинтересованность в особых отношениях с тюркскими странами и продолжит политику стимулирования развития связей между ними в соответствии со Стратегией 2040¹⁶⁰ Организации тюркских государств (ОТГ), что при определенных условиях может создавать конкуренцию российским проектам сотрудничества с этими государствами.

Экономическая ситуация в Турции также останется в фокусе внимания России по причине роста значения экономического сотрудничества между двумя странами в условиях напряженности в отношениях между Россией и Западом. Усугубление кризиса в Турции

¹⁶⁰ Turkic World Vision 2040 // Organization of Turkic States. 2021. 13.11. <https://www.turkicstates.org/assets/pdf/haberler/turkic-world-vision-2040-2396-97.pdf>.

может создать экономические риски и для России, в частности в вопросах оплаты поставок российского природного газа, который импортирует Анкара.

Иран

В 2025 г., в условиях санкционного давления и геополитической напряженности, Тегеран продолжит усилия по расширению экономических и политических связей с незападными партнерами и наращиванию своего присутствия в международных организациях. Во внешней политике Иран сохранит ориентацию на стратегических партнеров, таких как Россия и Китай, в том числе в рамках БРИКС+ и ШОС.

Иран постарается сохранить разрядку в отношениях с монархиями Персидского залива. Возможны новые переговоры с Саудовской Аравией, однако маловероятно, что Тегеран согласится на существенные уступки, несмотря на ослабление своих позиций в Сирии после свержения дружественного ему режима. Учитывая решение об увеличении военных расходов в 2025 г. на 200 %, можно ожидать, что Иран направит эти средства на укрепление своих оборонительных способностей, а также на помощь союзникам в Ираке, Ливане и Йемене, обеспечивающим в иранской концепции безопасности буферную зону вдали от государственных границ. Высоким останется риск дальнейшего роста напряженности с Израилем и прямой военной конфронтации.

Экономическая ситуация в ИРИ будет во многом зависеть от санкций, внутренних реформ и мировых цен на нефть. Возвращение республиканцев к власти в США приведет к ужесточению американской санкционной политики. Иран в такой ситуации продолжит наращивать свои ядерные возможности, стремясь к обогащению урана до уровней, близких к оружейным. При этом возможность возобновления переговоров по ядерной сделке сохраняется. В случае возобновления переговоров помимо иранской ядерной программы обсуждение может затронуть проблемы иранской ракетной программы, а также поддержки различных военизированных формирований на Ближнем Востоке.

Общий идеологический курс иранского руководства останется неизменным: оно продолжит политику жесткого контроля над общественными и политическими процессами. Пришедшее в 2024 г. центристское правительство М. Пезешкиана успешно использовало реформаторские лозунги для привлечения электората и политической борьбы, однако ожидать системных изменений и реального увеличения гражданских свобод не стоит.

Израиль

Внутриполитическая ситуация в Израиле в 2025 г. останется напряженной. Высока вероятность правительственных кризисов, которые могут привести к распаду коалиции. Ее популярность остается не слишком высокой¹⁶¹, а потому в случае проведения парламентских выборов — вероятнее всего, внеочередных — возможна смена правительства на более умеренное, с доминированием центристских и правоцентристских партий. Подобное правительство могло бы, вероятно, оказаться более готовым к компромиссам в контексте палестино-израильского конфликта, однако и его внешнеполитическая гибкость была бы

¹⁶¹ Deitch M., Meller R., Gittlerman I.S., Shapira A. Swords of Iron Survey Results — October 2024 // INSS. 2024. 03.11. <https://www.inss.org.il/publication/survey-october-2024/>.

существенно ограничена внутривнутриполитическими соображениями и приоритетом обеспечения израильской безопасности.

Неизбежно продолжение общественных протестов. Хотя их интенсивность, а также поддержка среди израильтян снизились по сравнению с довоенным периодом¹⁶², провоцировавшие их факторы не исчезли, будучи лишь отодвинутыми на второй план, а также были дополнены новыми. Ключевая причина — недоверие по отношению к правящей коалиции и премьер-министру Биньямину Нетаньяху. Глубоко разделяющими общество вопросами останутся судебная реформа (в случае если правительство вернется к ее реализации), призыв ультраортодоксальной молодежи в армию, а также возвращение заложников (при условии, что их не удастся освободить в ближайшей перспективе).

Вероятно продолжение низкоинтенсивных боевых действий в Секторе Газа. Расширение масштабов ирано-израильского конфликта пока представляется маловероятным в силу стремления обеих сторон избежать значительной региональной эскалации, однако не исключены временные вспышки напряженности различной интенсивности.

Положение Израиля на региональной арене останется сложным, но существенное его ухудшение маловероятно. С учетом возвращения Д. Трампа на пост президента США, а также его позиции по палестино-израильскому конфликту в его предыдущий президентский срок¹⁶³ можно ожидать повышения уровня взаимопонимания между Израилем и США. Возможно более позитивное отношение Иерусалима к потенциальным американским предложениям и мирным инициативам в силу восприятия Д. Трампа как произраильского президента.

Выводы

Ведущие государства региона будут в 2025 г. расширять отношения с различными глобальными игроками, включая Россию, Китай, Индию, и присоединяться к новым международным площадкам. В целом идеи многополярности завоевывают достаточно широкую аудиторию и привлекают возможностью укрепления независимости и реализации национальных интересов различными государствами региона. Политика диверсификации связей, проводимая арабскими государствами, не будет означать ослабления их отношений с США и ЕС. Речь идет, скорее, о проявлении большей требовательности с их стороны к союзническим отношениям.

В регионе достаточно велики ожидания, связанные с политикой администрации Д. Трампа. Высока вероятность заключения крупных контрактов в технологической сфере, которые ранее тормозились из-за политики демократов.

Так, Саудовская Аравия может подписать соглашение о строительстве с американских участием атомных электростанций в обмен на обязывающие договоренности о гарантиях

¹⁶² Hermann T., Anabi O. Israelis are deeply divided on the upcoming Supreme Court hearings. Israeli Voice Index August 2023 // IDI. 2023. 11.09. <https://en.idi.org.il/articles/50752>; Hermann T., Anabi O. Across Political Orientations; Jewish and Arab Israelis Have Negative Feelings Toward the Government // IDI. 2024. 12.08. <https://en.idi.org.il/articles/55520>.

¹⁶³ Карасова Т. «Сделка века» Д. Трампа. Приведет ли новый план США к урегулированию палестино-израильского конфликта // Свободная мысль. 2020. № 4(1682). С. 63–74.

безопасности. Страны региона продолжают усилия по купированию негативных последствий войны в Газе, израильско-иранского противостояния и сирийского кризиса. В частности, Саудовская Аравия, Катар и Турция проявили готовность поддержать умеренные оппозиционные силы, стимулируя экономическое восстановление Сирии. Этому будет способствовать и дальнейшее укрепление связей между монархиями Залива и Турцией, которая из конкурента превращается в партнера в реализации крупных инфраструктурных проектов и источник военных технологий.

Разрешение сирийского кризиса в 2025 г. представляется проблематичным. Нельзя исключать нарастания хаоса, военных столкновений между конкурирующими и враждебными группировками, новых потоков беженцев, резкого нарастания гуманитарных и экономических проблем. Сценарии развития событий зависят от эффективности новой власти в Дамаске, взаимодействия региональных и глобальных игроков и способности международного сообщества предотвратить дальнейшую эскалацию. В целом высокая неопределенность развития ситуации на Ближнем Востоке в 2025 г. и новые вызовы могут стать источником дополнительных проблем для России. Однако она остается признанным политическим и экономическим партнером и сохранит связи со всеми участниками международных отношений в регионе.

Афганистан

Во внутренней политике страны в 2025 г. вероятны дальнейшие попытки централизации и консолидация власти с целью усиления «кандагарской группы» во главе с эмиром Хайбатуллою Ахундзадой. Об этом может свидетельствовать недавний приказ эмира о переходе под его контроль всего военного имущества в стране. При этом также не исключены попытки условно «умеренных» сил, связанных с фигурой Сираджуддина Хаккани, лидера «сети Хаккани», отдельной фракции «Талибана», убедить эмира пойти на некоторые послабления, в частности в сфере женского образования¹⁶⁴. Однако смягчение политики движения «Талибан» (ДТ)¹⁶⁵ в этом аспекте представляется сомнительным. Чтобы нынешние афганские власти пошли на это, страны Запада должны сделать серьезные уступки, в первую очередь такие, как снятие санкций и передача замороженных активов прежнего режима, что вряд ли возможно в ближайшей перспективе.

Резкое усиление террористической активности также маловероятно. Атаки ИГИЛ-Хорасан¹⁶⁶ стали происходить значительно реже, а их масштабы и последствия менее ощутимы. Талибы демонстрируют довольно стабильный и устойчивый контроль над территорией всей страны. Большинство населения они воспринимаются как безальтернативная власть, несмотря на несогласие с ними по отдельным вопросам. Абсолютно все оппозиционные вооруженные группировки не имеют шансов на какой бы то ни было успех, за исключением локальных диверсий, что позволяет талибам ставить их в один ряд с террористами.

Среди угроз можно назвать возможные волны репатриантов из Ирана, откуда афганцев могут насильственно депортировать, что усилит и без того тяжелое экономическое

¹⁶⁴ Goldbaum C. Is Afghanistan's Most-Wanted Militant Now Its Best Hope for Change? // The New York Times. 2024. 24.10. <https://www.nytimes.com/2024/10/24/world/asia/afghanistan-sirajuddin-haqqani-taliban.html>.

¹⁶⁵ Запрещено в РФ.

¹⁶⁶ Запрещено в РФ.

положение внутри страны. Среди них большое количество криминальных и маргинальных элементов. В следующем году может произойти очередной виток водного кризиса между Ираном и Афганистаном, который, однако, стороны вполне способны решить мирно.

В отношениях с Пакистаном двумя наиболее острыми проблемами останутся миграционная и террористическая — присутствие на территории Афганистана боевиков ТТП («Техрик-е Талибан-е Пакистан», «Движение талибов в Пакистане»). Афганские талибы неизбежно будут оказывать поддержку своим единомышленникам. В свою очередь Пакистан может давить на них путем выдворения афганских мигрантов-нелегалов, закрытием пограничных переходов.

Отношения талибов с центральноазиатскими державами, имеющие преимущественно экономическую основу, могут подвергаться испытанию на прочность ввиду водных кризисов, возникающих из-за падения уровня воды в Аму-Дарье вследствие строительства на севере Афганистана ирригационного канала Куш-Тапа. В этой связи очевидно, что назрела необходимость включения Афганистана в региональный диалог по совместному водопользованию.

Основными источниками дохода нынешнего режима остаются сбор налогов с торговых и транзитных операций, упорядочивание таможенных платежей с использованием доставшейся им от прежнего правительства современной электронной системы управления финансовыми потоками. Официально по всей стране введены два исламских налога — закят и ушр, которые предполагается использовать для поддержания социальной справедливости. Небольшая часть средств (поток которых значительно снизился) поступает извне по линии ООН и в виде пожертвований мусульманских благотворительных организаций.

Социально-экономическая ситуация в Афганистане останется кризисной, что объясняется несколькими объективными факторами. Во-первых, Кабул остается в международной изоляции, а финансовые активы прежнего режима — по-прежнему замороженными на западных счетах. Официально правительство талибов еще не признано ни одной страной мира в силу невыполнения им обязательств в части обеспечения этнополитической инклюзивности, прав человека и борьбы с терроризмом.

Во-вторых, в стране с 2021 г. повысился и без того критический уровень безработицы¹⁶⁷. Такие традиционные для Афганистана сферы занятости, как сельское хозяйство и торговля не могут удовлетворить материальные потребности всего работоспособного населения, особенно в свете падения доходов афганских крестьян после запрета на выращивание опиумного мака в 2022 г. Возможности заработка и профессиональной реализации для афганцев в структурах НПО постепенно сокращаются в силу их недофинансирования или ограничений, наложенных талибами. Тревогу в этом аспекте вызывает и сегрегационная политика новых властей в отношении женщин, которые вытесняются с рынка труда, из сферы предпринимательства. Ограничиваются для девушек и перспективы получения

¹⁶⁷ Afghanistan's economy has 'basically collapsed' // The UN Development Programme. 2024. 07.03. <https://news.un.org/en/story/2024/03/1147387>.

образования выше уровня младшей школы, что ставит под вопрос их участие в экономической жизни страны и впоследствии ведет к дополнительному сокращению ВВП.

В-третьих, Кабул не только сталкивается с сокращением объемов финансовой и гуманитарной помощи, получаемой в рамках международных программ¹⁶⁸, но и сам урезает расходы на соответствующие социальные нужды (например, здравоохранение и образование) и экономическое развитие, отдавая приоритет укреплению силовой сферы¹⁶⁹.

Наконец, Афганистан находится в сложных природно-климатических условиях, где доминирующими являются горный и пустынный ландшафты, осложняющие экономическую деятельность.

Все вышесказанное осознают и региональные державы, потенциальные инвесторы в афганскую экономику, что разрушает надежды нового режима на приток денег в страну от реализации так называемых трансафганских проектов¹⁷⁰ и разработки ее недр. Воплощение этих планов и дальше будет иметь эпизодический, ограниченный характер. Ожидаемым будет увеличение объема грузоперевозок по существующим железнодорожным сетям, медленное продолжение их строительства, а также развитие горно- и нефтедобывающей отраслей при участии иностранных компаний.

В целом с учетом сокращающихся объемов внешней помощи экономическая устойчивость режима талибов будет связана скорее с объемами транзитных, таможенных доходов, которые в 2023–2024 гг. составили бóльшую часть поступлений в бюджет государства, т. к. сбор налогов с беднеющего населения не смог в достаточной степени покрыть нужды государства. Все эти тенденции продолжают негативно отражаться на уровне жизни рядовых афганцев, будут приводить к ползучему росту социального недовольства.

В складывающихся условиях заинтересованность России в поддержании политических отношений с талибами вряд ли будет трансформирована в активное экономическое сотрудничество, учитывая сохранение высоких рисков для инвестиций в сложной социальной среде.

¹⁶⁸ Afghanistan: The Cost of Inaction (June 2024) // The UN Office for the Coordination of Humanitarian Affairs. 2024. 10.06. <https://www.unocha.org/publications/report/afghanistan/afghanistan-cost-inaction-june-2024>.

¹⁶⁹ Alokozai S., Payenda K. Understanding Taliban Policies & Priorities from Budget Expenditures & Revenues // PeaceRep. 2023. 31.05. https://peacerep.org/wp-content/uploads/2023/05/PeaceRep-Afghanistan-Research-Network-Reflection_04.pdf.

¹⁷⁰ Под этим подразумеваются транспортно-инфраструктурные проекты, призванные соединить Центральную Азию и в перспективе Ближний Восток с южноазиатскими странами. Среди них: газопровод «Туркменистан — Афганистан — Пакистан — Индия» («ТАПИ»); сеть железных дорог, соединяющих Иран, Туркменистан, Узбекистан, Пакистан и Афганистан; сеть ЛЭП CASA-1000.

ПОСТСОВЕТСКОЕ ПРОСТРАНСТВО

Геополитическая неопределенность, острая конкуренция мировых и региональных держав будут поддерживаться на постсоветском пространстве на высоком уровне. Наряду с США, ЕС, НАТО, КНР все большую вовлеченность в дела государств постсоветской Евразии будут демонстрировать такие страны, как Турция, Польша и Румыния.

Украина

Существенное влияние на ситуацию в регионе по-прежнему будет оказывать конфликт на Украине, который остается ключевым кризисом, не только накладывающим отпечаток на ситуацию на всем постсоветском пространстве, но и трансформирующим современные международные отношения, фактором, влияющим на контуры нового формирующегося мирового порядка¹⁷¹. На Украине продолжается столкновение интересов и амбиций России и стран Запада в сфере безопасности. От результатов этого столкновения во многом зависит формирование новой евразийской архитектуры безопасности. Достижение объявленных еще в феврале 2022 г. президентом РФ В. Путиным целей СВО наглядно продемонстрирует, что именно Россия является ключевым брокером и гарантом безопасности в Евразии. И, напротив, неспособность достичь этих целей в значительной степени девальвирует значение российских военных гарантий для иных государств ПСП. Это особенно остро ощущают союзники РФ, находящиеся в слабой позиции в региональных конфликтах (например, Армения, где довольно безответственная с точки зрения геополитических последствий для страны риторика и внешнеполитическое маневрирование премьера-министра страны Н. Пашиняна с пониманием воспринимаются населением во многом потому, что РФ рассматривается на данный момент как слабеющая держава, а следовательно, недостаточно надежный гарант безопасности). Но не только. Выстраивать долгосрочные отношения в различных сферах гораздо предпочтительнее с победителем. Поэтому ход и исход СВО вносят существенный вклад в возможности проецирования Москвой своего влияния (в т. ч. политического, дипломатического, посредством «мягкой силы») не только в разных субрегионах постсоветской Евразии, но и в странах Глобального Юга.

По конфликту на *Украине* в 2025 г. возможны два основных сценария развития событий. Наименее вероятен, с уходом администрации Дж. Байдена, инерционный сценарий, предполагающий продолжение боевых действий с поэтапным наращиванием потенциала ударов вглубь территории России. В США и многих странах Запада значительная часть правящей элиты несколько разочарована результативностью действий ВСУ на поле боя или опасается неуправляемой эскалации конфликта с Россией. В США и Европе представители элит по-прежнему политически не способны и морально не готовы допустить поражение Украины. Подобные подходы во многом являются следствием масштабного инвестирования политических, военных и финансовых ресурсов странами Запада в Украину. Слишком серьезные ставки были сделаны на Украину. Сформированы нарративы, гиперболизировавшие конфликт до уровня экзистенциального — против сил «абсолютного зла», в рамках дихотомического противостояния «демократии» и «авторитаризма».

¹⁷¹ Соловьев Э.Г. Роль Украинского кризиса в формировании нового миропорядка // Россия и новые государства Евразии. 2023. № 4. С. 11–23.

Однако представители новой администрации в США гораздо больше ориентированы на ключевые для официального Вашингтона вопросы мировой политики — сохранение глобального доминирования в противостоянии с КНР и поддержание на перспективу собственного лидерства внутри страны. Украинский кейс уже в январе 2025 г. превратится в этом контексте в довольно проблемный и даже обременительный политический актив. Конфликт, в котором не может победить Украина, способен осложнить решение приоритетных задач для новой администрации США. А поскольку иллюзий о возможности через Украину нанести России стратегическое поражение «на поле боя» и тем самым в решающей степени ослабить крепнущую связку Пекина и Москвы остается все меньше, выход, вероятно, придется искать в организации переговорного трека и стимулировании переговорной активности Москвы и Киева, в том числе угрозой резкой эскалации конфликта.

Наиболее вероятный сценарий на первых этапах работы администрации — попытки «договориться с позиции силы». В информационном пространстве циркулирует сразу несколько планов подобного рода переговорных стратегий. Они различаются деталями, но суть в общем сводится к следующим основным положениям. Замораживание боевых действий на текущей линии соприкосновения. Предоставление Украине необходимых для сдерживания Москвы вооружений и неких гарантий безопасности — по большей части обсуждается приглашение Киева в НАТО (именно Киева, потому что при таком раскладе вообще неясно, на какую именно территорию могут распространиться блоковые гарантии), немедленное или с некоторым лагом по времени (10 лет и больше). Подобные предложения не корреспондируются с артикулированной (в выступлении в МИД России 14 июня 2024 г.) президентом В.В. Путиным российской позицией по возможности организации переговорного процесса. В. Путин подтвердил готовность вести переговоры на основе принципов, которые были согласованы в Стамбуле. Ключевой принцип — это внеблоковый статус Украины и лишение ее сколь-нибудь значимого военного потенциала, равно как и возможности «военного освоения» в любой форме украинской территории странами НАТО. Кроме того, четко зафиксирована необходимость принять во внимание «реалии на земле». Это изменения в Конституции Российской Федерации после проведения референдума в Донецкой и Луганской республиках, Херсонской и Запорожской областях (не говоря уже о Крыме), а также денацификация — невозможность мириться с ситуацией, когда сохраняется украинское законодательство, запрещающее русский язык, российские СМИ, русскую культуру, Украинскую православную церковь. Вместе с тем не сняты и ключевые требования РФ к странам Запада по отношению к прекращению продвижения НАТО на Восток, выдвинутые в декабре 2021 г.

Поскольку Соединенные Штаты очевидно не проявляют и вряд ли проявят стремление достичь изначального сопряжения важных исходных позиций для старта переговорного процесса (не говоря уже о желании официального Киева вернуться к границам 1991 г. или хотя бы февраля 2022 г.), то после того, как перспективы выхода на некие быстрые результаты и компромиссы сойдут на нет, Вашингтон должен будет продемонстрировать «позицию силы».

В случае если Киев не проявит готовности к компромиссу, не исключено оказание Вашингтоном давления с целью коррекции позиции украинского руководства, прежде всего, ограничения финансовой и военной помощи, а также проведения выборов (президент и

Верховная Рада исчерпали сроки полномочий в 2024 г.). Склонить Киев к серьезным компромиссам будет непросто.

Москва от Вашингтона никак не зависит. Если неприемлемость подходов, продвигаемых США, будет зафиксирована Россией, возможно раскручивание Вашингтоном нового эскалационного витка, предполагающего усиление санкционного давления стран Запада на РФ, новые массивные поставки западных вооружений Украине с целью оказания давления на Москву.

Однако вероятность того, что российские власти пойдут на серьезные уступки, невелика. Поддержание стабильности внутри страны и сохранение сформировавшегося консенсуса, ориентированного на достижение хотя бы минимальных условий победы (а именно таковыми озвученные в июне 2024 г. президентом РФ и являются), будут превалировать над размытыми формулировками («невключения Украины в НАТО» в ближайшие 10 или чуть более лет, «ослабления» или «снятия» антироссийских санкций, которые легко ввести снова, и т. д.).

И тогда во второй половине года не исключен сценарий стремительной эскалации конфликта вокруг Украины и формирование масштабного международного военно-политического кризиса с последующим выходом на некое плато нормализации с поисками взаимоприемлемых решений по безопасности в Европе или даже Евразии уже без участия или при формальном участии Украины и с возможной широкой интернационализацией этих усилий.

Таким образом, путь к прочному урегулированию российско-украинского конфликта может возникнуть благодаря более широкому соглашению о контурах европейской безопасности. Причем при подобном развитии событий более масштабные геополитические договоренности могут предшествовать или возникать параллельно окончательному разрешению кризиса вокруг Украины. Этот процесс вряд ли будет стремительным и потому, вероятно, выйдет за пределы прогнозного периода (2025 г.).

При определенном стечении обстоятельств возможен сценарий военного разгрома Украины уже в 2025 г. Однако он требует, помимо формирования ряда внешних трендов, еще и дополнительных ресурсов и организационных усилий со стороны Москвы и на момент написания прогноза не рассматривается в качестве базового.

Политическая система Украины, несмотря на усталость общества от войны и снижение доверия к действующей власти, сохраняет достаточно высокую устойчивость. Консолидация власти в руках президента Зеленского снизила роль Верховной Рады и ограничила значение так называемых украинских «олигархов» в политической системе страны. Оппозиционные силы (кроме еще более прозападной оппозиции) фактически полностью вытеснены за пределы легального политического поля.

Лояльность В. Зеленского Западу и сохранение на время войны текущего расклада политических сил дают ему возможность при наличии финансовой и политической поддержки США и ЕС оставаться у власти. Однако Украина в сложившихся условиях полностью зависима от западной помощи (финансовой и военной). Определяющим

фактором не только для поддержания боеспособности украинской армии, но и для функционирования украинского государства и экономики являются иностранные займы и постоянная иностранная помощь, достигшая беспрецедентных объемов. Финансовая поддержка со стороны США, МВФ, ВБ, ЕБРР, ЕС, фондов, правительств отдельных государств, компаний и частных лиц, по оценкам международных институтов, уже превысила в 2022–2024 гг. 300 млрд долл. Доходы Киева в 2024 г. и в утвержденном бюджете на 2025 г. почти вдвое ниже расходов, и бюджет страны балансируется исключительно благодаря финансовой поддержке Запада.

За последние 10–15 лет в экономике Украины произошли существенные структурные сдвиги. Эти изменения развивались в двух направлениях — от крупного бизнеса к малому и от энергоемкой тяжелой промышленности к сельскому хозяйству¹⁷². Несмотря на существенные социально-экономические трудности, деградацию промышленного потенциала экономика Украины демонстрирует достаточно высокий уровень адаптивности к внешним и внутренним шокам. Но способность к саморазвитию практически утрачена. Определенный потенциал роста после окончания боевых действий может быть продемонстрирован только в случае активной поддержки извне и массивных иностранных инвестиций.

Молдавия

Высокий конфликтный потенциал сохранится и в *Молдавии* (Республика Молдова, РМ). В стране сохраняется глубокий раскол элит и общества¹⁷³, что наглядно продемонстрировали президентские выборы осенью 2024 г., на которых с трудом победила действующий президент М. Санду. В Молдавии до сентября 2025 г. должны состояться парламентские выборы. А учитывая, что РМ — это парламентская республика, выборы претендуют на статус основного политического события года.

Победа на выборах и на референдуме об изменении конституции страны (внесение поправок с целью фиксации курса на присоединение в перспективе к ЕС) была достигнута М. Санду и прозападными силами путем активного использования административного ресурса и за счет голосов молдаван, проживающих в Европе. Внутри Молдавии, по данным ЦИК, действующего президента поддержало меньшинство от участвовавших в выборах избирателей. В итоге М. Санду стала «президентом диаспоры», т. к. ее поддержка оказалась существенно выше у проживающих на Западе молдаван¹⁷⁴. Неубедительные результаты референдума и президентских выборов поставили под вопрос моральный и политический авторитет президента и действующего правительства. В 2025 г. у М. Санду будет сложная задача легитимировать себя в глазах граждан Молдавии, сделать так, чтобы ее начали воспринимать в качестве президента всех молдаван. Однако с учетом цейтнота, в котором оказались власти, высока вероятность того, что вместо работы над ошибками последует

¹⁷² Кривогуз М.И. Экономика Украины в условиях военного положения // Россия и новые государства Евразии. 2024. № 3. С. 9–29.

¹⁷³ См. об этом: Соловьев Э.Г. Молдавия: разворот на Запад // В кн.: Постсоветские государства на современном этапе: внутриполитическая динамика и поиск путей развития / Отв. ред. Э.Г. Соловьев. — М.: ИМЭМО РАН, 2024. С. 63–72.

¹⁷⁴ Шевченко Д. Санду — президент молдавской диаспоры // Фонд стратегической культуры. 2024. 04.11. <https://www.fondsk.ru/news/2024/11/04/sandu-prezident-moldavskoy-diaspory.html>.

новая попытка максимально эксплуатировать тему борьбы с коррупцией и развития демократических институтов — в стремлении поднять рейтинги правящей партии и нанести репутационный ущерб оппозиции. Под разговоры о борьбе с коррупцией М. Санду, по-видимому, начнет очередной этап вытеснения политических конкурентов за рамки правового поля накануне парламентских выборов. Что касается демократических институтов, выборы президента 2024 г. наглядно продемонстрировали, что избранная властями тактика в ближайшей перспективе ориентирована скорее на манипуляцию электоральной системой и использование административных ресурсов.

На ситуацию с парламентскими выборами будет оказывать влияние и социально-экономическая ситуация в стране. Несмотря на финансовую поддержку Евросоюза и кредиты от МВФ и других международных финансовых институтов, экономическая ситуация в стране остается сложной. Растут цены, усугубляется проблема бедности значительной части населения, слабую динамику демонстрирует ВВП страны.

Уже после окончания президентских выборов в РМ появилось еще несколько партий. Президентскую партию «Действие и солидарность» покинул вице-премьер А. Спыну, ориентируясь на создание в ближайшей перспективе собственной политической силы. Свои политические проекты стали развивать и некоторые представители оппозиции. В частности, новую партию «Сердце Молдовы» после президентских выборов создала И. Влах, бывший президент Гагаузии и кандидат в президенты РМ на минувших выборах¹⁷⁵. Появление все новых партий постепенно размывает политический ландшафт страны. По итогам парламентских выборов не исключено возникновение потребности в создании широкой коалиции политических сил для формирования дееспособного правительства или даже проведение новых досрочных выборов в случае неспособности политических сил достичь взаимопонимания по принципам формирования такой коалиции. В случае поражения М. Санду и проевропейских партий на выборах (что представляется вероятным значительной части российских и молдавских экспертов) политическая ситуация в стране может еще более осложниться. Раздельное правление в условиях глубокого раскола элит приведет к тому, что М. Санду будет искать способы распустить парламент, а тот, в свою очередь, — отстранить президента от власти.

Однако по меньшей мере в первой половине 2025 г. М. Санду и ее сторонники определенно будут оказывать решающее влияние на формирование внутри- и внешнеполитического курса Молдавии и активно развивать политику встраивания Молдавии в законодательную, транспортную и энергетическую систему Европейского союза (часть затрат на такой переход будет покрываться из фондов ЕС). Уже со 2 января 2025 г. именно евро будет использоваться в качестве базовой валюты для установления официального обменного курса молдавского лея, заменив доллар США. По заявлению Нацбанка страны, использование евро в качестве базовой валюты направлено на приведение финансовых структур Молдавии в соответствие со стандартами ЕС.

Продолжится и укрепление военного и военно-технического сотрудничества с ЕС и НАТО, несмотря на нейтральный статус страны, закрепленный в конституции. Правительство М.

¹⁷⁵ Экс-глава Гагаузии объявила о создании новой политической партии // РИА Новости. 2024. 05.11. <https://ria.ru/20241105/gagauziya-1981909018.html>.

Санду последние несколько лет постепенно укрепляет национальную армию. Согласно принятой летом 2024 г. Стратегии обороны Молдавия планирует увеличить долю военных расходов к ВВП с 0,55 до 1 % к 2030 г. В развитии военного сотрудничества проявляют заинтересованность НАТО и Европейский союз. Активизация взаимодействия официального Кишинева с Румынией и другими странами НАТО в сфере обороны и безопасности фактически ведет к взятию под внешний контроль силовых структур РМ.

Евросоюз значительно увеличил объем военной помощи Молдавии: за 2021–2024 гг. поддержка ЕС вооруженных сил РМ составила 137 млн евро. По словам посла ЕС в Кишиневе Я. Мажейкса, это сделало республику вторым по величине получателем военной поддержки после Украины¹⁷⁶. Пакет мер по наращиванию оборонного потенциала Молдовы со стороны НАТО включает около 20 областей сотрудничества, в том числе стандартизацию материально-технического обеспечения и обучение в таких областях, как устойчивость, киберзащита, энергетическая безопасность и стратегические коммуникации. За 2023–2024 гг. Молдавия получила от НАТО на модернизацию армии 80 млн долл., и этот поток помощи будет нарастать. Через молдавскую территорию идет часть транзита натовских грузов на Украину.

Постепенно в фактор политической борьбы превращаются и религиозные отношения¹⁷⁷. Растет динамика экспансии Румынской православной церкви (РумПЦ) в Молдавию. С помощью распространения влияния РумПЦ М. Санду решает политические вопросы, т. к. внутри румынских церковных общин широко распространена пропаганда вхождения Молдавии в состав Румынии.

Особой политической проблемой для Кишинева останутся отношения с Тирасполем. Значительную опасность в плане последствий представляет неурегулированный статус **Приднестровья** (ПМР). Причем вероятность попытки «окончательного решения» Приднестровской проблемы официальным Кишиневом по мере укрепления прозападного вектора развития властвующей молдавской элитой будет нарастать.

С приходом на пост президента М. Санду в 2020 г. были приостановлены политические контакты с руководством ПМР. Ряд аналитиков акцентирует растущую угрозу размораживания конфликта на Днестре. К этому Кишинев подталкивают как западноевропейские политики, неоднократно выступавшие за последнее время с заявлениями о том, что кипрская формула (возможность вступления РМ в ЕС без Приднестровья, как Кипр сделал это без Северного Кипра) не является релевантной в молдавском случае, так и Киев, заинтересованный нанести ПМР решающий удар с тыла и нанести РФ невосполнимый репутационный ущерб в случае возобновления вооруженного противостояния¹⁷⁸.

¹⁷⁶ Молдова стала второй после Украины страной по объему военной поддержки со стороны ЕС // Евразия-Эксперт. 20.11.2024. URL: <https://eurasia.expert/moldova-stala-vtoroy-posle-ukrainy-stranoy-po-obemu-voennoy-podderzhki-so-storony-es/> (дата обращения: 27.11.2024).

¹⁷⁷ Подробнее см.: Донцев С.П. Политика и религия в современной Молдове // Постсоветские исследования. 2024. Т. 7. № 2. С. 193-202.

¹⁷⁸ Цедилина Е. Украинский синдром Кишинева // Россия и новые государства Евразии. 2024. № 2. С.10.

Еще 2 года назад Кишинев допускал вступление в ЕС без Приднестровья (на основе так называемого кипрского сценария). Однако в последнее время ситуация изменилась. Молдавское руководство вполне благосклонно восприняло политические сигналы из Европы. И вслед за официальными представителями ЕС власти Молдавии стали продвигать идеи о том, что оба берега Днестра должны войти в ЕС одновременно и урегулирование приднестровского конфликта должно проходить параллельно с интеграцией Молдавии в Евросоюз. Официальный Кишинев планирует восстановить полный контроль над Приднестровьем к 2030 г., и тогда же РМ должна стать полноправной участницей ЕС.

Вместе с тем, в отличие от Украины, в Молдавии отсутствует общественный запрос на урегулирование территориального конфликта силой: против военного сценария в ПМР на протяжении ряда лет устойчиво выступают больше половины (по отдельным опросам — до 80 %) граждан республики. Официальный Кишинев, несмотря на неоднократные предложения услуг со стороны В. Зеленского, предпочитает пока избегать радикальных шагов и надеется «дожать» приднестровские элиты и население за счет экономических мер воздействия. Состояние молдавской армии и явное нежелание большинства граждан РМ решать приднестровский вопрос силой останавливают кишиневские власти. Это не мешает М. Санду постоянно наращивать экономическое и административное давление на ПМР, зажатую между Молдавией и Украиной.

Усилия Кишинева направлены на принудительное приведение торгово-экономической деятельности ПМР в соответствие с законодательством Молдавии. Кишинев подвел ПМР к тому, чтобы все в экономической и финансовой сферах делалось по законам РМ. С точки зрения молдавского Бюро реинтеграции, совокупность нововведений постепенно создаст условия для включения Приднестровья в единое экономическое, а затем и политическое пространство РМ. Санду пока старается взять Приднестровье под контроль и интегрировать его в Молдову без войны — вместо переговоров с Тирасполем теперь Кишинев устанавливает правила, которые в ПМР должны выполнять. Подобная тенденция только усилится в 2025 г.

Проблему для нынешней молдавской власти представляет и *Гагаузия*. Наблюдается явное желание руководства РМ постепенно закрыть уже, казалось бы, давно разрешенный спор об автономии Гагаузии. Автономное территориальное образование (АТО) Гагаузия существует с декабря 1994 г. Тогда парламент РМ принял закон об особом правовом статусе Гагаузии (Гагауз-Ери). После проведения административной реформы в Молдавии в 1999 г. границы АТО и само существование Гагаузии были окончательно закреплены в конституции РМ. В мае 2023 г., когда на выборах в Гагаузии башканом (главой) автономии была избрана представляющая оппозиционные силы Е. Гуцул, власти РМ начали оказывать растущее давление на Национальное собрание в Комрате, столице Гагаузии. Использовались все экономические и политические средства, вплоть до проведения военных учений на территории автономии.

Гагаузская автономия не поддержала М. Санду на выборах 2024 г. Лидер Гагаузии Е. Гуцул достаточно демонстративно подчеркивает свои особые отношения с российскими политическими элитами. Она сумела объединить вокруг себя гагаузских политиков, часть из которых ранее были готовы идти на довольно серьезные компромиссы с М. Санду. В ответ

кишиневские власти в ноябре 2024 г. провели обыски у ряда гагаузских политиков высшего звена. Конкретных обвинений гагаузским политикам предъявлено не было. Но очевидно, что Гагаузия постепенно становится новым очагом напряженности¹⁷⁹. Накануне парламентских выборов 2025 г. отношения Кишинева и Комрата могут еще более обостриться. Предсказуемо последуют обвинения гагаузских политиков в коррупции и в сотрудничестве с Россией (что нынешними молдавскими властями практически приравнивается к государственной измене). Со стороны Гагаузии будут звучать встречные обвинения кишиневских властей в коррупции и в том, что прорумынски настроенная М. Санду представляет угрозу суверенитету РМ.

Белоруссия

На фоне соседей — Украины и Молдавии, Белоруссия (Республика Беларусь, РБ) будет выглядеть островом стабильности и предсказуемости. Главным событием внутривнутриполитической повестки в 2025 г. станут президентские выборы, которые состоятся 26 января. Несмотря на регистрацию 7 инициативных групп по продвижению своих кандидатов (2 кандидата позднее заявили о выходе из борьбы за пост президента), основным претендентом на этот пост остается действующий президент РБ Александр Лукашенко. Маловероятно, что на этот раз возможное сохранение поста президента за А. Лукашенко вызовет резкую реакцию в стране. Это во многом связано как с сегодняшней геополитической ситуацией вокруг границ РБ и жестким санкционным давлением на нее со стороны ЕС и США, так и с активной работой властных структур с населением.

Прошедшие в 2024 г. выборы в парламент и местные советы дали возможность белорусским властям проверить лояльность общества¹⁸⁰ и продемонстрировали, что ситуация находится под контролем. К тому же в обществе отсутствует на этот раз массовый запрос на изменения — скорее актуализировалась тема стабильности и предсказуемости. Белорусская элита полностью отошла от шока послевыборных протестов 2020 г. Кроме того, в стране отсутствует организованная сила, способная возглавить и повторить массовые выступления.

Оппозиция распалась на ряд группировок, которые выдвинуты за границу и ищут финансовой поддержки стран Запада. С.Г. Тихановская, провозглашенная белорусской оппозицией «законным президентом» Белоруссии и «национальным лидером», в 2025 г. определенно потеряет этот статус (по белорусскому законодательству срок президентских полномочий — 5 лет). Других консолидирующих фигур у оппозиции нет. Оппозиционные группы за рубежом постепенно деградируют, конкурируя друг с другом в борьбе за выделяемые западными странами ресурсы. Очевидно, что на ближайшую перспективу никто из белорусских оппозиционеров не сможет стать серьезным конкурентом для А.Г. Лукашенко.

Тем не менее страны Запада по-прежнему будут поддерживать белорусскую оппозицию, осевшую в странах Европы. Об этом свидетельствует и позиция официальных структур Евросоюза. После пересмотра отношений с Белоруссией в 2020 г. и в свете «причастности

¹⁷⁹ Смирнов А. Гагаузия: борьба за автономию в условиях геополитического кризиса // Россия и новые государства Евразии. 2024. № 3 С. 58.

¹⁸⁰ Подробнее см.: Гронский А.Д. Парламентские и муниципальные выборы в Белоруссии // Россия и новые государства Евразии. 2024. № 1. С. 67–77.

режима Лукашенко к российской СВО на Украине» программа помощи ЕС скорректирована в сторону негосударственных субъектов. Это позволило оказать существенную поддержку в 6 ключевых секторах: гражданское общество, права человека, независимые СМИ, образование, культура и малые и средние предприятия (с оговоркой «в изгнании»). В 2020–2024 гг. финансовая помощь составила почти 140 млн евро только в рамках Инструмента соседства, развития и международного сотрудничества (NDICI). Брюссель поддерживает альтернативные образовательные и культурные проекты, способствующие сохранению белорусской идентичности. Европейские чиновники выступают с обещаниями, ориентированными на будущее: «Как только Беларусь вступит на путь демократических преобразований, ЕС обеспечит ей немедленную и долгосрочную поддержку, чтобы помочь стабилизировать экономику, реформировать институты и принести пользу гражданам и обществу в целом. Для этого ЕС готов предоставить Белоруссии значительный инвестиционный пакет в размере до 3 млрд евро» при помощи ЕИБ и ЕБРР. ЕС ожидает, что в этом случае МВФ и Всемирный банк также усилят поддержку страны¹⁸¹. Весомость пакета поддержки демократии не сильно впечатляет, видимо потому, что даже еврочиновники не верят в скорую перспективу политической трансформации.

Однако, чтобы приблизить эту перспективу, продолжатся попытки создания неких военизированных формирований из белорусских мигрантов по типу «полка Калиновского». Давление на Белоруссию, политическое и стратегическое, будет расти вместе с усилением генерируемой НАТО напряженности вдоль российских и белорусских границ.

В этом контексте Белоруссия продолжит укрепление сотрудничества с Россией в сфере безопасности. Минск обеспокоен активизацией деятельности стран — членов НАТО на своих границах и на западных рубежах Союзного государства РФ и РБ. Белоруссия будет укреплять свое политическое и экономическое сотрудничество с Россией не только в формате Союзного государства, но и ЕАЭС и СНГ, что способствует стабилизации и росту ее экономики, развитию общества, несмотря на усиление санкционного давления на страну.

Приход в Белый дом Д. Трампа несет в себе ряд неопределенностей, в том числе и для Белоруссии. В первую президентскую каденцию Д. Трампа (2017–2021 гг.) Минск и Вашингтон прошли путь от активного сотрудничества, доходившего до объявления Белоруссии «бастионом против российского неоимпериализма»¹⁸², до поддержки Вашингтоном массовых протестов против переизбрания А.Г. Лукашенко. Т. е. налаживание отношений с целью усиления влияния на треке гражданского общества и получения рычагов для дальнейшей внутренней дестабилизации — это путь, пройденный США (и их европейскими союзниками) во время первого президентского срока Д. Трампа. В случае возникновения предпосылок для разморозки отношений с Западом в 2025 г. Минску нужно будет очень внимательно анализировать ситуацию, чтобы не вернуться в пройденную уже однажды колею, приведшую к кризису 2020 г.

¹⁸¹ ЕС и Беларусь // Представительство ЕС в РБ. 2024. 28.11. https://www.eeas.europa.eu/belarus/es-i-belarus_ru?s=218.

¹⁸² Госдеп США: Белоруссия — «бастион против российского неоимпериализма» // ИА EADaily. 2018. 20.10. <https://eadaily.com/ru/news/2018/10/20/gosdep-ssha-belorussiya-bastion-protiv-rossiyskogo-neoimperializma>.

Осложняющим нормализацию со странами Запада обстоятельством будут и отношения с ближайшими соседями. Страны Прибалтики и Польша настроены в отношении руководства РБ крайне агрессивно. В Литве и Польше сосредоточены основные силы белорусской оппозиции, что усиливает негативную риторику Вильнюса и Варшавы. Минск заявляет, что на территории ближайших соседей (кроме России) готовятся вооруженные формирования белорусской оппозиции, которые будут пытаться осуществить дестабилизирующие акции во время избирательной кампании или после подведения итогов президентских выборов. Россия уже анонсировала необходимую помощь белорусским силовикам в случае обострения обстановки.

Белоруссия традиционно поддерживает хорошие отношения с Китаем. Белорусские власти также продолжают политику встраивания в организации Глобального Юга, такие как ШОС, БЭП, БРИКС, а также расширения своих экономических связей со странами Азии и Африки, поскольку это жизненно необходимо для замещения разорванных торговых связей с европейскими странами и для диверсификации внешней торговли.

ЮЖНЫЙ КАВКАЗ

Южный Кавказ (ЮК) останется местом политического противостояния региональных и глобальных держав, поэтому вероятность обострения существующих в регионе внутривосточных или межгосударственных противоречий и споров в 2025 г. достаточно велика. В первую очередь это касается ситуации, возникшей в регионе после Второй карабахской войны в ноябре 2020 г. и однодневной войны 2023 г. Азербайджан, восстановивший по итогам конфликта свою территориальную целостность, претендует с тех пор на лидерство в регионе, продвигая собственное видение его развития. Оптимистический сценарий предполагает заключение Азербайджаном и Арменией мирного договора. Но такая перспектива представляется не столь очевидной в контексте сохраняющихся противоречий между официальными Ереваном и Баку, нерешенных проблем — главным образом территориальных. Не завершен процесс демаркации и делимитации границы между государствами после прекращения существования в январе 2024 г. непризнанного Нагорного Карабаха. Предметом спора остается и армянская конституция, из которой Баку требует исключить положения, способные, по его мнению, создать правовые основания для территориальных претензий Армении к Азербайджану.

Создавать препятствия на пути достижения Арменией и Азербайджаном устойчивого мира могут и активно вовлекающиеся в дела ЮК внешние (в т. ч. внерегиональные) силы. Турция, поддерживая Азербайджан в его противостоянии с Арменией как дипломатическими методами, так и поставками вооружения, резко повысила после войны свою роль в регионе, продолжая вести самостоятельную игру. Это побудит Иран, который «в значительной мере остался на периферии региональных перемен»¹⁸³, наращивать активность на ЮК.

В общем не способствует снижению напряженности и Миссия Европейского союза в Армении (EU Mission in Armenia, EUMA), сформированная 20 февраля 2023 г. решением Совета ЕС по иностранным делам в ответ на официальный запрос Армении. Мандат Миссии истекает 19 февраля 2025 г., и ЕС постарается продлить присутствие на ЮК своих наблюдателей. Их планируется разместить не только на прилегающей к Азербайджану территории Армении, но и вдоль армяно-турецкой границы. В контексте непростых отношений Турции с Францией и ЕС, а также требований Азербайджана вывести из зоны соприкосновения с Арменией «наблюдателей третьих стран» (т. е. Миссии ЕС) данная европейская инициатива интерпретируется азербайджано-турецким тандемом как антиазербайджанская. Предсказуема и негативная оценка Россией действий ЕС: Евросоюз, по мнению Москвы, в конечном счете нацелен на то, чтобы вытеснить Россию из процесса нормализации азербайджано-армянских отношений, а затем и подорвать геополитические позиции РФ в регионе.

Потенциальной горячей точкой может стать Грузия, где внутривосточный раскол общества и активное вмешательство во внутренние дела республики Запада, пытающегося разжечь здесь очередную «цветную революцию», могут придать дополнительный импульс региональной нестабильности.

¹⁸³ Гузаеров Р., Баскаков И. Иран и Турция после Второй Карабахской войны // Россия и новые государства Евразии. 2024. № 3. С. 148.

Приоритетными задачами *России* в сфере международно-политического взаимодействия со странами ЮК станут: а) противодействие потенциальным вооруженным конфликтам и продвижение инициатив, направленных на развитие конструктивного диалога между странами региона; б) развертывание не зависящего от глобальной геополитической конъюнктуры механизма сотрудничества, в том числе в формате «3 + 3» (3 южнокавказские страны плюс тройка их ближайших соседей в составе Ирана, Турции и России); в) реализация комплекса трехсторонних (армяно-азербайджано-российских) договоренностей на высшем уровне по нормализации армяно-азербайджанских отношений; г) развитие транспортно-логистических проектов, отвечающих интересам России, — в первую очередь Международного транспортного коридора (МТК) «Север — Юг», который сохранит свое значение для межгосударственных отношений на ЮК, а также для вопросов, связанных с региональными транспортными путями.

России предстоит чаще сталкиваться на ЮК с растущей конкуренцией, что станет стимулом для усилий по сохранению позиций в Южно-Кавказском регионе, имеющем для Москвы немалое стратегическое значение. Заинтересованность в поддержании безопасности на ЮК обусловит необходимость придания большей эффективности усилиям России по посредничеству в местных конфликтах, их урегулированию. Большое значение будут иметь шаги, направленные на активизацию участия российского капитала в базовых секторах региональной экономики. Задачи России будут также связаны с перспективами встраивания в южнокавказский транспортно-энергетический коридор и привлечения стран региона в качестве альтернативных участников российских проектов в сфере энергетики и транспортной логистики.

Турция при проведении своей политики на ЮК будет учитывать общее изменение геополитической ситуации в Евразии в связи с конфликтом на Украине, а также то, что ресурсы России, старающейся не оставлять Кавказ без своего внимания, будут во многом отвлечены на украинский кризис. Это даст основание турецким политикам надеяться на то, что на ЮК перед ними откроются новые возможности как в экономической сфере, так и в областях, связанных с обеспечением региональной безопасности.

Турция будет пытаться интегрироваться в общие с ЮК транспортно-логистические, в т. ч. энергетические проекты в обход России и Ирана. В рамках этих усилий она будет опираться на Азербайджан и Грузию, на которые (вместе с Казахстаном) будет возложена задача конструирования Транскаспийского международного транспортного маршрута (Среднего коридора). Его реализация подразумевает ослабление влияния России на Черном море и на ЮК, отдаление от России Армении и, соответственно, усиление позиций Турции и ее западных партнеров.

Стратегия *Ирана*, нацеленная на достижение экономических и политических выгод от сотрудничества со странами ЮК, будет сочетаться с императивом противодействия соперникам и конкурентам.

Признав территорию бывшей Нагорно-Карабахской республики частью Азербайджана, Иран будет претендовать на роль медиатора в решении армяно-азербайджанского спора, акцентируя необходимость обсуждения нерешенных вопросов в рамках политического

диалога и в формате «3 + 3». Особый интерес проявит Иран к проектам транспортных коридоров на ЮК. Здесь Иран намерен инициировать собственную транзитную стратегию, которая охватит совместные транспортные проекты с Азербайджаном. Это МТК «Север — Юг», а также альтернативная прокладка по территории Армении так называемого Зангезурского коридора и коридор Арас по территории Ирана в обход Армении.

Воспользовавшись временным ослаблением внимания России к Южному Кавказу, *Евросоюз* приложит усилия к тому, чтобы активизировать там свою деятельность. Не исключено, что Европейский парламент постарается приблизить Армению и Азербайджан к подписанию мирного договора, предложив обеим странам перспективу более тесной интеграции с ЕС.

США сохранят курс на сдерживание в регионе России и минимизацию ее влияния. Ввиду неопределенности ситуации в Грузии и выявившейся политической самостоятельности грузинского руководства США могут сместить акцент в развитии союзнических отношений на Армению, продолжая одновременно сохранять Грузию в фокусе своего внимания. Для достижения своих целей США и их союзники продолжат активно эксплуатировать армянскую национальную травму, педалируя идею о ненадежности России как союзника, якобы отдающего предпочтение Азербайджану в ущерб интересам Армении.

Ситуация в отдельных странах ЮК

Азербайджан

Состоявшиеся 7 февраля 2024 г. в Азербайджане внеочередные президентские выборы, на которых убедительную победу одержал действующий глава государства И.Г. Алиев (за него отдали голоса 92,12 % избирателей при явке в 76,73 %), свидетельствуют о безальтернативности внутриполитического консенсуса, достигнутого азербайджанским обществом после войны в Карабахе. Это, в свою очередь, открывает новые возможности для эффективного продвижения интересов Азербайджана как на региональном, так и на международном уровне.

Формат отношений Азербайджана с Россией будет определяться подписанной в феврале 2022 г. Декларацией о союзническом взаимодействии, а также документами, принятыми во время визита президента РФ в Азербайджан в августе 2024 г. Согласно им, помимо вопросов, связанных с развитием торгово-экономических и военно-политических отношений, внимание будет обращено на сферу гуманитарного сотрудничества.

Приоритетом внешней политики Азербайджана останется Турция, отношения с которой продолжают развиваться в рамках концепции «один народ — два государства». В рамках взаимодействия с Турцией Азербайджан будет прилагать усилия, направленные на укрепление потенциала Организации тюркских государств. Важное место в сотрудничестве государств займет военно-политическая сфера, которая, вероятно, будет преобладать над таким важным направлением их взаимодействия, как экономическое сотрудничество. Вместе с тем маловероятной видится перспектива учреждения в Азербайджане турецких военных баз, в чем Турция, несомненно, была бы заинтересована. Однако это не отвечает национальным интересам Азербайджана, стремящегося не нарушать баланс сил в регионе и

не портить отношения ни с Россией, ни со странами — конкурентами Турции (Иран и даже Израиль), от которых зависит поддержание безопасности в регионе.

Азербайджан постарается выстроить новые отношения с Ираном, делая упор на вопросы региональной связности и инфраструктурных проектах. Это впишется также и в новую иранскую стратегию, нацеленную на нормализацию отношений с соседними государствами. При этом Азербайджан сохранит и свою роль важнейшего поставщика нефти Израилю, поддерживая важное для обеспечения национальной безопасности военное сотрудничество с этим ближневосточным государством. Азербайджан продолжит развивать партнерские отношения и с такими крупными государствами Ближнего Востока, как Саудовская Аравия, Объединенные Арабские Эмираты и др.

Непростые отношения Азербайджана с ЕС, кульминацией которых стало заявление азербайджанской делегации в Парламентской ассамблее Совета Европы (ПАСЕ) в январе 2024 г. о приостановлении участия в работе этой структуры «в знак протеста против двойных стандартов в отношении Азербайджана», не мешают республике оставаться в числе ведущих поставщиков природного газа в страны — члены ЕС.

Армения

Судя по политическому курсу руководства страны во главе с премьер-министром Н.В. Пашиняном, Армения, похоже, смирилась с потерей непризнанного Нагорного Карабаха, но довольно болезненно воспринимает претензии Азербайджана на спорные участки на границе 2 стран и особенно педалирование темы так называемого Зангезурского коридора, который пролегал бы по территории армянского Сюника. Точнее, неприятие вызывает не столько сама перспектива прокладки транспортных коммуникаций, сколько стремление Баку и Анкары придать им экстерриториальный характер.

В республике будут и далее прилагать усилия к тому, чтобы придать забвению проблемы (геноцид, Карабах), осложнявшие в прошлом, как полагают находящиеся у власти политики, международные контакты Армении и создававшие препятствия для расширения взаимодействия республики с наиболее выгодными для ее экономики партнерами. Так, проблему Нагорного Карабаха предполагается рассматривать в рамках выдвинутой в апреле 2024 г. главой республики Н. Пашиняном идеи о несовместимости «реальной и исторической Армении», согласно которой «концепция самоопределения и статуса Карабаха» оказались «неправильно понятыми» армянским обществом¹⁸⁴. Свои перспективы руководство республики видит в нормализации отношений с соседями и в поддержании баланса в отношениях с Россией, Ираном, ЕС и США. Но в 2025 г. будет наблюдаться все более выраженный прозападный вектор внешней политики Армении с выстраиванием на перспективу особых стратегических отношений с рядом стран Запада (в первую очередь с Францией и США).

Торгово-экономическое взаимодействие Армении и России не претерпит в 2025 г. существенных изменений и сохранит динамику своего развития во многом благодаря сотрудничеству в рамках ЕАЭС, членство в котором выгодно Армении и потому пока не

¹⁸⁴ Насибова М. «Реальная» Армения и реалии Еревана // Caliber.az. 2024. 23.11. <https://caliber.az/post/realnaya-armeniya-i-realii-erevana?ysclid=m3yуmy56idz345321231>.

ставится под вопрос ее руководством. Россия сохранит свои обязательства по обеспечению безопасности Армении, как в двустороннем формате, так и посредством ОДКБ. Вместе с тем руководство Армении продолжит линию на ограничение участия республики в ОДКБ («замораживание» участия) и постарается не участвовать в мероприятиях Организации.

Наберут динамику активно налаживаемые после Второй карабахской войны отношения Армении с ЕС. Знаковым событием, стимулирующим этот процесс, явилось принятие в марте 2024 г. Европарламентом резолюции, в которой допускается предоставление Армении статуса страны — кандидата на членство в Евросоюзе при условии, что страна «продолжит идти по пути стабильных реформ, укрепляющих ее демократию». ЕС обещает при такой перспективе перевести отношения с Арменией на новый, более тесный уровень¹⁸⁵.

Грузия

В Грузии важнейшим событием уходящего 2024 г. стали состоявшиеся 26 октября парламентские выборы, победительницей которых явилась находящаяся у власти в Грузии с 2012 г. партия «Грузинская мечта», занявшая в парламенте 89 мест (53,93 % голосов)¹⁸⁶. Итоги выборов были оспорены оппозицией, начавшей с 29 октября проводить в Тбилиси массовые протестные акции. Несмотря на это, новый парламент назначил на 14 декабря 2024 г. выборы президента, и они пройдут по новым правилам — не путем прямого голосования, как раньше, а решением коллегии из 300 выборщиков из числа депутатов парламента и местных органов власти.

Хотя Грузия и получила в 2023 г. статус страны — кандидата на вступление в ЕС, переговоры о ее членстве в ближайшее время вестись не будут из-за недовольства руководства ЕС политикой грузинских властей, не присоединившихся к санкциям против России и принявших в 2024 г. «закон об иноагентах», и заморозки на этом фоне процесса переговоров с Брюсселем руководством Грузии.

Позиция Грузии в отношении России по-прежнему будет определяться нерешенностью, с точки зрения официального Тбилиси, абхазской и югоосетинской проблем. А потому вне зависимости от того, какой политической ориентации будет придерживаться правящая элита, Грузия не станет устанавливать дипломатический диалог с Москвой и не пойдет на восстановление дипломатических отношений. Маловероятным представляется и участие Грузии в обсуждении проблем ЮК на платформе «3 + 3»¹⁸⁷.

Абхазия

В Абхазии протест, начавшийся в ноябре 2024 г. с требований отозвать спорный инвестиционный договор с Россией и завершившийся отставкой президента А. Бжании, едва ли получит продолжение в 2025 г. Напряженность в абхазском обществе способны будут разрядить намеченные на февраль 2025 г. досрочные президентские выборы. Однако на

¹⁸⁵ Перешли во вступление // Коммерсантъ. 2024. 21.06. <https://www.kommersant.ru/doc/6788266>.

¹⁸⁶ Почему в Грузии торопятся с выборами нового президента // РБК. 2024. 25.11. <https://www.rbc.ru/politics/25/11/2024/67445af79a794759528afdda>.

¹⁸⁷ См. об этом: Маркаров А.А., Давтян В.С. Платформа сотрудничества «3 + 3» и перспективы разблокирования транспортных коммуникаций на Южном Кавказе // Геоэкономика энергетики. 2024. № 2 (26). С. 22–37. DOI: 10.48137/26870703_2024_26_2_22.

повестке дня останутся не решаемые местными властями проблемы, связанные с правами на владение землей, как не утихнет и внутренняя борьба между разными политическими группировками внутри республики.

Внутренние пертурбации в Абхазии будут носить локальный характер, ограниченный в основном пределами столицы. При любом развитии событий из повестки дня будет исключена перспектива налаживания Абхазией отношений с Грузией. Тем более что официальный Тбилиси, вне зависимости от партийной принадлежности кругов, стоящих у власти, отказывается вести какой-либо диалог с Абхазией. Однако не исключено такое развитие событий, при котором немалая часть абхазской политической и экономической элиты постарается закрыть страну от российского бизнеса. В этом случае руководству РФ придется решать сложную дилемму: либо идти на уступки, чтобы не утратить влияния в этой дружественной России стране, экономически зависящей от нее и имеющей для Москвы важное стратегическое значение; либо отказаться от спонсирования экономики этой черноморской республики с риском серьезной социально-политической дестабилизации ситуации в Абхазии и/или активизации там на этом фоне иных игроков, в первую очередь Турции.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ

Страны Центральной Азии (ЦА), верные многовекторной внешнеполитической и внешнеэкономической стратегии, продолжают прикладывать усилия к диверсификации траекторий своих внешнеполитических и внешнеэкономических связей. Вместе с тем объективные интересы определяют тяготение стран ЦА к сотрудничеству с *Россией* и *Китаем* как крупнейшими соседями центральноазиатских стран, имеющими с ними общие протяженные границы, а также державам, которые продолжают определять базовые направления евразийской экономики и политики. Геополитические реалии ЦА предопределяют значимость для них Евразийской интеграции (ЕАЭС), СНГ, а также инициативы КНР «Пояс и путь», которые сохраняют для региона приоритетное значение.

Одновременно уязвимость стран ЦА перед негативными последствиями конфликта вокруг Украины, глобальной экономической и политической нестабильностью, санкциями, ограничивающими возможности по экспорту и транспортировке товаров, придаст дополнительный импульс к углублению внутрорегионального взаимодействия. К нему будет привлекаться обладающий запасами нефти и газа Азербайджан, участвующий вместе со странами ЦА в Организации тюркских государств (ОТГ). Получат развитие и отношения в рамках тандема Казахстана и Узбекистана, утвердивших в 2024 г. программу партнерства на 10 лет. Этими «регионообразующими» государствами, «вокруг которых гипотетическая региональная интеграция может приобрести реальные очертания»¹⁸⁸, особый упор будет делаться на торговлю, транспортные проблемы, водную и энергетическую сферы. Поскольку возможности стран региона ограничены, они вынуждены будут так или иначе делегировать процесс институализации ЦА в качестве самостоятельного региона внешним силам¹⁸⁹, которые будут соперничать в основном за господство над энергетической сферой ЦА и контролем транспортных потоков.

Потенциальные угрозы безопасности ЦА будут исходить в первую очередь от негосударственных акторов — террористических сетевых организаций, базирующихся, в числе прочего, в Афганистане и на Ближнем Востоке. Меры по противодействию этим угрозам страны — соседи Афганистана предполагают обсудить в столице Туркменистана в январе 2025 г. на своей ежегодной встрече. Серьезные риски безопасности, но скорее не на 2025 г., а на перспективу, создает в ЦА проблема нехватки воды. Определенным вызовом региональному сотрудничеству и стабильности могут стать гидроэнергетические инициативы Таджикистана и Киргизии, а также гидротехнические проекты Афганистана, нацеленные на использование водных ресурсов для увеличения производства энергии и продовольствия в своих странах и создающие тем самым риски для сельскохозяйственного сектора Казахстана, Узбекистана и Туркменистана.

Заинтересованность центральноазиатских стран в расширении сотрудничества с Россией будет обусловлена ее ролью энергетического донора, важного торгового партнера и государства, способного обеспечить безопасность в регионе. Страны ЦА и Россия продолжают

¹⁸⁸ Мальшева Д.Б. Проблемы регионализации постсоветской Центральной Азии // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2020. Т. 13. № 3. С. 146. DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-3-8.

¹⁸⁹ Gusseinov E., Sultonnazarov A. The Future of Central Asian Integration in the Shadow of U.S.-China Confrontation // Central Asian Bureau for Analytical Reporting. 2024. 24.04. <https://cabar.asia/en/the-future-of-central-asian-integration-in-the-shadow-of-u-s-china-confrontation>.

координацию усилий в таких объединениях, как ЕАЭС, ОДКБ, СНГ и ШОС, а также взаимодействие на площадках ООН и других международных организаций и межгосударственных структур. Чтобы обеспечить себе в ЦА дружественное соседство — особенно в контексте разворачивающейся конфронтации с Западом, России потребуется пересмотреть свои внешнеэкономические и внешнеполитические приоритеты с учетом факторов формирования многополярного мира и растущей значимости в нем Глобального Юга, важным компонентом которого станет постсоветская ЦА.

Заметное место во внешних контактах стран ЦА займет **Турция**. Ее политика в регионе, как и усилия по формированию через механизмы ОТГ альтернативного СНГ и ЕАЭС «общетюркского» интеграционного объединения, станет серьезным вызовом стратегическим интересам России в центральноазиатском ближнем зарубежье.

Состоявшийся 6 ноября 2024 г. в Бишкеке 11-й саммит Организации тюркских государств на тему «Усиление тюркского мира: экономическая интеграция, устойчивое развитие, цифровое будущее» обеспечит Турции упрочение влияния в ЦА. Причем оно будет не только усилено в сфере языковой политики («разработки Большой тюркской языковой модели ОТГ»¹⁹⁰), но и нацелено на интеграцию в перспективе экономического и финансового секторов стран-участниц, активизацию военно-технического сотрудничества.

Проактивная политика Турции, стремящейся интегрироваться в общие с ЦА транспортные и энергетические проекты, нацеленные на обход России, будет сочетаться с желанием местных элит и правителей стран ЦА избежать — путем расширения партнерских отношений с Турцией — вовлечения в напряженные отношения между Западом, Россией и Китаем. Сама же Турция, опираясь на растущий интерес тюркских народов ЦА к своему культурно-историческому прошлому, объективно становится фактором вытеснения русского языка из культурного пространства региона.

Одной из стратегических задач для стран ЦА станет вовлечение **Афганистана** в региональные связи и поддержка процесса формирования там государственности. Стабильность афганской ситуации будет неразрывно связана с безопасностью всего центральноазиатского региона, а способность запрещенного в РФ Талибана контролировать джихадистские группировки и противостоять террористической деятельности напрямую повлияет на продвигаемые странами ЦА логистические, энергетические и транспортные проекты через территорию Афганистана.

Сотрудничество с **Ираном** будет рассматриваться в ЦА прежде всего сквозь призму возможностей этой ближневосточной страны предоставить республикам ЦА выход к Мировому океану через новые торговые и логистические маршруты.

Повышение в ЦА роли **Индии**, которая постарается предотвратить превращение этого региона в китайскую «вотчину», более вероятно, нежели усиление позиций **Пакистана**. Не исключено возрастание со временем в ЦА конкуренции между Индией и Китаем, которые

¹⁹⁰ По итогам 11-го Саммита глав государств ОТГ приняты ряд решений и подписаны многосторонние документы // Официальный сайт Президента Кыргызской Республики. 2024. 06.11. <https://president.kg/ru/news/21/26118>.

будут стремиться каждый по-своему определять каркасные элементы глобальной инфраструктуры Евразии.

Более весомой станет в ЦА роль **Саудовской Аравии** и других монархий Персидского залива, которые будут действовать в регионе в противовес культурному и экономическому влиянию Турции на тюркские народы ЦА, а Ирана — на родственных ему таджиков.

Интерес **Японии** к ЦА будет стимулироваться: а) темпами продвижения Китая в этот регион; б) растущими потребностями японского энергетического комплекса, вследствие чего можно предполагать активизацию сотрудничества с Казахстаном и Узбекистаном в сфере гражданских ядерных разработок и поставок урана в Японию. Но, как и **Республика Корея**, Япония не выйдет за пределы «точечного» экономического двустороннего сотрудничества с центральноазиатскими странами.

ЦА останется в сфере международных интересов **США**, если предположить, что новая американская администрация продолжит делать ставку на усиление давления на Россию, сосредоточив внимание на Европе и постсоветском пространстве. Другой — и более вероятный — сценарий предусматривает перенос тяжести американского военно-политического давления на АТР и Ближний Восток, что может произойти на фоне начавшегося процесса переориентации Глобального Юга на новые центры силы. В этом случае ЦА займет в приоритетах США периферийное положение. Сотрудничество с ЦА станет избирательным и коснется стран (Казахстана в первую очередь), где есть уран и редкоземельные металлы, а также энергоресурсы (нефть, природный газ). США при любом сценарии будут ориентированы на задачу снижения экономического влияния Китая и включения региона ЦА в альтернативные китайским и российским экономические и политические проекты.

Стратегии **Великобритании** и **Евросоюза** по-прежнему будут нацелены на получение доступа к сырьевым ресурсам ЦА. ЕС постарается предложить странам ЦА привлекательные альтернативы, способные, с одной стороны, уменьшить зависимость ЦА от России и Китая, с другой — соответствовать стратегическим интересам центральноазиатских республик, их меняющимся приоритетам и устремлениям.

Принятая Европейским парламентом 17 января 2024 г. резолюция о стратегии ЕС в отношении государств ЦА¹⁹¹, требующая от них в числе прочего соблюдения международных обязательств в отношении прав человека, послужит основанием для контроля ЕС за соблюдением странами ЦА режима санкций против России и Белоруссии. Как полагают в Европарламенте, «изоляция России, вызванная войной с Украиной», проектирование новых торговых путей через ЦА в обход России, планируемое расширение ЕС на Восток и растущее влияние Китая в регионе потребуют «полного переосмысления» стратегии ЕС по Центральной Азии и более активного вовлечения «демократического ЕС в регион как альтернативы устоявшимся автократическим игрокам»¹⁹². Исходя из этого, ЕС в

¹⁹¹ Report on the EU strategy on Central Asia. The European Parliament // Committee on Foreign Affairs. 2023. 06.12. https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/A-9-2023-0407_EN.html.

¹⁹² «Стратегически важный регион». Европарламент предлагает странам Центральной Азии сближение // Радио «Азаттык». 2024. 18.01. <https://rus.azattyq.org/a/central-asia-novaya-rezolyutsiya-sotrudnichestvo-evrosoyuza/32780131.html>.

рамках своей инициативы Global Gateway, на которую выделено более 300 млрд евро, намерен реализовать инфраструктурные проекты в Казахстане и других странах ЦА, в частности для развития Транскаспийского международного транспортного маршрута (ТМТМ). Внимание ЕС традиционно будет привлечено и к проблематике, связанной с «зеленым» переходом и сохранением в ЦА водных ресурсов.

Ситуация в отдельных странах ЦА

Казахстан

В Казахстане намеченные на 2025 г. выборы глав местных исполнительных органов власти (акимов) пройдут в соответствии с инициированной президентом К.-Ж. Токаевым реформой демократизации системы государственного управления. Прямые выборы акимов городов и районов областного значения расцениваются как «важный шаг к расширению политического участия граждан, улучшению прозрачности власти и повышению ответственности местных руководителей перед населением»¹⁹³.

Казахстан будет лидировать в ЦА в гонке за региональное лидерство, обостренной конкуренцией за контроль над международными грузоперевозками. В рамках ТМТМ Казахстан продолжит развивать инфраструктурные проекты в расчете на то, что это позволит ему диверсифицировать пути экспорта нефти и других товаров. В условиях повышенного международного внимания к этой центральноазиатской республике она постарается учесть интересы своих ключевых партнеров — России, Китая, Турции и стран Запада, не выходя при этом за рамки своей специфической многовекторной политики.

Сотрудничество России с Казахстаном не претерпит серьезных изменений. Расширение сети филиалов российских вузов, учреждение российского консульства в Актау, а также подписание 7 ноября 2024 г. Плана консультаций и сотрудничества на 2025–2026 гг., предположительно, позволит сделать более эффективным участие России в культурно-образовательных процессах в Казахстане. Есть также признаки того, что меняющийся международный контекст и непростая динамика политического процесса в Казахстане будут благоприятствовать развитию сценария, при котором усилится взаимозависимость России и Казахстана как ее ключевого партнера в ЦА.

Позиции Китая будут укрепляться за счет расширения торгово-экономического сотрудничества с Казахстаном. Неизменно прочные позиции сохранит за собой в Казахстане ЕС, что во многом будет связано с природой их отношений, завязанных на экспорт в Европу энергоресурсов. Казахстан, являющийся одним из мировых лидеров по производству природного урана, рассчитывает стать основным поставщиком этого важного стратегического сырья для атомной промышленности Франции, лишившейся с потерей влияния в Нигере 40 % урана, необходимого для ее атомной энергетики. В республике развернется активная разработка месторождений редкоземельных металлов с участием западноевропейского и американского капитала. Это позволит Западу усилить свои конкурентные возможности и одновременно станет вызовом военно-техническому

¹⁹³ Хакимов А. Выборы-2025 в Казахстане: вызовы и риски // Central Asia Cronos. 2024. 17.09. <https://cronos.asia/news/vybory-2025-v-kazahstane-vyzovy-i-riski>.

потенциалу Китая, производившего 70 % редкоземельных металлов, но остановившего их экспорт в интересах собственной аэрокосмической индустрии и ВПК.

США, в контексте продолжения ими поисков способов диверсификации поставок сырья в обход России, свой интерес в ЦА будут фокусировать преимущественно на Казахстане. Взаимодействие с ним США будут развивать в рамках «Диалога по расширенному стратегическому партнерству между США и Казахстаном» (United States-Kazakhstan Enhanced Strategic Partnership Dialogue, ESPD), очередное заседание которого намечено провести в 2025 г. в Астане. Инфраструктуру для ТМТМ и других торговых маршрутов в обход России США и Казахстан планируют создавать в рамках «Партнерства по глобальной инфраструктуре и инвестициям» (The Partnership for Global Infrastructure and Investment, PGI)¹⁹⁴.

Киргизия

В центре внимания руководства Киргизии останется поддержание внутривнутриполитической стабильности в стране. Это обстоятельство не станет препятствием для проактивного поведения республики на международной арене. Традиционно в фокусе политического руководства республики останутся водная и энергетическая проблемы, решать которые официальный Бишкек планирует путем подключения Узбекистана и Казахстана к масштабному проекту — строительству Камбаратинской ГЭС-1. Кроме того, республика предполагает играть более заметную транзитную роль в регионе и с этой целью будет прилагать усилия по подключению на своих условиях к строительству железнодорожной линии Китай — Кыргызстан — Узбекистан. По понятным причинам Киргизия по-прежнему будет уделять серьезное внимание решению вопросов делимитации и демаркации границы с Таджикистаном и окончательной деэскалации и стабилизации ситуации на юге страны.

В ООН Киргизия будет добиваться выдвижения своей кандидатуры на пост непостоянного члена Совета Безопасности ООН на 2027–2028 гг. Республика будет также продвигать проекты, связанные с горными регионами, с учетом принятой по инициативе Киргизии резолюции Генеральной Ассамблеи ООН «Устойчивое развитие гор», согласно которой 2023–2027 гг. объявлены пятилетием действий по развитию горных регионов. Кроме того, активной будет роль Бишкека в Организации тюркских государств, поскольку к Киргизии от Казахстана перешло председательство в ОТГ в 2025 г.

Таджикистан

Для Таджикистана одной из ключевых проблем останется формирование политического *modus operandi* во взаимоотношениях с Кабулом и поддержание стабильности на границе с Афганистаном. Приоритетное внимание Афганистану обусловлено рядом факторов: протяженностью таджикско-афганской границы, которая к тому же проходит по сложному горному рельефу; вовлеченностью этнических таджиков в базирующиеся в Афганистане и враждебные Душанбе экстремистские организации, что уже неоднократно приводило к

¹⁹⁴ Joint Statement on the United States-Kazakhstan Enhanced Strategic Partnership Dialogue // U.S. Embassy & Consulate in Kazakhstan. 2024. 05.06. <https://kz.usembassy.gov/joint-statement-on-the-united-states-kazakhstan-enhanced-strategic-partnership-dialogue-2>.

использованию граждан Таджикистана в терактах в Афганистане, Иране, Турции и России; сохраняющимися политическими противоречиями с властями Афганистана.

Власти Таджикистана будут вынуждены уделять серьезное внимание и ситуации в Горно-Бадахшанской автономной области (ГБАО), концентрироваться на поисках приемлемой формулы решения проблем региона, обеспечивающей управляемость и контроль над ним со стороны официального Душанбе. С учетом многовекторности внешней политики властей Таджикистана перед Душанбе встанет непростая задача формирования такого политического курса, который не только не привел бы к росту недовольства населения в ГБАО, но и учитывал бы озабоченность Запада в отношении прав памирцев.

В число других приоритетов государственной политики Таджикистана войдут вопросы, связанные с водными ресурсами, их рациональным и эффективным использованием. По инициативе Таджикистана Генеральной Ассамблеей ООН принята резолюция об объявлении 2025 г. Международным годом сохранения ледников. Запланировано проведение в мае 2025 г. в Душанбе первой Международной конференции по защите ледников.

Взаимодействие Таджикистана с Россией будет развиваться преимущественно по 3 направлениям. Сотрудничество в культурно-образовательной сфере, где, в частности, в рамках программы «Российский учитель за рубежом» планируется увеличить преподавание предметов на русском языке. Власти Таджикистана по-прежнему будут уделять серьезное внимание статусу таджиков — трудовых мигрантов в России. Но, безусловно, цементирующим отношения 2 стран будет сотрудничество в сфере безопасности в рамках ОДКБ и на двусторонней основе, связанное с модернизацией вооруженных сил страны и укреплением таджикско-афганской границы.

Сотрудничество Таджикистана с Китаем будет базироваться на итогах состоявшихся 5 июля 2024 г. переговоров Си Цзиньпина и Э. Рахмона. Помимо таких областей, как экономика, торговля, инвестиции, гуманитарная сфера, внимание будет обращено на борьбу с силами «3 зол» (терроризм, экстремизм, сепаратизм), трансграничной организованной преступностью, включая незаконный оборот наркотиков, и киберпреступностью¹⁹⁵.

Визит 30 июля 2024 г. президента Рахмона в Тегеран для участия в церемонии принятия присяги новоизбранным президентом Исламской Республики Иран, решение Таджикистана и Ирана об отмене с 10 августа 2024 г. виз для обладателей общегражданских заграничных паспортов¹⁹⁶, устойчивое развитие таджикско-иранских политических, экономических, торговых и научно-культурных связей говорит в пользу продолжения сотрудничества 2 стран. Таджикистан будет также ориентироваться в своей внешней политике на аравийские монархии Персидского залива, о чем свидетельствует визит президента Таджикистана в ноябре 2024 г. в Эр-Рияд для участия в Совместном чрезвычайном арабо-исламском саммите, на котором обсуждены вопросы международной политики и сотрудничества в регионе.

¹⁹⁵ Си Цзиньпин провел переговоры с президентом Таджикистана Эмомали Рахмоном // Официальный сайт МИД КНР. 2024. 06.07. https://www.fmprc.gov.cn/rus/zxxx/202407/t20240708_11450004.html.

¹⁹⁶ Между Таджикистаном и Ираном вступает в силу безвизовый режим // НИАТ «Ховар». 2024. 06.08. <https://khovar.tj/rus/2024/08/mezhdu-tadzhikistanom-i-iranom-vstupayet-v-silu-bezvizovyj-rezhim/>.

Туркменистан

Политическая система Туркменистана в рамках стратегий многовекторности и нейтралитета останется в целом закрытой для внешнего влияния. Вместе с тем значительно возросшая за период 2022–2024 гг. международно-политическая активность Туркменистана свидетельствует о том, что следовать тактике внешнеполитической равноудаленности становится все сложнее в условиях роста внутренних социально-экономических вызовов и рисков. Нельзя исключить и того, что Туркменистан поддастся уговорам Турции и стран Запада не только расширить торгово-экономические контакты, но и подключиться к механизмам военно-политического взаимодействия.

Россия планирует развивать с Туркменистаном двустороннее сотрудничество в области энергетики, транспорта, здравоохранения, образования, инженерной геологии. На фоне высоких темпов роста взаимного товарооборота Россия постарается подключить Туркменистан к проектам по развитию логистической инфраструктуры на Каспии, в рамках маршрутов МТК «Север — Юг», активизировать сотрудничество в образовательной и культурно-гуманитарной сферах, в том числе и на платформе Международного форума «Взаимосвязь времен и цивилизаций — основа мира и развития», запущенной Туркменистаном собственной диалоговой площадки на уровне первых лиц.

Неизменным во внешней политике Туркменистана останется вектор ООН, где на 2025 г. запланировано проведение торжеств и мероприятий в честь Международного года мира и доверия, который провозглашен на основе инициированной Туркменистаном Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН.

Узбекистан

Значимое событие, способное повлиять на дальнейшее политическое развитие Узбекистана, — состоявшиеся 27 октября 2024 г. выборы в Законодательную палату Олий Мажлиса (парламента) и Кенгаши (местные представительные органы) народных депутатов, открывшие новые возможности для модернизации страны, строительства в Узбекистане демократического, основанного на принципах рыночной экономики правового государства, создания возможностей для широкого вовлечения в экономику и политику предпринимателей и деловых людей, развития гражданского общества.

Приоритетом внешней политики Узбекистана останутся соседние страны, сотрудничество с которыми будет строиться на основе стратегии «Узбекистан-2030», предусматривающей последовательное продолжение политики, основанной на принципе «Безопасное и мирное государство»¹⁹⁷. Претендующий на роль моста между Афганистаном и странами ЦА Узбекистан намерен, в частности, проводить прагматичную политику в отношении Афганистана, выступая за поддержание диалога с Кабулом по вопросам безопасности границ, водопользования и развития торговли.

В отношениях с Россией Узбекистан сохранит приверженность укреплению отношений, базирующихся на принципах принятой в 2022 г. Декларации о всеобъемлющем

¹⁹⁷ Mirzayev Gulom. How the Phrase «Spirit of Central Asia» Appeared in World Political Science // Tolo News. 2024. 02.07. <https://tolonews.com/index.php/opinion-189541>.

стратегическом партнерстве. Планируется наращивание двусторонних отношений на основе договоренностей, достигнутых во время государственного визита в Ташкент 26–27 мая 2024 г. президента России В. Путина и рабочего визита в начале мая 2024 г. президента Ш. Мирзиёева в Россию, где лидер Узбекистана участвовал в юбилейном заседании Высшего Евразийского экономического совета в качестве главы государства — наблюдателя организации. Реализации накопленного потенциала взаимодействия Узбекистана и России на внешнеполитическом треке призвана содействовать Программа сотрудничества между министерствами иностранных дел на 2024–2025 гг.

Расширять свои связи Узбекистан планирует не только на таких традиционных направлениях, как ЦА, СНГ и Россия. Более активным в 2025 г. будет взаимодействие и развитие взаимовыгодного сотрудничества со странами Ближнего Востока, Персидского залива, Европы, а также государствами Южной и Юго-Восточной Азии. Особая роль во внешней политике и внешнеэкономических связях Узбекистана будет отведена Китаю. С ним в рамках инициативы «Пояс и путь» Узбекистан намерен разрабатывать новые инфраструктурные проекты, включая реализацию железнодорожного маршрута Китай — Кыргызстан — Узбекистан.

ИНДО-ТИХООКЕАНСКАЯ АЗИЯ

Географический регион, включающий в себя восточную, юго-восточную и южную части Азии, на протяжении последних десятилетий превратился в стратегически важное для разворачивающихся глобальных процессов политическое и экономическое пространство. Отражая общую направленность и характер этих процессов, развитие ситуации в бассейне 2 океанов имеет свою специфику, а в ряде случаев и собственную логику. Рост удельного веса стран региона в мировой экономике и международной торговле связан с повышенным динамизмом его ключевых составляющих и их претензиями на улучшение своего положения в глобальной иерархии богатства и силы. Возросшие амбиции региональных держав соседствуют со стремлением более слабых игроков сыграть на противоречиях между первыми и создать благоприятные условия для своего экономического развития. Одновременно это заставляет страны региона искать возможности повышения собственной значимости в качестве международных политических акторов и субъектов миропорядка.

Международные отношения на этом пространстве отражают глобальные геополитические разломы, частично объясняющие моменты конфронтации и формирование региональных военно-политических союзов. Вместе с тем здесь существуют собственные источники напряженности и противоречия, оказывающие влияние на внешнюю политику составляющих его стран. Немаловажное значение имеет и специфика внутривосточной ситуации в отдельных государствах, различия в провозглашаемых и реальных целях. В то же время географическое соседство вынуждает их искать пути к взаимной аккомодации и выстраиванию различных форм двустороннего и многостороннего диалога и взаимодействия.

В регионе действует большое количество многосторонних площадок и институтов для координации и совместного развития с разной степенью дееспособности и влиятельности. Возможная роль для каждой из них ограничивается общими тенденциями международных отношений в регионе и способностью мобилизовать необходимые финансовые и политические ресурсы. В условиях общего роста напряженности роль широких многосторонних структур в целом снижается, освобождая место для деятельности более узких по составу и функциям форматов взаимодействия и политической координации, например Quad и AUKUS. Это ведет к усилению «блокового» мышления, замыканию отношений на проблемах безопасности и выхолащиванию контента проектов с широким кругом участников. Растет объем упущенных возможностей сглаживания конфликтов и налаживания эффективного сотрудничества, в том числе в рамках сравнительно новых региональных структур — Всестороннего регионального экономического партнерства (ВРЭП) и Индо-Тихоокеанского экономического рамочного соглашения (ИТЭРС).

Вместе с тем характерной чертой международных отношений в регионе по-прежнему является высокая вероятность реализации различных сценариев их дальнейшей эволюции как на ближайшую, так и на долгосрочную перспективу.

Китай

Главной задачей руководства КНР в 2025 г. будет сохранение внутренней стабильности в интересах обеспечения благоприятных условий для экономического развития на фоне

возрастающего внешнего давления. После победы на президентских выборах Д. Трамп в конце 2024 г. сформировал свою команду из антикитайских «ястребов», что стало недвусмысленным указанием на грядущее ужесточение курса на сдерживание КНР. Помимо нанесения непосредственного ущерба китайской экономике, политика американской администрации способна оказать неблагоприятное косвенное воздействие на внутренний потребительский рынок, посеяв панику и неуверенность в будущем.

Во второй половине 2024 г. китайские власти приняли комплекс мер для стимулирования экономики, включая поддержку потребительского и фондового рынков, рынка недвижимости. Эти шаги породили позитивные экономические ожидания и повысили желание потребителей тратить деньги. Оживление внутреннего спроса поможет китайским предприятиям преодолеть трудности со сбытом продукции, улучшить свои показатели, расширить наем работников и тем самым смягчить проблему трудоустройства молодежи. Однако меры экономического стимулирования принесут ощутимый результат лишь начиная со второй половины 2025 г.

У Китая есть потенциал для роста экономики в 2025 г. на уровне 5 %. Для достижения этой цели китайскому руководству необходимо осуществлять скоординированную стратегию преобразований в условиях стабильности. Стратегические решения в сфере социально-экономического развития были приняты еще в 2024 г. на 3-м пленуме ЦК КПК 20-го созыва. Основной задачей 2025 г. станет их претворение в жизнь. В 2025 г. должен состояться 4-й пленум ЦК КПК 20-го созыва, темами которого могут стать вопросы государственного управления и правовой системы.

Главной угрозой для выполнения экономических планов Пекина становятся внешние шоки. Обещанное Д. Трампом существенное повышение пошлин на все товары, ввозимые в США из КНР, способно нанести чувствительный удар по китайским производителям. Осуществление этой угрозы сократит доходы Китая от экспорта, замедлит темпы роста ВВП, породит дополнительные трудности с обеспечением занятости.

Также следует ожидать ужесточения со стороны США и их союзников политики изоляции Китая в сфере передовых технологий. В 2025 г. будут подводиться итоги осуществления программы «Сделано в Китае 2025». Она была разработана в 2015 г., когда Пекин рассчитывал на продвижение современной продукции на внешние рынки в благоприятных условиях глобализации. Последующий опыт «торговых войн» и западных технологических ограничений подтвердил правильность замысла развития в Китае собственных мощностей по производству микрочипов. Большие успехи достигнуты в производстве и экспорте электромобилей. Китай продолжит движение по пути импортозамещения ключевых технологий и расширения производства высокотехнологичной продукции.

Если Д. Трамп выполнит угрозу повысить тарифные барьеры на пути китайского экспорта в США, позитивный внутренний эффект политики экономического стимулирования может быть в значительной мере ослаблен и даже утрачен. Китайские власти приложат все усилия, чтобы не допустить этого. Наиболее вероятным ответом Пекина на действия администрации США станет новый пакет мер по стимулированию экономики. Его побочными следствиями

могут стать чрезмерное смягчение монетарной политики, создание предпосылок для роста инфляции и увеличения внутреннего долга.

Замедление темпов развития экономики не сделает Китай более стоворчивым и не заставит его пойти на существенные уступки в адрес США. Поверхностные символические жесты с китайской стороны Трампу не нужны. Однако и Пекин не поддастся на призывы демонтировать государственную модель управления экономикой в обмен на отказ США от дальнейшего ухудшения условий торгово-экономического сотрудничества. Согласие на такой обмен нанесло бы сокрушительный удар по устоям политической системы КНР и не позволило бы реализовать долгосрочные цели развития.

В китайско-американских отношениях в 2025 г. будет нарастать напряженность, что негативно повлияет на военно-политическую ситуацию в Азиатско-Тихоокеанском регионе и на развитие мировой экономики. Если к концу года Д. Трамп убедится в бесперспективности экономического давления на Китай, он может попытаться поднять ставки, используя для этого тайваньскую проблему. В таком случае КНР и США столкнутся с полномасштабным кризисом двусторонних отношений и угрозой военного конфликта.

Китай продолжит политику снижения зависимости от экспорта в страны Запада, компенсируя выпадающие доходы путем расширения внутреннего цикла производства и потребления. Поиску новых рынков сбыта способствует расширение экономического сотрудничества Китая с Глобальным Югом. На международной сцене Китай будет все более активно выступать в защиту многополярности и новой справедливой модели глобализации, отвергая гегемонию США в мировых делах.

Осуществлению китайских приоритетов сотрудничества в Евразии в 2025 г. способствует председательство Китая в ШОС. Его ключевой темой Пекин провозгласил устойчивое развитие, включая вопросы сокращения бедности, обеспечения продовольственной безопасности и развития здравоохранения; финансирование развития; борьбу с изменениями климата; продвижение новых индустрий и цифровой экономики. Китай заявил о стремлении сделать свое председательство в ШОС активным и деятельным: запланировано свыше сотни мероприятий, нацеленных на углубление практического сотрудничества.

В 2025 г. ожидается проведение в Казахстане второго саммита Китая и стран Центральной Азии. Секретариат этого механизма взаимодействия был создан в 2024 г. в китайском городе Сиань. Чтобы продемонстрировать эффективность работы новой структуры, китайская сторона будет уделять проведению саммита значительное внимание. Все это позволит Китаю создать благоприятную для национального развития атмосферу сотрудничества со странами, расположенными в непосредственной близости от Северо-Запада КНР.

В 2025 г. Китай уделит особое внимание двум юбилейным датам — 80-летию победы в Войне сопротивления Японии и 80-летию основания ООН. Соответствующие декларации китайская сторона собирается предложить странам ШОС. Темы вклада Китая в победоносное завершение войны против фашизма и в создание ООН с акцентом на современную важность данной организации будут занимать значительное место в международных контактах Пекина.

Япония

В Японии произошедшая в сентябре 2024 г. смена председателя Либерально-демократической партии — главной партии японского истеблишмента — не повлияла на основные постулаты ее внутренней и внешней политики, которые определяются главным образом коллективным сознанием консервативной части политического класса страны. Они по-прежнему заключаются в поддержании социально-политической стабильности с нейтрализацией внесистемных сил и идеологий; использовании и осторожном поощрении роста национального самосознания как стабилизирующей, объединяющей и мотивирующей силы; активном использовании распределительных механизмов для поддержки хозяйственной конъюнктуры и корректировки дестабилизирующих дисбалансов; повышении экономической активности трудоспособной части населения и его рыночной ценности как ресурса. Отсюда доминирование в политической повестке мер поддержки низкодоходных слоев населения при стимулировании их активности на рынке труда; повышения профессиональной и географической мобильности рабочей силы; мер по цифровизации управления, образования и общественных услуг; пропаганды японского лидерства в реализации «зеленой» повестки и концепции комплексной безопасности.

Во внешней политике это предполагает усиление международного профиля Японии, акцентирование ее роли как азиатского форпоста коллективного Запада, более активное военное строительство и его проецирование на политику безопасности в регионе. Идеологической основой внешней политики остается концепция возвращения Японии в число главных игроков на международной арене посредством использования ее экономического, технологического и военного потенциала. Возникшая в результате внеочередных выборов в нижнюю палату парламента необычная для Японии ситуация, когда сформированное ЛДП и ее коалиционным партнером правительство не опирается на парламентское большинство, не меняет основных приоритетов официальной политической повестки. Вместе с тем она заставит правящий кабинет искать понимания части оппозиции для обеспечения поддержки тех или иных конкретных законопроектов.

В 2025 г. внешнеполитический блок японского правительства столкнется с рядом новых вызовов. Главный из них — смена президентской администрации в Вашингтоне. Прежняя администрация объективно создавала для реализации японской внешнеполитической стратегии относительно комфортные условия, делая упор на вербальное продвижение американской «политики союзов и партнерств» в этом регионе и избегая явной критики и давления на Японию как своего главного дальневосточного военно-политического союзника. С приходом Д. Трампа такое давление, по всей вероятности, усилится и коснется как торговых, так и военных вопросов. Помимо неизбежных новых трудных переговоров по тарифному и нетарифному регулированию взаимной торговли Японии предстоит столкнуться с требованием повысить расходы на нужды военного партнерства и на наращивание собственного военного потенциала. Японское правительство готово к увеличению затрат на эти цели, но своими темпами, с учетом существующих финансовых и политических ограничителей. При этом фактор личности Д. Трампа делает малоэффективными традиционные методы «разъяснения» Японией своей позиции; недовольство партнеров друг другом заметно возрастет. Этот же фактор усилит стремление США решать все острые вопросы на двустороннем уровне в противовес предпочтительному

отношению Японии к многосторонним форматам, в которых бюрократические регламенты объективно уменьшают возможности для диктата более сильного участника.

Новыми вызовами обернется и ожидаемое обострение американо-китайских противоречий. Несмотря на то, что антикитайская риторика объединяет Японию с США, такое обострение будет мешать попыткам японской дипломатии сохранить каналы для диалога с КНР на высшем уровне, необходимого для предотвращения инцидентов в точках соприкосновения интересов 2 стран. Усиление конфронтации по линии геополитических разломов также увеличивает риск вооруженного конфликта с КНДР, нежелательного для Японии в ее нынешних условиях. Возрастающие риски, однако, не препятствуют ужесточению риторики и нарастающему акценту на «сдерживание» оппонентов посредством нового военного строительства.

Япония выражает готовность повышать степень политического и военно-стратегического взаимодействия с Республикой Кореей, несмотря на разногласия в оценке общего прошлого и вытекающие из них актуальные раздражители. Эта готовность в целом находит отклик у действующей президентской администрации в Сеуле и, скорее всего, выльется в более обширный обмен чувствительной информацией и в создание новых организационных структур на двусторонней или трехсторонней (с участием США) основе.

Планы Японии повысить свою международную значимость посредством развития связей со странами Юго-Восточной Азии будут вступать в противоречие с демонстрацией ею своей включенности в военно-политическую повестку коллективного Запада. Это будет особенно заметно на фоне возросшего стремления государств ЮВА оставаться в стороне от конфликтных отношений Запада с Россией и Ираном и от европейских проблем в целом. Попытки Японии внести общезападную повестку в отношения в этом регионе будут встречать глухое сопротивление со стороны стран ЮВА.

Тот же фактор — стремление выглядеть как аванпост Запада на Тихом океане — будет препятствовать возобновлению дипломатического диалога Токио с Москвой, сошедшего на нет с обострением украинского кризиса. Многое, однако, будет зависеть от того, насколько далеко соображениям экономической безопасности Японии будет позволено оторваться от блоковой дисциплины внутри системы американоцентричных международных альянсов.

Республика Корея (РК)

Острый кризис конца 2024 г., буквально сотрясший Республику Корея (РК), был обусловлен преимущественно внутривнутриполитическими и социально-экономическими причинами¹⁹⁸. Его урегулирование займет определенное время. Однако нет оснований ожидать серьезных изменений в процессе корректировки внешней политики, начатом в 2022 г. администрацией Юн Сок Ёля, в соответствии со стратегией превращения страны в десятую экономику мира и «ключевую глобальную державу» (a global pivotal state). В рамках заявленного курса на инновационное развитие и цифровизацию в 2025 г. сохранится стремление РК к координации научно-технической политики и укреплению взаимодействия с США и Японией как в экономике, так и в сфере обороны, что в оппозиционной нынешнему

¹⁹⁸ Давыдов О.В. Цит. соч.

южнокорейскому руководству Демократической партии критически оценивается как вероятный «де-факто военный союз с Японией». Следует ожидать дальнейшего вовлечения РК в работу многосторонних структур с участием США, однако масштаб и качество практического американо-южнокорейского взаимодействия во многом будут зависеть от степени взаимного доверия руководства 2 стран. Как известно, первое президентство Д. Трампа ознаменовалось трудностями с достижением взаимопонимания, в частности по поводу увеличения вклада Сеула в финансирование размещенных в стране военных баз США. Именно поэтому нынешнее руководство РК поспешило в октябре 2024 г. заключить на выгодных для себя условиях соглашение с администрацией Дж. Байдена об увеличении в 2026–2030 гг. южнокорейских ежегодных расходов на содержание американских войск на Корейском полуострове. В 2026 г. эти расходы увеличатся на 8 %, до 1,1 млрд долл., в то время как в 2017–2021 гг. Д. Трамп в качестве президента США настаивал на увеличении расходов РК до 5 млрд долл. Нельзя исключить, что характер достигнутого соглашения и спешность его принятия за месяц до президентских выборов в США могут быть негативно восприняты новой американской администрацией.

Другой серьезной проблемой двусторонних отношений РК с США с большой вероятностью станет проблема отношений между РК и КНР. Столкнувшись с негативной реакцией Пекина на проамериканский крен южнокорейской внешней политики, а также на японо-южнокорейское сближение, Сеул стремится разъяснить китайской стороне свои действия, отмечая наличие «общих интересов с Китаем». Вероятно, в 2025 г. Сеулу предстоит ощутить серьезное давление администрации Д. Трампа в случае проведения Вашингтоном курса на активизацию «сдерживания» Китая.

В этих условиях действия Сеула, скорее всего, будут носить взвешенный характер, отражая стремление РК решить сложную дипломатическую задачу: не допустить сколько-нибудь существенного обострения отношений с КНР, не давая при этом США повода сомневаться в своей лояльности двустороннему военно-политическому альянсу.

Следуя концепции «Новой южной политики плюс» (New Southern Plus Policy), в прогнозный период Сеул будет продолжать развитие многогранных связей, прежде всего в сфере экономики, со странами АСЕАН в рамках пятилетнего плана сотрудничества на 2021–2025 гг., дополнив их диалогом по вопросам региональной безопасности. В 2025 г. вероятны новые инициативы Сеула, нацеленные на укрепление связей со странами АСЕАН в обеспечении безопасного судоходства и повышении кибербезопасности, а также в гуманитарной сфере. Сохранится преимущественное взаимодействие по всем этим вопросам с Вьетнамом, Индонезией и Сингапуром.

КНДР

В КНДР не просматриваются объективные предпосылки для существенных изменений в 2025 г. внутриэкономического и внутривнутриполитического характера. Вместе с тем вероятно повышение активности северокорейской дипломатии. В интересах Пхеньяна закрепить партнерские отношения с Россией, в том числе с расчетом побудить Китай активизировать связи с КНДР. Наконец, северокорейская дипломатия будет нацелена на обеспечение

позитивных сдвигов в северокорейско-американских отношениях в надежде на возобновление прямых контактов главы КНДР с Д. Трампом.

В течение прогнозного периода на Корейском полуострове и в межкорейских отношениях будет сохраняться напряженность. Вместе с тем ситуация вокруг Корейского полуострова будет носить контролируемый характер на фоне вероятного повышения дипломатической активности.

АСЕАН

Внутриполитическое развитие стран, входящих в АСЕАН, будет проходить без глубоких потрясений. Маловероятно, что предстоящие выборы на Филиппинах и в Сингапуре приведут к эскалации социальной нестабильности. Основным приоритетом внутренней политики и экономики государств ЮВА, как и прежде, останется развитие высокотехнологичных секторов и институтов взаимодействия власти и бизнеса, а также адаптация национальных инструментов сотрудничества к реализации многосторонних проектов в рамках этой организации.

Сотрудничество стран АСЕАН как между собой, так и с партнерами по диалогу будет выстраиваться вокруг оценки реализации официальных целей Сообщества АСЕАН до 2025 г. и разработки «Стратегических планов по формированию Сообщества АСЕАН до 2045 г.». Скорее всего, в 2025 г. будет объявлено о частичном достижении поставленных целей, как это уже было сделано 10 лет назад в отношении аналогичного документа, а невыполненные задачи будут перенесены в «Стратегические планы Сообщества АСЕАН до 2045 г.». Продолжится реализация многосторонних проектов АСЕАН, в том числе с участием партнеров по диалогу, в таких сферах, как энергетика, транспорт и логистика.

Важным направлением диалога государств ЮВА станет цифровая поддержка реализуемых многосторонних инициатив. Его институциональным каркасом станет Рамочное соглашение по развитию цифровой экономики, согласование условий которого будет проходить в условиях цейтнота. Понимая, что положения этого соглашения далеки от реалий Юго-Восточной Азии, АСЕАН будет искать возможности унифицировать подходы своих стран-участниц к различным направлениям цифрового сотрудничества, вплоть до постановки вопроса о выработке единой технологической политики.

Можно ожидать попыток АСЕАН координировать свою политику с развитием многосторонних экономических форматов с участием внерегиональных игроков, в частности ИТЭРС. Однако основное внимание АСЕАН будет уделять платформе ВРЭП, координируя ее с другими форматами и инициативами, прежде всего китайской мегастратегией «Пояс и путь». В сфере политики и безопасности АСЕАН будет, как и прежде, адаптировать выстраиваемую ею азиатско-тихоокеанскую систему безопасности, представленную площадками Регионального форума АСЕАН по безопасности (АРФ), Совещания министров обороны АСЕАН (СМОА+) и Восточноазиатского саммита, к тем направлениям, которые развивают ее внерегиональные партнеры, прежде всего к Четырехстороннему формату по безопасности (QUAD).

Основной угрозой безопасности ЮВА будет оставаться проблема Южно-Китайского моря. Вероятность подписания Кодекса поведения сторон в Южно-Китайском море представляется невысокой. Возможно обострение противоречий между КНР и государствами Индокитая по вопросам освоения ресурсов реки Меконг.

Будет нарастать взрывоопасный потенциал противоречий, связанных с цифровой сферой. Он станет следствием напряженности в китайско-американских отношениях: АСЕАН и входящие в нее страны находятся между китайской и американской цифровыми экосистемами (5G-интернет, цифровые платформы, цифровые валюты центральных банков, и пр.).

В отношениях с партнерами по диалогу акцент будет сделан на инициативах, нацеленных на повышение конкурентоспособности АСЕАН в целом и ее участников в частности, а также на утверждение за собой роли влиятельного глобального игрока. Можно ожидать роста интереса стран АСЕАН к расширенному объединению БРИКС, а также выстраиванию связей с ШОС, ЕАЭС и другими евразийскими форматами. Продолжится взаимодействие АСЕАН с Китаем по линии увязки ее многосторонних проектов с инициативой «Пояс и путь». В диалоге с Российской Федерацией произойдет обновление целеполагания сотрудничества после завершения Всеобъемлющего плана действий по реализации Стратегического партнерства между РФ и АСЕАН в 2021–2025 гг.

Индия

После относительно удачного выступления правящего «Национально-демократического альянса» на общенациональных выборах (293 места вместо запланированных 400, что, тем не менее, позволило правоцентристам остаться у власти) «Бхаратия Джаната парти» провела работу над ошибками. Следующие выборы в ключевых штатах, таких как Харьяна и Махараштра, показали, что партия среагировала на недовольство населения ее политикой и приняла меры, произведя успешную ротацию кадров в региональных отделениях, реализовав популярные меры поддержки малоимущих и задействовав все имеющиеся в ее распоряжении механизмы пропаганды на низовом уровне. Не везде результат оказался успешным: так, в Джаркханде БДП не смогла переломить негативную тенденцию среди племен и потерпела поражение, уступив местной партии – союзнику ИНК.

В 2025 г. должны состояться местные выборы в Дели (февраль), где сейчас правит оппозиционная «Аам Адми парти», и в Бихаре, где у власти БДП (октябрь-ноябрь). В Дели традиционно сильны оппозиционные настроения, и поражение БДП там не будет воспринято как серьезный удар по ее репутации, в случае победы же правые резко улучшат свои политические позиции. В то же время результаты выборов в Бихаре, одном из беднейших и при этом самых населенных штатов «хиндиязычного пояса», станут проверкой успешности аграрной политики БДП, и поражение станет для нее серьезным ударом.

Индийская внешняя политика в 2025 г. не претерпит существенных изменений: как и прежде, в основе ее будут лежать концепции стратегической автономии и мультиприсоединения. Ключевой задачей будет укрепление экономических и политических отношений со странами Индоокеанского субрегиона, в том числе отношений в сфере безопасности. Главным препятствием, как и ранее, будет дефицит ресурсов в распоряжении

Индии, не позволяющий Дели выступить в качестве полноценного конкурента Пекина, предложив аналогичные по масштабам программы финансовой помощи. Это вынуждает Индию, во-первых, ориентироваться на сотрудничество с внешними игроками (США, Японией, Францией, Германией, Австралией и другими), во-вторых, компенсировать нехватку финансовых средств неэкономическими активами.

Задачами, определяющими внешнюю политику Индии, останутся поиск экономических партнеров, которые позволят правительству Н. Моди реализовать его амбициозные цели по реформированию экономики страны и созданию новых производственных цепочек, что позволит Индии занять новые позиции в мировой системе распределения труда и стать третьей экономикой мира по ВВП (номинал), а также обеспечение безопасности границ своей сферы влияния. Это подразумевает наращивание индийской внешнеполитической и внешнеэкономической активности в регионах Южной и Юго-Восточной Азии, на Ближнем Востоке, в регионе Индийского океана.

Главной интригой остается дальнейшее развитие отношений с Китаем. В течение последних 5 лет их динамика определялась итогами столкновения в долине реки Галван в июне 2020 г., приведшего к гибели более 20 индийских и китайских военнослужащих. Этот инцидент нарушил процесс потепления в индийско-китайских отношениях, начавшийся с визита Н. Моди в Ухань в 2018 г. Достигнутое на полях саммита БРИКС в Казани соглашение показало, что этот инцидент в целом исчерпан и основной вопрос сейчас состоит в том, решится ли индийское руководство на новые шаги в сторону Китая или предпочтет не рисковать хорошими отношениями со странами Запада.

В 2024 г. Индия продемонстрировала заинтересованность в скорейшем окончании конфликта на Украине; это связано прежде всего с общими проблемами в мировой экономике, ставшими результатом украинского кризиса и негативно отражающимися на реализации индийских внешнеэкономической и внешнеполитической стратегий. В 2025 г. эти попытки, очевидно, продолжатся, и в случае успеха Моди использует их для укрепления своего внутриполитического имиджа.

В настоящий момент потенциально наиболее проблемными зонами для Индии остаются Шри-Ланка и Мальдивские острова.

Шри-Ланка

На Шри-Ланке по итогам президентских выборов к власти пришел кандидат от левых сил Анур Кумар Дисаянака, которого ряд индийских политиков и экспертов склонен рассматривать как прокитайского кандидата из-за его симпатий к марксизму и прошлых связей части поддерживающих его сил с КНР. Индия делала ставку на победу другого кандидата — Саджита Премадасы. Однако Дисаянака уже заявил, что намерен учитывать интересы Индии, активно привлекать иностранные инвестиции в сферу «зеленой» энергетики и в целом ориентироваться на взаимодействие с ланкийскими бизнесменами, живущими за границей. Вместе с тем очевидно, что, невзирая на индофильскую риторику, Дисаянаке придется развивать связи с КНР как с единственной страной, способной в полном масштабе спонсировать проекты развития на Шри-Ланке.

Мальдивы

На Мальдивах президент Мохамед Муиззу, пришедший к власти в том числе на антииндийской риторике и изначально рассматривавшийся как прокитайский кандидат, в последние месяцы резко изменил курс. Он посетил Индию с пятидневным визитом, встретился с премьер-министром Нарендрой Моди и заключил ряд соглашений, в том числе о строительстве торгового порта на искусственном острове Тилафуши рядом с Мале; о предоставлении Индией финансовой поддержки Мальдивам и о запуске на Мальдивах индийской платежной системы RuPay. В 2025 г. Моди должен посетить Мальдивы с государственным визитом, что, как ожидается, придаст дополнительный стимул сотрудничеству 2 стран. Тем не менее в отношении Мальдив действует тот же набор ограничений и стимулов, что и в отношении Шри-Ланки: любое мальдивское правительство вынуждено будет развивать связи с Китаем, что будет нервировать индийский политикум.

Традиционные проблемы безопасности региона, связанные с индо-пакистанским и индо-китайским противостоянием, менее динамичны. Индо-пакистанские отношения остаются фактически замороженными после принятого индийскими элитами решения лишить бывший штат Джамму и Кашмир автономного статуса в августе 2019 г., что обусловило непримиримую позицию Исламабада в отношении Нью-Дели.

При этом ничто не указывает ни на возможность эскалации конфликта, ни на перезапуск переговорного процесса. Представляется, что даже резкое обострение ситуации или, наоборот, потепление в отношениях никак не скажется на общем характере взаимоотношений Нью-Дели и Исламабада.

Пакистан

Основным внутривнутриполитическим сюжетом Пакистана в 2025 г. останется противостояние правительства во главе с премьер-министром Шахбазом Шарифом, представляющим партию «Пакистанская мусульманская лига Наваза Шарифа» (ПМЛ-Н), и оппозиции в лице сторонников партии «Движение за справедливость», чей лидер – бывший премьер-министр Пакистана Имран Хан – находится в заключении. Прошедшие в феврале 2024 г. всеобщие парламентские выборы показали, что Имран Хан пользуется широкой поддержкой населения – его сторонникам удалось получить больше депутатских мандатов, чем представителям любой другой политической силы¹⁹⁹. Однако правительство было сформировано лидерами ПМЛ-Н, Пакистанской народной партии (ПНП) и прочих системных партий, лояльных пакистанскому генералитету.

Военно-гражданское руководство Пакистана продолжит применять широкий набор репрессивных мер против оппозиции в ответ на ее шаги по обострению конфликта. Несмотря на это, в 2025 г. стоит ожидать продолжения акций оппозиции (марши на Исламабад с требованием освобождения Имрана Хана), требований отставки правительства и снижения политической роли генералитета. При этом исход противостояния будет зависеть не от уровня народной поддержки одной из политических сил (в этом аспекте оппозиция, по-видимому, впереди), а от удовлетворенности военных элит текущим положением дел, то есть

¹⁹⁹ Election 2024 // The Dawn <https://www.dawn.com/elections-2024/>

результатами работы правительства Шахбаз Шарифа. Однако даже в случае крупных неудач нынешнего кабинета вероятность возвращения Имрана Хана в кресло премьер-министра в 2025 г. остается крайне низкой, поскольку для этого необходимо восстановление рабочих отношений с генералитетом.

В центре внутривластной ситуации в Пакистане будут попытки стабилизировать макроэкономическую ситуацию на фоне неухаживающей ожесточенной борьбы между правительством, поддерживаемым военными элитами, и оппозицией во главе с Имраном Ханом, а также контртеррористических мероприятий против исламистов в провинции Хайбер-Пахтунхва и сепаратистов в провинции Белуджистан. Общие императивы внешней политики Пакистана не изменятся: военно-политическое руководство Пакистана будет стремиться поддерживать стратегическое партнерство с КНР, США и странами Персидского залива, а также нивелировать угрозы безопасности со стороны Индии и Афганистана.

Самой острой проблемой для пакистанских элит останется террористическая активность в провинциях Хайбер-Пахтунхва и Белуджистан. Для противодействия этим угрозам в 2025 г. продолжится «многоаспектная контртеррористическая кампания» под названием «Азм-е-Истехкам» («Решимость во имя стабильности», Azm-e-Istehkam), запущенная в июне 2024 г. Военное командование Пакистана подчеркивает, что кампания не является лишь очередной контртеррористической операцией, а представляет собой комплексную программу, нацеленную на долгосрочное разрешение проблемы терроризма²⁰⁰. Можно предположить, что генералитет постарается отказаться от интенсивных боевых действий, которые сопровождалась потерями среди мирного населения, в пользу точечных операций с меньшим сопутствующим ущербом.

В 2025 г. стоит ожидать дальнейшего развития связей Москвы и Исламабада. На это указывает наблюдаемая в 2024 г. интенсификация российско-пакистанских контактов: визиты председателя Совета Федерации и заместителя председателя правительства в Пакистан, возобновление ежегодных двусторонних контртеррористических учений сил специальных операций ВС РФ и Пакистана «Дружба», заключение первых соглашений о бартерной торговле. При этом факторы, сдерживающие развитие отношений, остаются прежними: отсутствие собственных финансовых ресурсов у пакистанской стороны не сулит российскому бизнесу выгод от реализации крупных проектов, а взаимодействие в вопросах безопасности (включая военное и военно-техническое сотрудничество) требует учета возможной реакции Индии.

Бангладеш

В 2025 г. ожидается избрание нового постоянного правительства на всеобщих парламентских выборах, но решение этого вопроса может затянуться. Согласно ст. 123 Конституции Бангладеш, новые всеобщие выборы должны состояться в течение 90 дней после роспуска парламента (парламент был распущен 5 августа 2024 г.), а старое правительство считается действующим и не может уйти в отставку до избрания нового.

²⁰⁰Azm-e-Istehkam multi-domain campaign to eradicate terrorism // Ministry of Information and Broadcasting. 2024. 22.07. <https://moib.gov.pk/News/63047#:~:text=Government%20of%20Pakistan&text=Quoting%20a%20declaration%20issued%20by,of%20terrorism%20from%20the%20country.>

После бегства из страны 5 августа 2024 г. премьер-министра Бангладеш шейх Хасины и отставки ее правительства, роспуска парламента и формирования военными временного правительства во главе с Мухаммадом Юнусом положения основного закона оказались нарушены, а примерные даты проведения голосования так и не были объявлены.

Для проведения новых всеобщих парламентских выборов в Бангладеш необходимо пересмотреть конституцию, что в нынешних условиях возможно только путем созыва учредительного собрания. Выборы нового правительства могут состояться только после принятия учредительным собранием новой конституции. Для этих целей 11 сентября 2024 г. временное правительство объявило о создании Комиссии по разработке конституционной реформы. В настоящее время продолжается подготовка дорожной карты, которая определит порядок избрания делегатов в учредительное собрание. По оценкам главнокомандующего армией генерала Вакар-уз-Замана, избрание нового правительства займет от 12 до 18 месяцев²⁰¹.

Несмотря на масштабные внутривнутриполитические перемены, в основополагающих принципах бангладешской внешней политики в 2025 г. радикальных изменений не произойдет. На международной арене Бангладеш продолжит курс на балансирование между ведущими державами. Бангладеш не откажется от курса на поддержание равноудаленности между Индией и Китаем, невзирая на определенное охлаждение в отношениях Дакки и Дели из-за волны нападений на индусов, проживающих на бангладешской территории, в августе 2024 г. В то же время временное правительство во главе с М. Юнусом продолжит демонстрировать повышенный интерес к американским льготным кредитам. В сентябре 2024 г. между Бангладеш и Агентством США по международному развитию было подписано соглашение о предоставлении бангладешской стороне гранта на сумму 200 млн долл. США для реализации программы реформ, намеченных временным правительством.

В 2025 г. можно ожидать дальнейшего развития связей Дакки и Москвы. Флагманом сотрудничества, несмотря на возможный сдвиг сроков, останется проект строительства российской государственной корпорацией «Росатом» АЭС «Руппур» на территории Бангладеш. Проект находится на финальной стадии: в октябре 2024 г. была завершена сборка реактора на первом энергоблоке, а глава временного правительства М. Юнус призвал российских предпринимателей нарастить инвестиции в бангладешскую экономику. Если Дакка будет своевременно выполнять свои обязательства по погашению процентов и основной части долга российской стороне и сотрудничество России с Бангладеш не будет сдерживаться угрозой новых вторичных санкций со стороны коллективного Запада, первый энергоблок может быть введен в эксплуатацию уже в 2025 г.

²⁰¹ Bangladesh Army chief gives timeline for democracy, seeks election in 18 months // The Hindu. 2024. 24.09. https://www.dhakacourier.com.bd/news/Nation_this_week/Army-Chief-General-Waker-uz-Zaman-said-Bangladesh-should-return-to-electoral-democracy-in-12-18-months/8557.

БИБЛИОГРАФИЯ

Часть I. ГЛОБАЛЬНЫЕ ТРЕНДЫ

1. База данных International Trade Centre: <https://www.intracen.org/>.
2. Базы данных Банка международных расчетов: <https://www.bis.org/>.
3. Базы данных Евростата: <https://ec.europa.eu/eurostat/data/database>.
4. Базы данных Международного валютного фонда: <https://www.imf.org/en/Data>.
5. Базы данных Международного энергетического агентства: <https://www.iea.org/>.
6. Базы данных Министерства энергетики США: <https://www.energy.gov/>.
7. Базы данных Мирового банка: <https://data.worldbank.org/>.
8. Базы данных Продовольственной и сельскохозяйственной организации Объединенных Наций (ФАО): <https://www.fao.org/home/en>.
9. Информационный портал 29-й Конференции сторон Рамочной конвенции ООН по изменению климата (COP29): <https://cop29.az/en/home>.
10. Информационный портал Европейской комиссии Energy, Climate change, Environment: https://commission.europa.eu/energy-climate-change-environment_en.
11. Комитет Государственной Думы по бюджету и налогам обсудил прогноз социально-экономического развития РФ // Министерство экономического развития Российской Федерации. 2024. 14.10. https://economy.gov.ru/material/news/komitet_gosudarstvennoy_dumy_po_byudzhetu_i_na_logam_obsudil_prognoz_socialno_ekonomicheskogo_razvitiya_rf.html.
12. Defence Expenditures of NATO Countries (2014–2024) // North Atlantic Treaty Organization. 2024. 17.06. https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_226465.htm.
13. World hunger facts: What you need to know in 2024 (and 2025) // Concern Worldwide. 2024. 10.10. <https://www.concern.net/news/world-hunger-facts-figures>.
14. Богданов К., Кадырмамбетов Т., Кобринская И., Фрумкин Б. «Поворот на Юг»: вызовы и возможности для России и постсоветских республик // Россия и новые государства Евразии. 2023. № 2. С. 71–90.
15. Богданов К.В., Кобринская И.Я., Фрумкин Б.Е. Гонка на Глобальном Юге, или Битва за мировое большинство. Перспективы России // Россия в глобальной политике. 2024. Т. 22, № 5. С. 80–97. DOI 10.31278/1810-6439-2024-22-5-80-97.
16. Богданов К.В., Фрумкин Б.Е., Кобринская И.Я. A Race for the Global South or a Battle for the World Majority: Russia's Prospects // Russia in Global Affairs. 2024. Vol. 22. Issue 4. P. 64–81. DOI 10.31278/1810-6374-2024-22-4-64-81.
17. Войтоловский Ф.Г. Нестабильность в мировой системе // Международные процессы. 2009. Т. 7. № 19. С. 4–16.
18. Давыдов О.В. Политический кризис в Южной Корее: что за этим стоит? // ИМЭМО РАН. 2024. 05.12. <https://www.imemo.ru/publications/policy-briefs/text/political-crisis-in-south-korea-whats-behind-it>.
19. Истомина И.А., Байков А.А. Альянсы на службе гегемонии: деконструкция инструментария военно-политического доминирования // Полис. Политические исследования. 2020. № 6. С. 8–25.
20. Кобринская И. Россия в мировой политике: Quo vadis? В кн.: В.Г. Барановский, Э.Г. Соловьёв (ред.), Год планеты. Выпуск 2023 г.: экономика, политика, безопасность. — М.: Идея-пресс, 2024. С. 56–69.
21. Картунов А.В. От постмодернизма к неомодернизму, или Воспоминания о будущем. Россия в глобальной политике // Россия в глобальной политике. 2017. <https://globalaffairs.ru/articles/ot-postmodernizma-k-neomodernizmu/>.
22. Хаббард Д. У. Как измерить все, что угодно. Оценка стоимости нематериального в бизнесе. — М.: Олимп-Бизнес, 2014.

23. Широ́в А., Порфи́рьев Б., Гусев М., Колпаков А. Россия в условиях регионализации мировой экономики // *Мировая экономика и международные отношения*. 2024. Т. 68. № 11, С. 72–83. DOI: 10.20542/0131-2227-2024-68-11-72-83.
24. Bogdanov K. Flexible Coalitions: Origins and Prospects // *Russia in Global Affairs*. 2019. Vol. 17. No. 3. P. 132–150.
25. Herzog S., Kunertova D. NATO and Emerging Technologies — The Alliance’s Shifting Approach to Military Innovation // *Naval War College Review*. 2024. Vol. 77. No. 2. P. 47–69.
26. Miller M.C. China and India Compete for Leadership of the Global South // *Council on Foreign Relations*. 2024. 01.02. <https://www.cfr.org/blog/china-and-india-compete-leadership-global-south>.
27. U.S. Strategy Toward Sub-Saharan Africa // *The White House*. 2022. 08.08. <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/08/U.S.-Strategy-Toward-Sub-Saharan-Africa-FINAL.pdf>.
28. Zanny Minton Beddoes. The three forces that will shape 2025 // *The Economist*. 2024. 18.11. <https://www.economist.com/the-world-ahead/2024/11/18/the-three-forces-that-will-shape-2025>.

Часть II. ЭКОНОМИКА

1. Аналитики ухудшили прогнозы роста экономики Китая в 2024 году // *Независимая газета*. 2024. 17.09. https://www.ng.ru/economics/2024-09-17/4_9095_news1.html.
2. Белокрыцкий В. Экономика Пакистана — причины и последствия замедленного роста // *Мировая экономика и международные отношения*. 2024. Т. 68. № 3. С. 69–78. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2024-68-3-69-78> EDN: ZPOIUIJ.
3. Богданов К.В., Кобринская И.Я., Фрумкин Б.Е. Гонка на Глобальном Юге, или Битва за мировое большинство // *Россия в глобальной политике*. 2024. Т. 22. № 5. С. 95. DOI: 10.31278/1810-6439-2024-22-5-80-97. <https://globalaffairs.ru/articles/bolshinstvo-bogdanov-kobrinskaya-frumkin/>.
4. Боровикова К. Юань бери — не хочу // *Коммерсантъ*. 2024. 24.09. <https://www.kommersant.ru/doc/7181678>.
5. Никитина Е.Н., Пожилова Н.А. Международные механизмы компенсации климатических потерь и ущерба: Новации // *Мировая экономика и международные отношения*. 2023. № 67(10). С. 62–70.
6. Россия и мир: 2024. Экономика и внешняя политика. Ежегодный прогноз / рук. проекта: А.А. Дынкин, В.Г. Барановский; отв. ред.: И.Я.Кобринская, Г.И.Мачавариани. — 124 с. — М.: ИМЭМО РАН, 2023.
7. ФАО, МФСР, ЮНИСЕФ, ВПП и ВОЗ, 2024. Краткий обзор. Положение дел в области продовольственной безопасности и питания в мире — 2024. Финансирование деятельности по ликвидации голода, отсутствия продовольственной безопасности и неполноценного питания во всех его формах. Рим, ФАО. С. 12–13. <https://doi.org/10.4060/cd1276ru>.
8. UBS снизил прогноз по экономике Китая на 2024–2025 годы // *Финам*. 2024. 29.08. <https://www.finam.ru/publications/item/ubs-snizil-prognoz-po-ekonomike-kitaya-na-2024-2025-gody-20240829-1106/?ysclid=m35rdkevqa159725769>.
9. Autumn 2024 Economic Forecast: A Gradual Rebound in an Adverse Environment // *European Commission*. 2024. November. https://economy-finance.ec.europa.eu/economic-forecast-and-surveys/economic-forecasts/autumn-2024-economic-forecast-gradual-rebound-adverse-environment_en.
10. Balzter H., Macul M. et al. Loss and Damage from Climate Change: Knowledge Gaps and Interdisciplinary Approaches // *Sustainability*. 2023. January. Vol. 15. Issue 15.

11. Bangladesh Army Chief Gives Timeline for Democracy, Seeks Election in 18 Months // The Hindu. 2024. 24.09 https://www.dhakacourier.com.bd/news/Nation_this_week/Army-Chief-General-Waker-uz-Zaman-said-Bangladesh-should-return-to-electoral-democracy-in-12-18-months/8557.
12. Cavaciuti-Wishart E., Heading S., Kohler K. et al. The global risks report 2024: 19th edition // World Economic Forum. <https://www.weforum.org/publications/global-risks-report-2024/in-full/>.
13. Centre for Research on the Epidemiology of Disasters (CRED). Disasters in Numbers: 2023 Overview. Brussels, 2023.
14. China's 2025 GDP growth forecast cut by UBS on Trump threat, others wait and see // South China Morning Post. 2024. 11.11. https://www.scmp.com/economy/china-economy/article/3286060/chinas-2025-gdp-growth-forecast-cut-ubs-trump-threat-others-wait-and-see?module=perpetual_scroll_0&pgtype=article.
15. Chinese Stocks in Hong Kong Fall as Fiscal Plan Fails to Impress // Bloomberg News. 2024. 11.11. <https://www.bloomberg.com/news/articles/2024-11-11/chinese-stocks-face-pressure-as-fiscal-stimulus-underwhelms?srnd=phx-markets&sref=Y0jVLcFo>.
16. Chitravanshi R. India Sees 43 % Decline in FDI Inflows in 2023, Drops to 15th Spot // Business Standard. 2024. 20.06. https://www.business-standard.com/economy/news/india-sees-43-fall-in-fdi-inflows-in-2023-drops-to-15th-spot-unctad-124062000868_1.html.
17. Climate Bonds Initiative (CBI). Sustainable Debt Market H1 2024. August 2024.
18. Current Inflation // Bangladesh Bank. <https://www.bb.org.bd/en/index.php/econdata/inflation>.
19. Directive (EU) 2024/1788 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 on Common Rules for the Internal Markets for Renewable Gas, Natural Gas, and Hydrogen, Amending Directive (EU) 2023/1791 and Repealing Directive 2009/73/EC. OJ L 2024/1788, 15.07.2024.
20. Directive (EU) 2024/1799 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 on Common Rules Promoting the Repair of Goods and Amending Regulation (EU) 2017/2394 and Directives (EU) 2019/771 and (EU) 2020/1828. OJ L 2024/1799, 10.07.2024.
21. Economic and Fiscal Outlook // Office for Budget Responsibility. 2024. October. Pp. 49–51. https://obr.uk/docs/dlm_uploads/OBR_Economic_and_fiscal_outlook_Oct_2024.pdf.
22. Election 2024 // The Dawn. <https://www.dawn.com/elections-2024/>.
23. Employment Rights Bill. Originated in the House of Commons, Session 2024–25 // UK Parliament. <https://bills.parliament.uk/bills/3737>.
24. Environmental Finance, Sustainable Loans Insight 2024.
25. European Neighbourhood Policy and Enlargement Negotiations. Ukraine Facility // European Commission. https://neighbourhood-enlargement.ec.europa.eu/european-neighbourhood-policy/countries-region/ukraine/ukraine-facility_en.
26. Eurostat Database // European Commission. <https://ec.europa.eu/eurostat/web/main/data/database>.
27. FAO Food Price Index. Higher vegetable oil quotations drive up FAO Food Price Index, but lower cereal and sugar prices temper the rise // FAO. 2024. 06.12. <https://www.fao.org/worldfoodsituation/foodpricesindex/en/>.
28. FAO. 2024. Food Outlook — Biannual report on global food markets. Food Outlook, November 2024. Rome. <https://doi.org/10.4060/cd3177en/>.
29. FDI Drops by 8.8 % in FY24 Amid Economic Volatility /// The Business Standard. 2024. 30.10. <https://www.tbsnews.net/economy/fdi-drops-88-fy24-amid-economic-volatility-979726>.
30. Fiscal Monitor: Putting a Lid on Public Debt // International Monetary Fund. 2024. October. <https://www.imf.org/en/Publications/FM/Issues/2024/10/23/fiscal-monitor-october-2024>.

31. Global Economic Prospects. June 2024. A World Bank Group Flagship Report. P. 4.
32. Gold Demand Trends Q3 2024 // World Gold Council. 2024. 30.10. <https://www.gold.org/goldhub/research/gold-demand-trends/gold-demand-trends-q3-2024>.
33. IMF Agrees to Provide Bangladesh with \$1.15B as 3rd Installment of Its Multi-Billion-Dollar Loan Program // Anadolu Agency. 2024. 08.05. <https://www.aa.com.tr/en/asia-pacific/imf-agrees-to-provide-bangladesh-with-115b-as-3rd-installment-of-its-multi-billion-dollar-loan-program/3213864>.
34. IMF Board Clears First Review of Bangladesh's \$4.7 Billion Bailout // Reuters. 2023. 13.12. <https://www.reuters.com/world/asia-pacific/imf-board-clears-first-review-bangladeshs-47-billion-bailout-2023-12-12/>.
35. IMF World Economic Outlook Database. 2024. October.
36. India Ends Non-Basmati Rice Export Ban // Work-Grain.com. 2024. 10.03. <https://www.world-grain.com/articles/20531-india-ends-non-basmati-rice-export-ban>.
37. Khan A. Why Foreign Investors Are Exiting India // The New Indian Express. 2024. 21.11. <https://www.newindianexpress.com/explainers/2024/Nov/24/why-foreign-investors-are-exiting-india>.
38. Mid-Year Economic Projection for FY2024 // Cabinet Office. 2024. 19.07. <https://www5.cao.go.jp/keizai1/mitoshi/2024/r060822shisan-e.pdf>.
39. OECD Data Explorer. <https://www.oecd.org/en/data/datasets/oecd-DE.html>.
40. Office of the Chief Economist of the South Asia Region. South Asia Development Update: Women, Jobs, and Growth // The World Bank Group. 2024. October. P. 5.
41. Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD). FDI in Figures: 2007 Edition. Paris: OECD Publishing, 2007.
42. Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD). FDI in Figures: 2016 Edition. Paris: OECD Publishing, 2016.
43. Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD). FDI in Figures: 2017 Edition. Paris: OECD Publishing, 2017.
44. Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD). FDI in Figures: 2018 Edition. Paris: OECD Publishing, 2018.
45. Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD). FDI in Figures: 2019 Edition. Paris: OECD Publishing, 2019.
46. Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD). FDI in Figures: 2020 Edition. Paris: OECD Publishing, 2020.
47. Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD). FDI in Figures: 2021 Edition. Paris: OECD Publishing, 2021.
48. Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD). FDI in Figures: 2022 Edition. Paris: OECD Publishing, 2022.
49. Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD). FDI in Figures: 2023 Edition. Paris: OECD Publishing, 2023.
50. Proposal for a Regulation of the European Parliament and of the Council on the transparency and integrity of Environmental, Social and Governance (ESG) rating activities // COM/2023/314 final.
51. Quarterly Estimates of GDP: July–September 2024 (The First Preliminary) / Department of National Accounts. Economic and Social Research Institute // Cabinet Office, Government of Japan. 2024. November. P. 2. https://www.esri.cao.go.jp/jp/sna/data/data_list/sokuhou/files/2024/qe243/pdf/jikei_1.pdf.
52. Read and watch Rachel Reeves full speech: New Labour left UK economic weakness ‘exposed’ // LabourList. 2024. 20.03. <https://labourlist.org/2024/03/rachel-reeves-mais-lecture-2024-decade-national-renewal-economic-growth/>; Reeves R. A New Business Model for Britain: Building Economic Strength in an Age of Insecurity // Labour Together. 2024. May. <https://www.labourtogether.uk/all-reports/a-new-business-model-for-britain>;

- Rodrik D., Spencer H. Productivist policies for the UK // IPPR Progressive Review. 2023. Winter. Vol. 30. Issue 3. P. 161–166. <https://doi.org/10.1111/newe.12361>.
53. Regulation (EU) 2023/956 of the European Parliament and of the Council of 10 May 2023 establishing a carbon border adjustment mechanism // OJ L 130, 16.05.2023.
 54. Regulation (EU) 2024/1252 of the European Parliament and of the Council of 11 April 2024 establishing a framework for ensuring a secure and sustainable supply of critical raw materials and amending Regulations (EU) No 168/2013, (EU) 2018/858, (EU) 2018/1724 and (EU) 2019/1020 // OJ L, 2024/1252.
 55. Reserves drop below \$20b after ACU payment // The Daily Star. 2024. 13.11. <https://www.thedailystar.net/business/news/reserves-drop-below-20b-after-acu-payment-3751161>.
 56. Russian wheat exports to Bangladesh up 42 % in 9M — Agroexport // Interfax. 2024. 24.10. [https://interfax.com/newsroom/top-stories/107022/#:~:text=Oct %2024 %20\(Interfax\) %20 %2D %20Russia,of %20Russian %20wheat %20in %202024](https://interfax.com/newsroom/top-stories/107022/#:~:text=Oct%20%20(Interfax)%20%2D%20Russia,of%20Russian%20wheat%20in%202024).
 57. The Global Risks Report 2024. 19th edition // World Economic Forum. <https://www.weforum.org/publications/>.
 58. The Henley Private Wealth Migration Report 2024 // Henley & Partners. 2024. June. <https://www.henleyglobal.com/newsroom/press-releases/henley-private-wealth-migration-report-2024>.
 59. Trade and investment factsheets: Russia // Department for Business & Trade. 2024. 01.11. <https://assets.publishing.service.gov.uk/media/67220e7510b0d582ee8c48b3/russia-trade-and-investment-factsheet-2024-11-01.pdf>.
 60. Trends in UK real GDP per head: 2022 to 2024 // Office for National Statistics. 2024. 18.10. <https://www.ons.gov.uk/economy/grossdomesticproductgdp/articles/trendsinukrealgdpperhead/2022to2024>.
 61. Trump, rupee and economic growth: What's in store for India in 2025? // The Economic Times. 2024. 18.11. <https://economictimes.indiatimes.com/news/economy/policy/trump-rupee-and-economic-growth-whats-in-store-for-india-in-2025/articleshow/115409606.cms>.
 62. UK Labour Market Statistics. Research Briefing // House of Commons Library. 2024. 15.10. P. 27–31. <https://researchbriefings.files.parliament.uk/documents/CBP-9366/CBP-9366.pdf>.
 63. UNCTAD World Investment Report, 2024. Chapter III. Sustainable Finance Trends. P. 105.
 64. UNCTAD World Investment Report, 2024. Chapter III. Sustainable Finance Trends.
 65. Unemployment rate (aged 16 and over, seasonally adjusted): % // Office for National Statistics. 2024. 12.11. <https://www.ons.gov.uk/employmentandlabourmarket/peoplenotinwork/unemployment/timeseries/mgsx/lms>.
 66. UNEP. Adaptation Gap Report 2023: Underfinanced. Underprepared. UNEP, 2023.
 67. UNEP. Emissions Gap Report 2024: No more hot air please. UNEP, 2024.
 68. UNEP. Emissions Gap Report. UNEP, 2023.
 69. UNFCCC. Operationalisation of the new funding arrangements, including a fund, for responding to loss and damage referred to in paragraphs 2–3 of decisions 2/CP.27 and 2/CMA.4.
 70. UNFCCC/COP 29. Decision CMA.6. Matters related to finance New collective quantified goal on climate finance. 23\11\2024.

Часть III. ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

1. Аватков В.А. Турция и Азербайджан: одна нация — одно государство? // Мировая экономика и международные отношения. 2022. Т. 66. № 2. С. 90–100.
2. Белов В.Б. Германо-китайские экономические отношения в условиях актуальных геополитических вызовов // Современная Европа. 2023. № 7. С. 111–126.

3. Госдеп США: Белоруссия — «бастион против российского неоимпериализма» // ИА EADaily. 2018. 20.10. <https://eadaily.com/ru/news/2018/10/20/gosdep-ssha-belorussiya-bastion-protiv-rossiyskogo-neoimperializma>.
4. Гронский А.Д. Парламентские и муниципальные выборы в Белоруссии // Россия и новые государства Евразии. 2024. № 1. С. 67–77.
5. Гузаеров Р., Баскаков И. Иран и Турция после Второй Карабахской войны // Россия и новые государства Евразии. 2024. № 3. С. 138–152. DOI: 10.20542/2073-4786-2024-3-138-152.
6. Донцев С.П. Политика и религия в современной Молдове // Постсоветские исследования. 2024. Т. 7. № 2. С. 193–202.
7. Дынкин А.А. Трансформация мирового порядка: экономика, идеология, технологии // Полис. Политические исследования. 2024. № 5. С. 8–23. <https://doi.org/10.17976/jpps/2024.05.02>.
8. ЕС и Беларусь // Представительство ЕС в РБ. 2024. 28.11. https://www.eeas.europa.eu/belarus/es-i-belarus_ru?s=218.
9. Карасова Т. «Сделка века» Д. Трампа. Приведет ли новый план США к урегулированию палестино-израильского конфликта // Свободная мысль. 2020. № 4(1682). С. 63–74.
10. Кривогуз М.И. Экономика Украины в условиях военного положения // Россия и новые государства Евразии. 2024. № 3. С. 9–29.
11. Малышева Д. Центральноазиатское направление политики Турции // Россия и новые государства Евразии. 2024. № 2. С. 60–72. DOI: 10.20542/2073-4786-2024-2-60-72.
12. Малышева Д.Б. Проблемы регионализации постсоветской Центральной Азии // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2020. Т. 13. № 3. С. 140–155. DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-3-8.
13. Маркаров А.А., Давтян В.С. Платформа сотрудничества «3 + 3» и перспективы разблокирования транспортных коммуникаций на Южном Кавказе // Геоэкономика энергетики. 2024. № 2(26). С. 22–37. DOI: 10.48137/26870703_2024_26_2_22.
14. Мельникова Ю.Ю. «Европеизация» китайского направления внешней политики ФРГ в начале 2020-х гг.: национальные интересы и наднациональные ограничения // Сравнительная политика. 2024. № 15(2). С. 50–75. <https://doi.org/10.46272/2221-3279-2024-2-15-3>.
15. Молдова стала второй после Украины страной по объему военной поддержки со стороны ЕС // Евразия-Эксперт. 2024. 20.01. <https://eurasia.expert/moldova-stala-vtoroy-posle-ukrainy-stranoy-po-obemu-voennoy-podderzhki-so-storony-es/>.
16. Постсоветские государства на современном этапе: внутривосточная динамика и поиск путей развития / Отв. ред. Э.Г. Соловьев. — М.: ИМЭМО РАН, 2024. — 209 с.
17. Россия в учебниках истории стран Ближнего и Постсоветского Востока, Китая: реферативный сборник / отв. ред. В.А. Аватков. — М.: ИНИОН РАН, 2024. — 155 с.
18. Смирнов А. Гагаузия: борьба за автономию в условиях геополитического кризиса // Россия и новые государства Евразии. 2024. № 3. С. 57–71.
19. Соловьев Э.Г. Молдавия: разворот на Запад // В кн.: Постсоветские государства на современном этапе: внутривосточная динамика и поиск путей развития / Отв. ред. Э.Г. Соловьев. — М.: ИМЭМО РАН, 2024. — С. 63–72.
20. Соловьев Э.Г. Роль Украинского кризиса в формировании нового миропорядка // Россия и новые государства Евразии. 2023. № 4. С. 11–23.
21. Хдери К. Конфликт в Газе обнажил кризис внешней политики ФРГ // Российский совет по международным делам: РСМД. 2024. 21.11. <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/europeanpolicy/konflikt-v-gaze-obnazhil-krizis-vneshney-politiki-frg/>.

22. Цедилина Е. Украинский синдром Кишинева // Россия и новые государства Евразии. 2024. № 2. С. 9–23.
23. Центральная Азия как формирующаяся подсистема международных отношений / под ред. К.П. Курылева. — М.: Аспект Пресс, 2024. — 312 с.
24. Шевченко Д. Санду — президент молдавской диаспоры // Фонд стратегической культуры. 2024. 04.11. <https://www.fondsk.ru/news/2024/11/04/sandu-president-moldavskoy-diaspory.html>.
25. Экс-глава Гагаузии объявила о создании новой политической партии // РИА Новости. 2024. 05.11. <https://ria.ru/20241105/gagauziya-1981909018.html>.
26. 2023 Progress Report of the ROK's Indo-Pacific Strategy // The Government of the Republic of Korea. 2023. December. 25 p.
27. 2024 Republican Party Platform // The American Presidency Project. 2024. 08.07. <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/2024-republican-party-platform>.
28. 2025 Outlook: Will Tailwinds Trump Tariffs? // Goldman Sachs. 2024. 20.11. <https://www.goldmansachs.com/insights/goldman-sachs-exchanges/2025-outlook-will-tailwinds-trump-tariffs>.
29. A Global Community of Shared Future: China's Proposals and Actions // The State Council Information Office of the People's Republic of China. 2023. September. <http://english.www.gov.cn/atts/stream/files/65126ef9c6d0c788098ffef6>.
30. Achieving the ASEAN Community Vision 2045 // The ASEAN. 2023. September. Issue 29. <https://theaseanmagazine.asean.org/article/achieving-the-asean-community-vision-2045/>.
31. Apulia G7 Leaders' Communiqué // The Council of the EU and the European Council. https://www.consilium.europa.eu/media/fttjqncg/apulia-g7-leaders-communicue.pdf?_cf_chl_tk=wtwBtd2Alr.tF5Zu4g0krUZbJsCAOpZCpw4U0hK9FvY-1731996830-1.0.1.1-NA11I9ssH6vSJ0nd9g3GK1cVFam1jv2G757p89jIfQ.
32. Armstrong S. Trump-proofing economic security in Asia // East Asia Forum. 2024. 17.11. <https://eastasiaforum.org/2024/11/17/trump-proofing-economic-security-in-asia/>.
33. ASEAN Community Vision 2025. ASEAN 2025: Forging Ahead Together // ASEAN. <https://policy.asiapacificenergy.org/sites/default/files/ASEAN-Community-Vision-2025.pdf>.
34. Autumn 2024 Economic Forecast: A gradual rebound in an adverse environment // The European Commission. 2024. 18.11. https://economy-finance.ec.europa.eu/economic-forecast-and-surveys/economic-forecasts/autumn-2024-economic-forecast-gradual-rebound-adverse-environment_en#forecast-for-eu-candidate-countries.
35. Belin C., Ruge M., Shapiro J. Imagining Trump 2.0: Six scary policy scenarios for a second term // The European Council on Foreign Relations. <https://ecfr.eu/publication/imagining-trump-2-0-six-scary-policy-scenarios-for-a-second-term/>.
36. Bishkek Declaration of the 11th Summit of the Organization of Turkic States Organization of Turkic States // The Organization of Turkic States. 2024. 06.11. <https://www.turkicstates.org/assets/pdf/haberler/bishkek-declaration-3476-291.pdf>.
37. Bulgarian president blocks common Bucharest Nine position on Ukraine // Euractiv. 2024. 12.06. <https://www.euractiv.com/section/politics/news/bulgarian-president-blocks-common-bucharest-nine-position-on-ukraine/>.
38. Central Asia Pivot // International Trade Administration. 2022. 19.05. <https://www.trade.gov/market-intelligence/central-asia-pivot>.
39. Central Asia: Implications of Russia's War in Ukraine Central Asia: Implications of Russia's War in Ukraine // Congressional Research Service. 2023. 09.06. <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/R/R47591>.
40. Commissioners-designate (2024-2029) // The European Commission. 2024. https://commission.europa.eu/about-european-commission/towards-new-commission-2024-2029/commissioners-designate-2024-2029_en.

41. Cracknell R., Baker C. General election 2024: Results and analysis // House of Commons Library. <https://researchbriefings.files.parliament.uk/documents/CBP-10009/CBP-10009.pdf>.
42. Daniels von L. Will the EU agree to use economic sanctions against China? // The Brookings Institution. <https://www.brookings.edu/articles/will-the-eu-agree-to-use-economic-sanctions-against-china/>.
43. Department of State, Foreign Operations, and related programs Appropriations Bill, 2025 // Library of Congress. <https://www.congress.gov/118/crpt/srpt200/CRPT-118srpt200.pdf>.
44. Diese Waffen und militärische Ausrüstung liefert Deutschland an die Ukraine // Bundesregierung. 2024. 10.11. <https://www.bundesregierung.de/bregde/aktuelles/lieferungen-ukraine-2054514>.
45. Malysheva D.B. The Monarchies of the Persian Gulf and Central Asia // World Economy and International Relations. 2024. Vol. 68. No. 7. Pp. 79–89. DOI: 10.20542/0131-2227-2024-68-7-79-89.
46. Diplomatic Bluebook 2024. Japanese Diplomacy and International Situation in 2023 // Ministry of Foreign Affairs, Japan. 2024. 379 pp.
47. Donald Tusk reaguje na słowa ukraińskiego ministra. "Jednoznacznie zła ocena" // Onet. 2024. 30.09. <https://wiadomosci.onet.pl/kraj/dmytro-kuleba-mowil-o-wolyniu-jest-reakcja-donald-tuska/2nd1617>.
48. Duclos M. [Trump II] — Quel nouveau partenariat entre la France et les États-Unis? // Institut Montaigne. 2024. 07.11. <https://www.institutmontaigne.org/expressions/trump-ii-quel-nouveau-partenariat-diplomatique-avec-paris>.
49. Democracy Index 2023 // Economist Intelligence Unit. https://www.eiu.com/n/campaigns/democracy-index-2023/?utm_source=eiu-website&utm_medium=blog&utm_campaign=democracy-index-2023.
50. Geopolitics in the Indo-Pacific: Major players' strategic perspectives. // European Parliamentary Research Service. PE 751.398. 2023. 12.07. 12 p.
51. Grand Design and Action Plan for a New Form of Capitalism 2024 Revised Version // Cabinet Office Secretariat, Tokyo. 2024. 21.06. 80 p.
52. Grossman D. Trump 2.0 Would Get Mixed Responses in the Indo-Pacific // RAND. 2024. 22.08. <https://www.rand.org/pubs/commentary/2024/08/trump-20-would-get-mixed-responses-in-the-indo-pacific.html>.
53. Gusseinov E., Sultonnazarov A. The Future of Central Asian Integration in the Shadow of U.S.-China Confrontation // Central Asian Bureau for Analytical Reporting. 2024. 24.04. <https://cabar.asia/en/the-future-of-central-asian-integration-in-the-shadow-of-u-s-china-confrontation>.
54. Heyer E. et Timbeau X. (dir.). L'heure des comptes : perspectives 2024–2025 pour l'économie française // OFCE. 2024. 10.04. 30 p.
55. Indo-Pacific Strategy of the United States // The White House. Washington. 2022. February. 19 p.
56. Indo-Pacific Strategy of the United States // The White House. 2022. February. <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/02/U.S.-Indo-Pacific-Strategy.pdf>.
57. Iran Economic Monitor, Spring 2024: Sustaining Growth Amid Rising Geopolitical Tensions — With a Special Focus: Recent Poverty and Inequality Trends in Iran (2020–2022) // The World Bank. 2024. <https://documents.worldbank.org/en/publication/documents-reports/documentdetail/099051007102421530/idu1398008291628d14b5a1a9f91728b946987e4>.
58. Israel-Hamas conflict: UK response October 2023 to July 2024 // House of Commons Library. <https://researchbriefings.files.parliament.uk/documents/CBP-9874/CBP-9874.pdf>.

59. Jackson V. Pacific Power Paradox: Statecraft and the Fate of the Asian Peace. Yale University Press, 2023.
60. Kozhanov N. Securitization of the Energy Transition and the Interests of the GCC Oil Producers // Orient. 2024. № 3. <https://orient-online.com/orient-iii-2024-challenges-to-trade-in-the-middle-east/>.
61. Kundnani H. Europe Can't "Trump-Proof" Itself // Dissent. 2024. 14.11. https://www.dissentmagazine.org/online_articles/europe-cant-trump-proof-itself/.
62. Macro Poverty Outlook for Syrian Arab Republic: April 2024 // The World Bank. 2024. <https://documents.worldbank.org/pt/publication/documents-reports/documentdetail/099954404052437151/idu1bc6b39b317f901404e18a37172869094aabb>.
63. Mandate for Leadership the Conservative Promise. Project 2025, Presidential transition project // The Heritage Foundation. 2023. https://static.project2025.org/2025_MandateForLeadership_FULLL.pdf.
64. Middle East and North Africa Economic Update — October 2024 // The World Bank. 2024. <https://www.worldbank.org/en/region/mena/publication/middle-east-and-north-africa-economic-update>.
65. National Security Strategy of the United States of America // The White House. 2017. December. <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf>.
66. National Security Strategy of the United States of America // The White House. 2022. October. <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf>.
67. New Southern Policy Plus. A Community for People, Peace and Prosperity // Presidential Committee on New Southern Policy. Seoul. 23 p.
68. Niewygodne słowa Donalda Tuska o Donaldzie Trumpie. Teraz zaprzecza sam sobie // Onet. 2024. 07.11. <https://wiadomosci.onet.pl/kraj/niewygodne-slowa-donald-tuska-o-donaldzie-trumpie-teraz-zaprzecza-wzywqq4>.
69. Prezydent Andrzej Duda: To mrzonka, że Europa sama zapewni sobie bezpieczeństwo // Bankier.pl. 2024. 11.11. <https://www.bankier.pl/wiadomosc/Swieto-niepodleglosci-Duda-To-mrzonka-ze-Europa-sama-zapewni-sobie-bezpieczenstwo-8843117.html>.
70. Prod'homme P. Quelle stratégie pour la France en Afrique ? // Revue Defense Nationale. 2023/HS13. 375–394 pp.
71. Projections macroéconomiques pour la France établies par la Banque de France // Banque de France. 2024. 17.09. https://www.banque-france.fr/system/files/2024-09/projections-macroeconomiques_septembre-2024.pdf.
72. Regional Economic Outlook. Middle East and Central Asia. Navigating the Evolving Geoeconomic Landscape // International Monetary Fund. 2024. <https://www.imf.org/en/Publications/REO/MECA/Issues/2024/10/24/regional-economic-outlook-middle-east-central-asia-october-2024>.
73. Renewable capacity statistics 2024 // International Renewable Energy Agency. 2024. <https://www.irena.org/Publications/2024/Mar/Renewable-capacity-statistics-2024>.
74. Report on the EU strategy on Central Asia // The European Parliament, Committee on Foreign Affairs. 2023. 06.12. https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/A-9-2023-0407_EN.html.
75. Report to Congress on The Status of Dr. Shakil Afridi and the Actions the United States Government Has Taken to Try to Secure His Release from Prison // The US Department of State. 2024. August. <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2024/08/Report-35-Dr.-Afridi-and-the-Actions-to-Secure-His-Release-from-Prison-006085-Section-508-accessible-8.13.2024.pdf>.

76. Rod Z. NATO's expanding role in the Indo-Pacific // CEIAS Insights. Central European Institute of Asian Studies. 2024. 14.08. <https://ceias.eu/natos-expanding-role-in-the-indo-pacific/>.
77. South Caucasus in the Context of Social, Economic and Political Progress in the Post-Cold War Era / eds., V. Kurban, M. Duranli. Ankara: IKSAD Publishing house, 2021. 365 p.
78. Starr S.F. Greater Central Asia as a Component of U.S. Global Strategy // Washington: Central Asia-Caucasus Institute and Silk Road Studies Program Silk Road Paper. 2024. October. 28 p.
79. Statistical Review of World Energy. 73rd edition // Energy Institute. 2024. https://www.energyinst.org/_data/assets/pdf_file/0006/1542714/684_EI_Stat_Review_V16_DIGITAL.pdf.
80. Sustainable transport connections between Europe and Central Asia // European Commission. https://transport.ec.europa.eu/document/download/4360ea36-a75a-47e5-8b6f-84a9bde66a02_en?filename=Sustainable_transport_connections_between_Europe_and_Central_Asia.pdf.
81. Cornell S.E. Türkiye's Return to Central Asia and the Caucasus // Washington: Central Asia-Caucasus Institute and Silk Road Studies Program Silk Road Paper. 2024. June. 87 p.
82. Syria Economic Monitor, Spring 2024: Conflict, Crises, and the Collapse of Household Welfare // The World Bank. 2024. <https://documents.worldbank.org/pt/publication/documents-reports/documentdetail/099515505222471242/idu12e419274142fc14ff31baf411ef0c0aef81c>.
83. The 2025–2029 Common Funding Resource Plan. Report by the Resource Policy and Planning Board // North Atlantic Treaty Organization. https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_228133.htm.
84. The Action Plan for a Free, Peaceful, and Prosperous Indo-Pacific / The Government of the Republic of Korea. 2023. December. 37 p.
85. The Belt and Road Initiative: A Key Pillar of the Global Community of Shared Future // The State Council Information Office of the People's Republic of China. 2023. October. <http://english.www.gov.cn/atts/stream/files/6524b3d7c6d0c788098ffefc>.
86. The Future of Central Asia's Development: Between Russia and China // The US Department of State. 2023. 02.05. <https://www.state.gov/the-future-of-central-asias-development-between-russia-and-china/>.
87. The Future of the Indo-Pacific — Japan's New Plan for a “Free and Open Indo-Pacific” — “Together with India, as an Indispensable Partner”. Policy Speech by Kishida Fumio, Prime Minister of Japan // Ministry of Foreign Affairs of Japan. 2023. 20.03. <https://www.mofa.go.jp/files/100477739.pdf>.
88. The Middle Trade and Transport Corridor // The World Bank. <https://www.worldbank.org/en/region/eca/publication/middle-trade-and-transport-corridor>.
89. The World China Made. “Made in China 2025” Nine Years Later. Project for Strong Labor Markets and National Development // The Office of Senator Marco Rubio. 2024. 13.09. <https://www.rubio.senate.gov/wp-content/uploads/2024/09/The-World-China-Made.pdf>.
90. Tong Zhao, Stefanovich D. Missile Defense and the Strategic Relationship among the United States, Russia, and China. Cambridge, Mass.: American Academy of Arts and Sciences, 2023.
91. Trump est de retour, et voici ce que cela signifie pour l'Europe // Politico. 2024. 06.11. <https://www.politico.eu/article/trump-est-de-retour-et-voici-ce-que-cela-signifie-pour-leurope/>.
92. Trump: I Will Regain Control of Bagram Air Base // Tolo News. 2024. 18.09. <https://tolonews.com/afghanistan-190787>.

93. Tusk, Kristersson forge strategic partnership, pledge 'ironclad' support for Ukraine // Euractiv. 2024. 29.11. <https://www.euractiv.com/section/politics/news/tusk-kristersson-forge-strategic-partnership-pledge-ironclad-support-for-ukraine/>.
94. Wencel J. Tusk o wyborach w USA: Era geopolitycznego outsourcingu dobiegła końca // Gazeta Wyborcza. 2024. 02.11. <https://wyborcza.pl/7,75398,31434394,tusk-o-wyborach-w-usa-era-geopolitycznego-outsourcingu-dobiegla.html>.
95. World Economic Outlook. Policy Pivot, Rising, Threats. October 2024 // International Monetary Fund. <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2024/10/22/world-economic-outlook-october-2024>.

АВТОРЫ

Адно Юрий Леонидович, кандидат технических наук, ведущий научный сотрудник Центра промышленных и инвестиционных исследований, ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН

Афонцев Сергей Александрович, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор РАН, заместитель директора по научной работе, заведующий Отделом экономической теории, ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН

Белков Евгений Анатольевич, младший научный сотрудник Лаборатории «Центр ближневосточных исследований», ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН

Богданов Константин Вадимович, кандидат технических наук, заведующий Сектором стратегического анализа и прогноза Центра международной безопасности, ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, ORCID 0000-0002-5922-0791

Бреславцева Александра Андреевна, младший научный сотрудник Центра североамериканских исследований, ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, ORCID 0000-0002-0113-6538

Вахрушин Иван Владимирович, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Центра азиатско-тихоокеанских исследований, ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН

Войтоловская Александра Романовна, кандидат политических наук, научный сотрудник Центра североамериканских исследований, ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, ORCID 0000-0003-0295-1312

Галаш Полина Сергеевна, младший научный сотрудник Центра прогнозных исследований, ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН

Гронский Александр Дмитриевич, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра постсоветских исследований, ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН

Гужев Илья Андреевич, младший научный сотрудник Лаборатории «Центр ближневосточных исследований», ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, ORCID 0000-0002-8302-028X

Давыдов Алексей Андреевич, кандидат политических наук, старший научный сотрудник Центра североамериканских исследований, ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, ORCID 0000-0002-8899-8746

Дауров Рамазан Джагафарович, ведущий научный сотрудник Лаборатории «Центр ближневосточных исследований» ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН

Десятски Екатерина Анатольевна, младший научный сотрудник Центра североамериканских исследований, ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, ORCID 0000-0002-3598-4404

Дмитриев Сергей Сергеевич, ведущий научный сотрудник Центра североамериканских исследований, ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, ORCID 0000-0003-2538-8219

Добрева Евдокия Ивановна, младший научный сотрудник Лаборатории «Центр ближневосточных исследований», ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН

Жуков Станислав Вячеславович, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, заместитель директора по научной работе, ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, ORCID 0000-0003-2021-2716

Журавлева Виктория Юрьевна, кандидат политических наук, заместитель директора по научной работе, руководитель Центра североамериканских исследований, ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, ORCID 0000-0003-1911-625X

Загашвили Владислав Степанович, доктор экономических наук, профессор, заведующий Сектором внешнеэкономической политики, ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, ORCID 0000-0002-2037-5729

Звягельская Ирина Доновна, член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, руководитель Лаборатории «Центр ближневосточных исследований», ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, ORCID 0000-0002-5937-9997

Ибрагимов Ибрагим Эминович, научный сотрудник Лаборатории «Центр ближневосточных исследований», ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, ORCID 0000-0001-9669-4243

Кадырмамбетов Тимур Мажитович, младший научный сотрудник Центра ситуационного анализа, ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, ORCID 0000-0002-3912-599X

Канаев Евгений Александрович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра азиатско-тихоокеанских исследований, ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, ORCID 0000-0002-7988-4210

Кислицын Сергей Владимирович, кандидат политических наук, руководитель Центра изучения стратегического планирования, ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, ORCID 0000-0002-8438-7964

Миронов Никита Алексеевич, младший научный сотрудник Центра североамериканских исследований, ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, ORCID 0000-0002-7752-8167

Кобринская Ирина Яковлевна, кандидат исторических наук, руководитель Центр ситуационного анализа, ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, ORCID 0000-0002-4419-0681

Кожанов Николай Александрович, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Лаборатории «Центр ближневосточных исследований», ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, ORCID 0000-0001-6101-4199

Копытин Иван Александрович, кандидат экономических наук, руководитель Центра энергетических исследований, ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, ORCID 0000-0002-7824-2670

Кудрявцев Андрей Константинович, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Центра европейских исследований, ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН

Кузьмина Елена Михайловна, кандидат политических наук, заведующая сектором Беларуси, Молдовы и Украины Центра постсоветских исследований, ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН

Куприянов Алексей Владимирович, кандидат исторических наук, руководитель Центра Индоокеанского региона, ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, ORCID 0000-0002-9041-6514

Лазовский Станислав Олегович, младший научный сотрудник Лаборатории «Центр ближневосточных исследований», ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, ORCID 0000-0003-1249-3634

Леонтьева Елена Львовна, кандидат экономических наук, главный научный сотрудник Центра азиатско-тихоокеанских исследований, ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН

Ломанов Александр Владимирович, доктор исторических наук, профессор РАН, заместитель директора, руководитель Центра азиатско-тихоокеанских исследований, ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, ORCID 0000-0003-2676-4271

Лукашин Юрий Павлович, доктор экономических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Центра прогнозных исследований, ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, ORCID 0000-0003-2559-2463

Макаревич Глеб Григорьевич, младший научный сотрудник Центра Индоокеанского региона, ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, ORCID 0000-0001-8037-0973

Малышева Дина Борисовна, доктор политических наук, главный научный сотрудник Центра постсоветских исследований, ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, ORCID 0000-0002-8625-6132

Мачавариани Гиви Ираклиевич, заведующий сектором Центра прогнозных исследований, ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, ORCID 0000-0002-4948-2624

Мишин Игорь Олегович, младший научный сотрудник Центра североамериканских исследований, ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, ORCID 0000-0002-6547-1319

Никитина Елена Николаевна, кандидат экономических наук, заведующая Сектором глобальных экономических проблем Отдела глобальных экономических проблем и внешнеэкономической политики, ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, ORCID 0000-0002-8431-7990

Павлова Мария Сергеевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Группы комплексных исследований Балтийского региона, сотрудник подразделения Центра изучения стратегического планирования, ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, ORCID 0000-0002-9114-3431

Подколзина Инна Александровна, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Центра европейских исследований, ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, ORCID 0000-0002-9243-7992

Пожилова Наталья Андреевна, кандидат юридических наук, научный сотрудник Отдела глобальных экономических проблем и внешнеэкономической политики, ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, ORCID 0000-0002-8404-1410

Поливач Александр Петрович, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Отдела глобальных экономических проблем и внешнеэкономической политики, ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, ORCID 0000-0002-5717-233

Попов Владимир Васильевич, старший научный сотрудник Центра промышленных и инвестиционных исследований, ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, ORCID 0000-0001-5299-958X

Прохоренко Ирина Львовна, доктор политических наук, заведующая Отделом международно-политических проблем, ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, ORCID 0000-0002-8090-7934

Резникова Оксана Бениаминовна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра энергетических исследований, ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, ORCID 0000-0002-9742-5026

Самарская Людмила Максимовна, кандидат исторических наук, научный сотрудник Лаборатории «Центр ближневосточных исследований», ИМЭМО им. Е. М. Примакова РАН, ORCID 0000-0003-4596-4404

Свистунова Ирина Александровна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Лаборатории «Центр ближневосточных исследований», ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, ORCID 0000-0001-5191-9090

Соловьев Эдуард Геннадьевич, кандидат политических наук, руководитель Центра постсоветских исследований, ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, ORCID 0000-0002-4433-3291

Сурков Николай Юрьевич, кандидат политических наук, заведующий Группой изучения общих проблем региона Лаборатории «Центр ближневосточных исследований» ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, ORCID 0000-0001-7185-7990

Сухов Николай Вадимович, ведущий научный сотрудник Лаборатории «Центр ближневосточных исследований», ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН

Татузов Виктор Юрьевич, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Отдела глобальных экономических проблем и внешнеэкономической политики, ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, ORCID 0000-0002-4669-3928

Тимофеев Павел Петрович, кандидат политических наук, заведующий Сектором региональных проблем и конфликтов Отдела европейских политических исследований, ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, ORCID 0000-0002-0512-7436

Тюкаева Татьяна Иршатовна, кандидат политических наук, научный сотрудник Лаборатории «Центр ближневосточных исследований», ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, ORCID 0000-0003-0758-4187

Федоровский Александр Николаевич, доктор экономических наук, руководитель группы общих проблем Азиатско-Тихоокеанского региона Центра азиатско-тихоокеанских исследований, ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, ORCID 0000-0002-3892-8432

Филина Анастасия Андреевна, ст. лаборант-исследователь Лаборатории «Центр ближневосточных исследований», ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН

Фрумкин Борис Ефимович, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра ситуационного анализа, ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, ORCID 0000-0002-1821-0140

Харитоновна Елена Марковна, кандидат политических наук, старший научный сотрудник Центра европейских исследований ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, ORCID 0000-0001-5948-1492

Хорольская Мария Витальевна, кандидат политических наук, научный сотрудник Отдела европейских политических исследований, ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, ORCID 0000-0002-1885-7729

Худякова Людмила Семеновна, кандидат экономических наук, заведующая Отделом глобальных экономических проблем и внешнеэкономической политики, ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, ORCID 0000-0001-6680-6734

Черкашин Максим Игоревич, младший научный сотрудник Центра североамериканских исследований, ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН

Четверикова Анна Сергеевна, кандидат экономических наук, руководитель Центра европейских исследований, ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, ORCID 0000-0003-4793-4145

Швыдко Виталий Григорьевич, кандидат экономических наук, руководитель группы экономики и политики Японии Центра азиатско-тихоокеанских исследований, ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, ORCID 0000-0002-7784-1655

Научное издание

Россия и мир: 2025.
Экономика и внешняя политика. Ежегодный прогноз

Руководители проекта:
Дынкин Александр Александрович
Барановский Владимир Георгиевич

Ответственные редакторы:
Кобринская Ирина Яковлевна
Мачавариани Гиви Ираклиевич

Ежегодник

ISBN 978-5-9535-0633-5

Подписано в печать 18.12.2024.
Формат 60×84/8. Печать офсетная.
Объем 26,75 п. л., 13,9 а. л. Тираж 300 экз. Заказ № 17

Издательство ИМЭМО РАН
Адрес: 117997, Москва, Профсоюзная ул., 23